

ISSN 0869-6322

*Должно приучить россиян
к уважению собственного.*
Н.М.Карамзин

2002

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ОБ ОБРАЗОВАНИИ
КГБ СССР.
1954 г.

БЮРО ЦК РСДРП –
ЗАГРАНИЧНОЙ
ДЕЛЕГАЦИИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

ПИСЬМО
М.И.ЦВЕТАЕВОЙ
1922 г.

ОБ АРЕСТЕ
И ОСВОБОЖДЕНИИ
КНЯЗЯ Г.Е.ЛЬВОВА

ВОСПОМИНАНИЯ
ГРАФИНИ
Е.Л.КАМАРОВСКОЙ

Historical Archives • Das historische Archiv
• Archives historiques • Archivo Historico

№ 3

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

2002

№ 3

Выходит 6 номеров в год

ДЕСЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Россия и Украина

Судьба львовского
книжного собрания
Оссолинеум

Письма
П.П.Скоропадского
жене. 1917 г.

А.С.Лаппо-
Данилевский –
М.С.Грушевскому

Автобиография
Н.А.Бердяева

Воспоминания
генерала
П.П.Потоцкого

Жалованная
грамота
Ивана Грозного

Учредители:

ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ,
АНО ИЗДАТЕЛЬСТВО «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»,
ООО «ИСТОРИЯ-СЕРВИС»

Главный редактор:

А.А.ЧЕРНОБАЕВ

Редакционный совет:

Б.В.АНАНЬИЧ, Н.Н.БОЛХОВИТИНОВ, О.В.ВОЛОБУЕВ,
В.П.КОЗЛОВ (председатель), С.В.МИРОНЕНКО, В.С.МЯСНИКОВ,
Р.Г.ПИХОЯ, Н.Н.ПОКРОВСКИЙ, А.Н.САХАРОВ, А.К.СОРОКИН,
А.Д.СТЕПАНСКИЙ, А.О.ЧУБАРЬЯН, В.В.ШЕЛОХАЕВ, С.О.ШМИДТ

Редакция:

В.Ю.АФИАНИ (зам. главного редактора), О.И.ГОРЕЛОВ
(зам. главного редактора), Г.И.НАУМЕНКО (отв. секретарь),
М.И.ОДИНЦОВ, А.Н.СВАЛОВ, Ю.В.СИГАЧЕВ

ISSN 0869-6322

Свидетельство о регистрации № 01426 от 07 апреля 1999 г.

Адрес редакции: 129256, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 2.
Тел./Факс: 181-17-52

Издатель: Издательство «Российская политическая энциклопедия».

Адрес издательства: 129256, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 2.
Тел./Факс: 181-34-57. E-mail: rosspen-publishers@mtu-net.ru

Оглавления нашего журнала можно получить через службу ИНФОМАГ
в режиме ON-Line через сервер РосНИИРОС по следующим URL:
<http://www.ripn.net> <gopher://gopher.ripn.net>

Для получения оглавлений журнала через электронную почту следует
направить письмо с командой help по адресу: ims@ripn.net

Полная информация о службе ИНФОМАГ может быть получена в ответ
на команду help по адресу: infomag@grant.mipt.msk.su.

© «Исторический архив», 2002

Перепечатка материалов допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Исторический архив» обязательна

«ЧЕСТНО СЛУЖИТЬ ПАРТИИ»

Постановление Президиума ЦК КПСС об образовании КГБ при Совете Министров СССР. 1954 г.

Образование КГБ в период «великого десятилетия» Н.С.Хрущева ознаменовало собой очередной этап реформирования советских органов государственной безопасности и появление спецслужбы, аббревиатура которой на долгие десятилетия стала ассоциироваться с одной из самых мощных систем разведывательных и контрразведывательных органов мира.

Публикуемые документы дают возможность историкам более тщательно проследить и по-новому оценить казалась бы известный факт — выделение из Министерства внутренних дел СССР в самостоятельное ведомство органов государственной безопасности. Необходимо отметить, что появление КГБ явилось одним из звеньев в цепи политических изменений в механизме власти Советского государства середины XX века. По заведенной в Советском Союзе традиции, реформы органов госбезопасности нередко предшествовали серьезным изменениям в обществе, которые намеревалась провести власть. Здесь можно проследить прямую взаимосвязь перемен в политике высших партийно-государственных руководителей страны и реорганизации отечественных спецслужб.

Реформирование органов госбезопасности входило еще в планы И.В.Сталина. По существу, реформа началась после решения ЦК ВКП(б) от 11 июля 1951 г. «О неблагоприятном положении в Министерстве государственной безопасности СССР». На следующий день, используя доклад старшего следователя Следственной части по особо важным делам МГБ СССР подполковника М.Д.Рюмина¹, Сталин отдал распоряжение об устранении министра госбезопасности, генерал-полковника В.С.Абакумова². Арест Абакумова и подчиненных ему

¹ Рюмин М.Д. (1913—1954) — в 1947—1951 гг. подполковник, старший следователь Следственной части по особо важным делам МГБ СССР. В 1951 г. написал в ЦК (в кабинете С.Д.Игнатьева) доклад на своего начальника генерал-полковника, министра госбезопасности В.С.Абакумова, обвинив его в том, что он скрывает от ЦК партии важные показания подследственных и, таким образом, препятствует расследованию деятельности вражеской агентуры, а также использует казенные средства на личные нужды. 20 октября 1951 г. Рюмин был назначен на должность зам. министра государственной безопасности СССР. Лично вел следствие по делу Абакумова, создал дело о так называемом «сионистском заговоре», в которое по его предложению были включены еврейские деятели культуры и искусства, евреи — офицеры МГБ и «врачи-убийцы». Однако Рюмин допустил ряд ошибок в следствии, чем вызвал неудовольствие И.В.Сталина, 14 ноября 1952 г. был уволен из органов и назначен старшим контролером в Министерстве государственного контроля СССР. Сразу после смерти Сталина Рюмин, по приказу Л.П.Берии, который был лично заинтересован в том, чтобы «дело врачей» не получило развития, 17 марта 1953 г. был арестован. 7 июля 1954 г. приговорен к смертной казни.

² Абакумов В.С. (1908—1954) — с мая 1946 г. по июль 1951 г. министр государственной безопасности СССР. Арестован 13 июля 1951 г. 19 декабря 1954 г.

лиц дал повод для появления в следственном производстве так называемого «дела врачей» и самое главное — повод для широкомаштабных кадровых перестановок в органах госбезопасности. Приход к руководству органами госбезопасности сугубо партийного функционера С.Д.Игнатьева³ означал не только приток в МГБ сотрудников из партийных организаций, но и существенные изменения в агентурно-оперативной деятельности. В соответствии с указаниями Сталина изменилась система оперативного учета в органах госбезопасности, что значительно очистило картотеки МГБ от малозначительных материалов, прошла реорганизация административно-хозяйственного аппарата МГБ СССР, сократились штаты и частично изменилась структура Управлений МГБ на местах. Серьезной реорганизации подверглась агентурно-осведомительная сеть органов госбезопасности, численность которой по всей стране с июля 1951 г. по март 1952 г. была сокращена более чем в два раза.

В июле 1952 г. по заданию Сталина Игнатьев подготовил проект постановления ЦК ВКП(б) «Об утверждении Положения о Министерстве государственной безопасности СССР и о структуре МГБ СССР». В сталинской реформе органов госбезопасности наступила завершающая стадия. Последние месяцы 1952 г. и начало 1953 г. Сталин уделял этой проблеме первостепенное внимание. В декабре 1952 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «О положении в МГБ СССР», где руководство страны, а точнее сам Сталин, вскрыл причины неблагополучия в органах госбезопасности. По его мнению, многие работники органов МГБ «оказались пораженными идиотской болезнью благодушия и беспечности, проявили политическую близорукость перед лицом вредительской и шпионско-диверсионной работы врагов». Сталин потребовал от чекистов «снять белые перчатки» в борьбе с «озверевшим классовым врагом» и еще раз обозначил проблему завершения глубокой реорганизации советской спецслужбы. Реформирование органов госбезопасности входило в планы Сталина, как важный этап задуманной им в последние годы жизни «Большой чистки» власти. Однако, смерть «вождя всех времен и народов» оборвала эти планы, и уже в марте 1953 г. на смену сталинским намерениям реорганизовать Министерство государственной безопасности один из членов «коллективного руководства» — министр внутренних дел маршал Л.П.Берия выдвинул свое видение перспектив строительства единых правоохранительных органов Советского государства, объединив МГБ и МВД в одно министерство⁴.

Начавшуюся крупномасштабную реформу прервал арест Берии. Победители в борьбе со всеяльным главой силовых служб начали свою собственную контрреформу, устраняя бериевские новации. Началось и «очищение» органов госбезопасности от «бериевских приспешников», вызвавшее волну перемен и сокращений. Но процесс перестройки органов несколько затянулся. Только в феврале 1954 г. в нем были расставлены новые стратегические акценты.

Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен по ст. 58-16, 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания.

³ Игнатьев С.Д. (1904—1983) — в 1950—1952 гг. заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б). Одновременно с августа 1951 г. по март 1953 г. — министр государственной безопасности СССР. В марте—апреле 1953 г. — секретарь ЦК КПСС. Затем на партийной работе в Башкирии и Татарии. С октября 1960 г. на пенсии.

⁴ См. подробнее: Старков Б. Сто дней «Лубянского маршала» // Источник. 1993. № 4. С. 82—90; Кокурин А.И., Пожаров А.И. «Новый курс» Л.П.Берии. 1953 г. // Исторический архив. 1996. № 4. С. 132—164.

В публикуемых черновых записях заседаний Президиума ЦК КПСС заведующего общим отделом В.Н.Малина самое главное — возможность познакомиться с ходом дискуссий в высшем эшелоне власти по вопросу реформирования спецслужб. Сама идея выделения органов госбезопасности из общего министерства уже предварительно прорабатывалась в Секретариате ЦК. Министр внутренних дел СССР С.Н.Круглов подал официальную записку в ЦК КПСС от 4 февраля 1954 г. с предложением о выделении из Министерства внутренних дел оперативно-чекистских управлений и отделов и создании на их базе «Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР». На заседании Президиума ЦК КПСС 8 февраля 1954 г. руководителям страны предстояло обсудить это предложение и принять решение. Конечно, речь не шла о простой смене вывесок, изменении названия органа. За разными предложениями стояли разные представления о функциях, а, главное, о полномочиях, границах власти этого органа. Поэтому название «бюро» или «управление» сразу же отвергли. Прошло предложение Л.М.Кагановича назвать спецслужбу «комитетом», что предлагалось и Кругловым. Замечание Кагановича о том, что в этом случае прослеживается взаимосвязь с партийной ячейкой, «К[омите]т — это отдел партийный», не столь наивно, как может показаться на первый взгляд. Партийным вождям слово «комитет» было ближе и привычнее, но за этим скрывалось и твердое желание поставить новый орган под свой неусыпный контроль, под контроль партийных органов. Предложенное С.Н.Кругловым наименование было одобрено с небольшой поправкой — исключили «по делам».

Не меньше, чем название нового органа, членов Президиума волновал вопрос о руководителе будущего КГБ. Сохранившиеся черновые записи В.Н.Малина свидетельствуют о том, что этот момент стал ключевым на заседании высшего партийного аппарата. Их жизненный опыт красноречиво говорил, что от личности руководителя органов госбезопасности многое зависит — и успех в борьбе за власть и, памятуя сталинские годы, может быть, и сама жизнь. В тот момент все сошлись на кандидатуре И.А.Серова. Н.С.Хрущев одержал здесь маленькую победу на пути к вершинам власти в стране, поскольку смог «протащить» своего человека на столь важный пост в силовом блоке министерств. Серов, его давний друг и соратник еще по работе на Украине, был утвержден в должности председателя КГБ при СМ СССР. Теперь «человек Хрущева» контролировал разведывательные и контрразведывательные структуры страны и, безусловно, был способен повлиять на ход политической игры. Какими аргументами Хрущев убедил Г.М. Маленкова, в тот момент формального руководителя страны согласиться с этой кандидатурой, чем Серов привлек тогда других членов Президиума ЦК, об этом можно только догадываться. Необходимо также заметить, что на обсуждении в Президиуме ЦК в адрес И.А.Серова прозвучала острая критика со стороны работников Секретариата ЦК КПСС — М.А.Сулова и Н.Н.Шаталина.

Близость к Первому секретарю ЦК партии позволяла Серову чувствовать себя в определенной независимости от партийного аппарата, поддержка Хрущева давала возможность быть достаточно уверенным в принятии тех или иных решений. Однако, тенденции развития взаимоотношений между партией и органами государственной безопасности были совсем иные. Серов не смог или не захотел найти общий язык с Секретариатом ЦК и прежде всего с руководителями административного отдела.

Дальнейшие события подтвердили правоту Хрущева и оправдали его надежды. Генерал Серов, по существу, спас Никиту Сергеевича в критические для него июньские дни 1957 г. Председатель КГБ И.А.Серов, вместе с министром обороны Г.К.Жуковым (кстати сказать, есть сведения, что между Серовым и Жуковым существовали дружеские отношения, во всяком случае, во время Великой Отече-

ственной войны)⁵, сумели обеспечить явку членов ЦК КПСС на пленум ЦК, который выразил поддержку Первому секретарю ЦК партии, тем самым был решен исход июньского конфликта в пользу Хрущева. На пленуме всплыло и то, что противники Хрущева, особенно Маленков и Каганович, по словам Л.И.Брежнева, хотели срочно заменить руководство КГБ и даже арестовать Серова⁶.

Однако после пленума Хрушев «отблагодарил» обоих своих спасителей. В том же году был снят Жуков за «недооценку» роли партийных органов. У Серова также были конфликты с ЦК, с отделом административных органов, курировавшего силовые министерства и ведомства. В отличие от строптивого маршала, Хрушев не стал увольнять своего протезе со службы — в декабре 1958 г. Серова перевели в Министерство обороны, поручив руководство Главным разведывательным управлением Генерального штаба МО СССР. Карьера Серова закончилась весной 1963 г., после разоблачения агента американской и английской разведок полковника ГРУ О.В.Пеньковского⁷. Тогда Хрушев был вынужден убрать Серова с политической арены уже навсегда.

Публикуемые документы показывают, что волна чисток органов МВД и госбезопасности с образованием КГБ при СМ СССР не закончилась, а приобрела новые, более мягкие формы — сокращения штатов «в целях экономии государственных средств». Видно и то, как МВД в ходе выделения Комитета госбезопасности стремилось сохранить за собой ряд функций органов госбезопасности, таких как обеспечение правительственной связью и охрана государственной границы, справедливо, по-видимому, считая, что это повышает статус нового МВД.

В дополнение к общезвестному факту о том, что Комитет госбезопасности был образован согласно постановлению ЦК КПСС от 12 марта 1954 г., а юридически оформлен указом Президиума Верховного Совета СССР 13 марта 1954 г., можно теперь со всей очевидностью утверждать, что КГБ СССР появился де-факто 8 февраля 1954 г. Именно тогда было принято об этом решение высшей властной инстанцией в стране — Президиумом ЦК КПСС.

Публикуемые архивные документы во многом дают ключ к пониманию работы механизма власти в СССР. Тщательное изучение замечаний, высказанных членами Президиума ЦК, позволяет сделать выводы о целесообразности тех или

⁵ См.: Докладная записка В.С.Абакумова И.В.Сталину о заявлении б. главнокомандующего ВВС — главного маршала авиации А.А.Новикова 30 апреля 1946 г. // Георгий Жуков. Документы. М., 2001. С. 590.

⁶ См.: Исторический архив. 1993. № 5. С. 40.

⁷ Пеньковский О.В. (1919—1963) — полковник Главного разведывательного управления Генерального штаба МО СССР. С апреля 1961 г. по август 1962 г. сотрудничал сразу с двумя разведками — ЦРУ и МИ-6. За это время передал американской и английской спецслужбам обширные сведения секретного характера и особой важности не только относительно разработок новейшего вооружения в СССР, но и планов, и намерений советского военно-политического руководства. Поток материалов от Пеньковского в Америке обрабатывала группа из 20 аналитиков и переводчиков, а в Англии 10 сотрудников МИ-6. Некоторые документы ЦРУ напрямую направляло президенту Дж.Кеннеди.

11 мая 1963 г. была поставлена точка в деле разоблаченного агента английской и американской разведок. В этот день Военная коллегия Верховного суда Союза ССР приговорила Пеньковского к высшей мере наказания, а его сообщника, английского подданного — Г.В.Винна, к восьми годам лишения свободы. В 1964 г. последний был обменен на известного советского разведчика Конона Молодого.

иных решений, принятых в ходе перестройки органов госбезопасности. Например, замечание К.Е.Ворошилова о принадлежности погранвойск МВД было достаточно обоснованным, поскольку жизнь показала неэффективность и ошибочность принятого решения оставить погранвойска в структуре МВД.

В обсуждаемой проблеме по поводу образования КГБ, о назначении его председателя красной нитью проходит мысль о полном подчинении органов госбезопасности партийным органам. В ходе дискуссии постоянно звучит мысль о том, что органы должны изменить свой характер в политическую, т.е. в партийную сторону. Утверждением И.А.Серова в качестве председателя КГБ был закреплён курс на осуществление партией полного контроля над органами госбезопасности.

Документы выявлены в фондах Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). Весь комплекс черновых протокольных записей заседаний Президиума ЦК КПСС за 1954—1964 гг. будет опубликован в отдельном издании, осуществляемом под руководством академика А.А.Фурсенко.

Публикацию подготовили кандидат исторических наук В.Ю.АФИАНИ, кандидат педагогических наук А.Л.ПАНИНА и кандидат юридических наук А.И.ПОЖАРОВ.

№ 1

Записка министра внутренних дел СССР С.Н.Круглова¹ в Президиум ЦК КПСС о выделении органов госбезопасности из МВД СССР

№ 320/к

4 февраля 1954 г.

Совершенно секретно

В Президиум ЦК КПСС
Товарищу Маленкову Г.М.²
Товарищу Хрущеву Н.С.³

Министерство внутренних дел представляет предложения о выделении органов государственной безопасности из Министерства внутренних дел СССР.

Существующее организационное построение Министерства внутренних дел СССР и его органов громоздко и не в состоянии обеспечить должного уровня агентурно-оперативной работы в свете задач, поставленных перед советской разведкой Центральным Комитетом СССР и Советским Правительством.

В целях создания необходимых условий для улучшения разведывательной и контрразведывательной работы считаем целесообразным выделить из Министерства внутренних дел СССР оперативно-чекистские управления и отделы и на их базе создать Комитет по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР.

I

В состав Комитета по делам государственной безопасности включить:

1) Главное управление по разведке в капиталистических странах (ныне 2[-е] Главное управление МВД СССР);

2) Главное управление по контрразведывательной работе внутри страны.

В целях объединения этой контрразведывательной работы внутри страны в состав этого управления войдут ныне существующие отдельно в составе МВД СССР — 4[-е] Управление (секретно-политическое), 5[-е] Управление (экономическое) и 6[-е] Управление (оперативно-чекистская работа на транспорте);

3) Управление по контрразведывательной работе в Советской Армии и Военно-Морском Флоте (ныне 3[-е] Управление МВД СССР);

4) Отдел по оперативно-чекистской работе на спецобъектах промышленности;

5) Службу наружного наблюдения (ныне 7[-е] Управление МВД СССР);

6) Шифровально-дешифровальную службу (ныне 8[-е] Управление МВД СССР);

7) Управление по охране руководителей Партии и Правительства (ныне 9[-е] Управление МВД СССР);

8) Управление коменданта Московского Кремля (ныне 10[-е] управление МВД СССР);

9) Следственную часть;

10) Учетно-архивный отдел (архив, статистика, внутренняя тюрьма);

11) Службу оперативной техники (ныне 2[-й] Спецотдел МВД СССР);

12) Отдел по изготовлению средств оперативной техники, средств тайнописи, документов для оперативных целей, экспертизе документов и почерков (ныне 3[-й] и 5[-й] Спецотделы МВД СССР);

13) Радиоконтрразведывательную службу (ныне 4[-й] Спецотдел МВД СССР);

Кроме того, в составе Комитета иметь — Управление кадров, Отдел учебных заведений, Хозяйственное управление, Финансово-плановый отдел, Мобилизационный отдел, Контрольную инспекцию при Председателе Комитета и Секретариат, организуемые путем разделения соответствующих аппаратов, существующих в МВД СССР.

Для проведения на местах мероприятий, связанных с обеспечением государственной безопасности в стране, создать следующие периферийные органы Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР:

1) В республиках, краях и областях страны — Управления Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР;

2) В крупных промышленных городах страны, а также во всех районах Литовской, Латвийской, Эстонской ССР и западных областей УССР иметь Уполномоченных Комитета с небольшим аппаратом;

3) В военных округах, соединениях и частях Советской Армии, на флотах и флотилиях Военно-Морского Флота — Особые отделы Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР (на базе существующих Особых отделов МВД);

4) На железных дорогах и водных бассейнах — аппараты Уполномоченных Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР (на базе существующих Дорожно-транспортных управлений и Водных отделов МВД СССР).

II

После выделения из Министерства внутренних дел СССР органов разведки и контрразведки, передаваемых в Комитет по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР, в МВД СССР останутся:

1) Главное управление милиции, в состав которого включается Управление милиции на железнодорожном и водном транспорте;

2) Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний;

3) Главное управление пограничных войск;

4) Главное управление внутренней и конвойной охраны, создаваемое путем объединения ныне существующих управлений внутренней и конвойной охраны;

5) Главное управление пожарной охраны;

6) Главное управление МПВО;

7) Главное управление геодезии и картографии;

8) Главное управление военного снабжения;

9) Тюремное управление;

10) Военно-строительное управление;

11) Центральное архивное управление;

12) Отдел Правительственной связи («ВЧ» и АТС Кремля);

13) Отдел фельдъегерской связи;

14) Отдел по надзору за ссыльными, высланными и спецпоселенцами;

15) Отдел по хранению и учету государственных запасов драгоценных металлов, алмазного фонда и других ценностей;

16) Отдел по контролю и инспектированию ведомственной охраны;

17) Отдел железнодорожных и водных перевозок.

18) Кроме того, в состав МВД СССР будут входить следующие аппараты после разделения их с Комитетом по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР: Управление кадров, Управление учебных заведений, Особый отдел по войскам МВД, Плановый отдел, Центральный финансовый отдел, Главная бухгалтерия, Хозяйственное управление, Мобилизационный отдел, Учетно-архивный отдел, Шифровальный отдел, Контрольная инспекция при Министре и Секретариат.

19) Учитывая, что с включением в состав Министерства внутренних дел СССР Главного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний СССР, МВД СССР будет выполнять большую производствен-

ную программу и значительный объем капитального строительства, необходимо восстановить в системе Министерства Управление материально-технического снабжения.

20) Одновременно вносится предложение об упразднении городских и районных отделов и отделений МВД, существование которых при проведении указанных организационных мероприятий не вызывается необходимостью. При этом имеется в виду оперативное руководство работой существующих в городах и районах органов пожарной охраны, архивных отделов и спецкомендатур в местах поселений — возложить на начальников соответствующих отделов и отделений милиции.

III

Проведение предлагаемых организационных мероприятий предусматривается в пределах утвержденной на 1954 год сметы на содержание Министерства внутренних дел СССР.

При организации Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР предусматривается существующую численность оперативных управлений и отделов как в центре, так и на местах сократить на 20%, что составит 15 956 штатных единиц с годовой экономией государственных средств 346 млн. рублей.

Упразднение отделов и отделений МВД в административных районах страны (за исключением Эстонской, Латвийской и Литовской республик и западных областей Украины, где на базе райотделов МВД создаются аппараты Уполномоченных Комитета по делам государственной безопасности) даст сокращение 21 736 единиц с годовой экономией в сумме 320 млн. рублей.

Предусматривается также сокращение штатной численности органов МВД как центрального аппарата, так и периферийных на 20%, что даст сокращение 8 839 штатных единиц с годовой экономией 194 млн. рублей.

В целом сокращение аппаратов Комитета по делам государственной безопасности и Министерства внутренних дел СССР даст экономию государственных средств в год в сумме 860 млн. рублей.

В соответствии с изложенным нами подготовлены проекты Постановления ЦК КПСС, Указа Президиума Верховного Совета СССР и Постановления Совета Министров СССР по вопросу об образовании Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР.

Просим рассмотреть.

Министр внутренних дел СССР
С.Круглов

Приложение № 1

**Проект постановления ЦК КПСС
«Об образовании Комитета по делам государственной
безопасности при Совете Министров СССР»**

от « » февраля 1954 года №

В целях создания необходимых условий для улучшения разведывательной и контрразведывательной работы органами государственной безопасности СССР Центральный Комитет КПСС постановляет:

1. Считать необходимым выделить из Министерства внутренних дел СССР оперативно-чеккистские управления и отделы и на их базе образовать Комитет по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР.

2. Возложить на Комитет по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР выполнение следующих основных задач:

а) ведение разведывательной работы в капиталистических странах;
б) борьба с шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок внутри СССР;

в) борьба с вражеской деятельностью всякого рода антисоветских элементов внутри СССР;

г) контрразведывательная работа в Советской Армии и Военно-Морском Флоте;

д) организация шифровального и дешифровального дела в стране;

е) охрана партии и правительства.

3. Возложить на Министерство внутренних дел СССР выполнение следующих основных задач:

а) охрана общественного порядка в стране, борьба с уголовной преступностью и хищением социалистической собственности, осуществление паспортной системы и руководство работой органов записи актов гражданского состояния;

б) охрана государственных границ Союза ССР;

в) содержание в тюрьмах, исправительно-трудовых лагерях, исправительно-трудовых колониях осужденных и организация их трудового использования и перевоспитания, надзор за ссыльными, высланными и спецпоселенцами;

г) государственный пожарный надзор, пожарная охрана крупных промышленных городов и объектов;

д) организация местной противовоздушной охраны в стране;

е) войсковая охрана особо важных промышленных предприятий, научно-исследовательских учреждений и других объектов;

ж) государственный геодезический надзор;

з) учет, хранение и организация использования государственных архивных фондов СССР;

и) организация и обеспечение Правительственной связи;

к) хранение и учет государственного запаса драгоценных металлов, алмазного фонда и других ценностей;

л) контроль и инспектирование ведомственной охраны.

4. Утвердить проекты Указа Президиума Верховного Совета СССР и Постановления Совета Министров СССР по вопросу об образовании Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР.

Приложение № 2

Проект указа Президиума Верховного Совета Союза ССР «Об образовании Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР»

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

Образовать Комитет по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР.

« » февраля 1954 года. Москва, Кремль.

Приложение № 3

Проект постановления Совета Министров СССР «Об образовании Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР»

Совет Министров Союза ССР постановляет:

1. Выделить из состава Министерства внутренних дел СССР оперативно-чекистские управления и отделы и на их базе образовать Комитет по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР.

2. Возложить на Комитет по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР выполнение следующих основных задач:

а) ведение разведывательной работы в капиталистических странах;

б) борьба с шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок внутри СССР;

в) борьба с вражеской деятельностью всякого рода антисоветских элементов внутри СССР;

г) контрразведывательная работа в Советской Армии и Военно-Морском Флоте;

д) организация шифровального и дешифровального дела в стране;

е) охрана партии и правительства.

3. Утвердить структуру Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР, согласно приложению № 1^а.

4. Организовать в союзных и автономных республиках, края и областях Управление Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР. В крупных городах (по списку, согласно приложению № 2^а), а также во всех районах Литовской, Латвийской,

^а Не публикуется.

Эстонской ССР и западных областей Украинской ССР создать аппараты Уполномоченных Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР с подчинением их республиканским, краевым и областным управлениям Комитета соответственно.

Председателю Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР, применительно к структуре Комитета, утвержденной настоящим постановлением, разработать и утвердить структуру республиканских, краевых и областных органов Комитета.

5. Возложить на Министерство внутренних дел СССР выполнение следующих задач:

а) охрана общественного порядка в стране, борьба с уголовной преступностью и хищением социалистической собственности, осуществление паспортной системы и руководство работой органов записи актов гражданского состояния;

б) охрана государственных границ Союза ССР;

в) содержание в тюрьмах, исправительно-трудовых лагерях, исправительно-трудовых колониях осужденных и организация их трудового использования и перевоспитания, надзор за ссыльными, высланными и спецпоселенцами;

г) государственный пожарный надзор, пожарная охрана крупных промышленных городов и объектов;

д) организация местной противовоздушной охраны в стране;

е) войсковая охрана особо важных промышленных предприятий, научно-исследовательских учреждений и других объектов;

ж) государственный геодезический надзор;

з) учет, хранение и организация использования государственных архивных фондов СССР;

и) организация и обеспечение Правительственной связи;

к) хранение и учет государственного запаса драгоценных металлов, алмазного фонда и других ценностей;

л) контроль и инспектирование ведомственной охраны.

6. Утвердить структуру Министерства внутренних дел СССР, согласно приложению № 3а.

Министру внутренних дел СССР применительно к утвержденному настоящим постановлением структуре центрального аппарата МВД СССР разработать и утвердить структуру местных органов МВД.

7. Обязать Комитет по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР:

а) сократить на 20% существующую штатную численность принятых из МВД оперативных управлений и отделов как в центре, так и на местах, что составит 15 956 единиц и даст экономию государственных средств в год на сумму 346 миллионов рублей;

б) упразднить отделы и отделения МВД в административных районах страны (за исключением Эстонской, Латвийской и Литовской республик и западных областей Украины, где организуются аппараты

^а Не публикуется.

Уполномоченных Комитета по делам государственной безопасности), что даст сокращение 21 736 единиц с годовой экономией в сумме 320 миллионов рублей;

в) обязать МВД СССР сократить штатную численность органов как центрального аппарата, так и периферийных на 8 839 штатных единиц, что даст экономию государственных средств в год на сумму 194 миллионов рублей.

8. Возложить оперативное руководство существующими в городах и районах другими подразделениями МВД на начальников соответствующих отделов и отделений милиции.

Сохранить начальникам городских и районных отделов и отделений милиции ныне существующие должностные оклады по должности заместителей начальников горрайорганов МВД.

9. Помещения, жилой фонд, транспорт и другое имущество упраздняемых районных органов МВД передать органам милиции для удовлетворения их нужд.

10. Обязать Советы Министров союзных и автономных республик, исполнительные комитеты краевых и областных Советов депутатов трудящихся, руководителей предприятий, учреждений и организаций предоставлять работу увольняемым из аппаратов Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР и органов МВД по сокращению штатов не позднее месячного срока со дня прибытия их к месту жительства, с учетом их специальности и опыта работы.

Признать целесообразным высвобождающиеся кадры работников упраздняемых райорганов МВД направлять преимущественно в сельское хозяйство на укрепление кадров^а МТС и совхозов.

11. Обязать руководителей министерств, ведомств, предприятий и учреждений предоставить бывшим сотрудникам МВД Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР, увольняемым по сокращению штатов, преимущества при поступлении в школы и на курсы для обучения соответствующим профессиям.

12. Установить, что при назначении пособий и пенсий по государственному социальному страхованию, при выплате надбавок к заработной плате и единовременных вознаграждений за выслугу лет лицам, уволенным из Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР и органов МВД, засчитывается в непрерывный трудовой стаж время их службы в органах МВД, Советской Армии и Военно-Морском Флоте, пребывание в партизанских отрядах и в ополчении, а также время обучения на курсах переквалификации, если перерыв между увольнением из органов МВД (Комитета) и поступлением на работу или учебу не превышает 3-х месяцев, не считая времени переезда к постоянному месту жительства.

13. Организацию Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР и сокращение численности аппаратов Комитета и органов МВД закончить в месячный срок.

^а Так в тексте.

Министерству внутренних дел СССР передать в Комитет по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР административные и служебные здания, жилой фонд, медицинские и детские учреждения, клубы и автотранспорт в количестве, принятом от быв[шего] МГБ СССР во время слияния в марте 1953 года быв[шего] МГБ СССР и МВД СССР, с учетом обеспечения остающихся в МВД СССР милиции, войск и аппаратов, ранее входивших в состав МГБ СССР. Остальное имущество и фонды на 1954 год распределить в соответствии с штатной численностью и с учетом выполняемой работы.

14. Председателю Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР и Министру внутренних дел СССР в месячный срок представить на утверждение Совета Министров СССР Положения о Комитете по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР, о Министерстве внутренних дел СССР, о прохождении службы и о государственном пенсионном обеспечении начальствующего и офицерского состава Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР и Министерства внутренних дел СССР.

15. Обязать министерство финансов СССР (т. Зверева)⁴ совместно с Министерством внутренних дел СССР и Комитетом по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР разделить утвержденную на 1954 год смету расходов на содержание органов и войск МВД СССР на сметы МВД СССР и Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР соответственно.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 84. Л. 11—28. Подлинник. Машинопись.

№ 2

Черновая запись заседания Президиума ЦК КПСС от 8 февраля 1954 г. заведующего Общим отделом ЦК КПСС В.Н. Малина⁵

Протокол № 50⁶

2 пункт^а [Об образовании Комитета государственной безопасности СССР]

т. Хрущев, Маленков, Каганович⁷, Ворошилов⁸, Булганин⁹.

Не публиковать¹⁰.

П. О людях. [Назначение на должности в КГБ СССР и МВД СССР]

^а Вписано синей шариковой ручкой, также как номер следующего вопроса «П».

^аТ. Хрущев, Каганович, Ворошилов, Микоян¹¹, Булганин, Шаталин¹².

Т. Маленков: Круглова — на втудел^б
На Комитет¹³.

Т. Хрущев: Председателя или
иначе, Серова¹⁴.

Комитет,
или Бюро,
или управ[ление]^в

Т. Хрущев: Характеризует Серова.

Т. Маленков: Вызывает доверие;
Лунева — первым замом¹⁵.

Т. Ворошилов: Высказывает свое
мнение.

Т. Булганин: Высказывается.

Т. Микоян: Высказывает[ся].

Т. Каганович: (За Серова), он
будет связан более с парт[ийными]
орг[анами]; К[омите]т — это отдел
партийный.

Т. Маленков: Продолжает вы-
сказ[ываться]. Сейчас нос по ветру
(на партию) .

Т. Хрущев: ^г«И мы говори[ли...]».

[Маленков]: Уроки должен бу-
дет свято извлекать.

Т. Булганин: О Ильичеве.

Панюшкин¹⁶ не подходит.

Взять Ильичева¹⁷ на замы к Се-
рову.

^а Текст в документе расположен на правом поле.

^б Т.е. министра внутренних дел.

^в В документе расположено на левом поле.

^г В документе расположено на левом поле. «И мы говорили», очевидно, реплика Н.С.Хрущева.

Т. Маленков: Панюшкин слабый в аппарате. — Как мы поставим?

Т. Каганович: Сказать ему обо всем.

Т. Ворошилов: Опыт с Пономаренко¹⁸: «всего отдам себя»
С вызовом^а.

Т. Маленков^б: Проект решени[я] о К[омите]те — принять.

Т. Каганович: Замеч[ания] по проект[у]: ближе к партии (Комитет).

Сухая записка о перестройке органов МВД¹⁹ (после июльского пленума²⁰; пассивно ведет себя)

2 вопрос. [Об образовании Комитета государственной безопасности СССР].

Сформулировать мотивировочный документ (что мы хотим, выделяя Комитет (в форме полуписьма).

Определить по существу — ведем лини[ю] на вскрытие действит[ельных] врагов и оградить честных людей; что чекист должен докладывать (парторган[ам]).

Нужно ли оперативно-чекист[ское] управлени[е]?²¹.

Охрана общественного [порядка]²².

Не образовывать (выделяется в указе).

Т. Маленков. (В принципе).

Решит[ь]; над докумен[том] поработать.

Т. Хрущев. Замечание т. Каганович[а] правильно.

^а В документе расположено на левом поле.

^б В документе слово помещено на левом поле.

В основу; прав[ильно]^а.

Над документом поработать.

В порядке самокритики; в таком состоян[ии] 6 м[еся]цев держим.

Совещание работников МВД и МГБ (во время пленума ЦК)²³.

Т. Булганин. Принять.

Т. Микоян. Транспортную — (это милици[и])²⁴.

Подумать^б.

Т. Маленков. О совещани[и] — после пленума.

Т. Ворошилов. Слабовата там наша большевистская п[озиция?]

Т. Маленков. В основном принимает[ся].

Совещание проведем.

Партийность.

Т. Сабуров²⁵. Об устройстве на работу.

О людях. [Назначения в КГБ СССР и в МВД СССР]

Т. Маленков (говорит): МВД — т. Круглова; К[омите]т — т. Серова; 1-м зам[естителем] — т. Лунева.

О замеч[аниях] т. Серову (сказать хотим).

Т. Булганин. Пусть скажут [сами?]

Т. Ворошилов.

Т. Круглов. Правильно, что меня определить в МВД. Оправ[даю]

^а В документе расположено на левом поле.

^б В тексте отмечено: «2 вопрос — продолж[ение]».

доверие партии и правительства. Я предан партии.

О Серове — положительно характ[еризует], недостатки в характере, поведен[ии] — не всегда доводит взгляд до конца, более вдумчив должен быть.

2 пункт. [Об образовании Комитета государственной безопасности СССР]

Т. Серов. Постараюсь оправдать доверие.

О себе: не критически выполнял указания Берия, слепо выполнял. Должен [был] пойти в ЦК, не сделал.

Поспешность есть.

Некоторых из органов удалить.

Они слухи [распространяют].

Т. Маленков. Больше партийности.

Т. Каганович. Все сказать.

Т. Круглов и Серов. Вы проявляли пассивность (после июля)^а. За душу чекистов не боролись.

В ЦК должны придти. Почему совещание не просили созвать?

По существу — не о схематическом решении идет дело. По существу качественно должны изменить.

Характер меняется [в сторону политическую].

К личностям — на ст[роительст]ве показал себя хорошо (т. Круглов).

О Серове — опытный, ударник, имеет возможность оправдать доверие ЦК. Жидковат^б, но может уплотниться.

Высокой партийной и полит[ической] культурой обладал Дзержинский²⁶. Серов должен завоевать эту культуру.

^а Имеется в виду после июльского 1953 г. пленума ЦК КПСС.

^б В тексте: «житковат».

К[омите]т не будет просто администрировать, но глубже брать. Моральный облик высоки[й].

Т. Сулов²⁷. Т. Серов должен укреплять партийность.

Ретиво выполнял указания Берия.

Вызывал к себе сек[ретарей] обкомов.

Т. Ворошилов. Выделение К[омите]та (из МВД) — важное дело.

Т. Круглову главное обращать вним[ание] не на ст[роительств]во, на исправление людей.

Относительно К[омите]та.

О Серове — справится, если учтет замечания.

Почему не отреагировали на решение пленума?

Как Дзержинский работал!

Уметь ловить врага, уметь поставить организацию.

С помощью ЦК — может.

Т. Сабуров. Правильно сказал т. Каганович, «если правильно поймут».

Испр[авительно]-труд[овые] лагеря — это название, это источник получения рабочей силы²⁸.

Т. Круглов — должен сделать из этого вывод.

Т. Микоян. За мелкие кражи — арест; лагеря портят. Об общест[венном] порядке в стране: есть города, где ночью боятся выходить на улицу.

Т. Серов. Общеполит[ических] вопросов у него будет много.

Способный, принципиальность, идейность, партийность, [но] легковат.

Т. Булганин. Согласен с Л.М.Каганович[ем].

Подумать тт. Круглову, Серову.

Перестроятся, оправдают доверие.

Серову труднее будет перестроиться.

Н[ачальни]ками в лагерь посылают штрафных.

Т. Серову — труднее. Человек ударного порядка.

Вот когда Берия изобличен — Вы замкнулись.

Вам надо подняться на уровень крупного парт[ийно]-полит[ического] работника.

Поменьше самообольщения, обратитесь за советом.

Т. Хрущев. Согласен с товарищами относительно МВД. Т. Круглов — честный, с радостью согласен, но не понимает задач, как н[ачальни]к лагерей выступает: «Я сторо[ж?]» .

Милицию (в МВД иметь).

Большое понимание иметь.

Милиция (есть факты — стрелять в народ).

Об охране порядка на предприятиях. Пожарная охрана. Прием граждан в милиции.

О лагерях (вернуться к системе Дзержинского — заводики, мастерские)²⁹.

Это большое дело.

О т. Серове — по Украине — вел хорошо, иногда — два Серовых. Иногда о бумажке узнаю из Москвы (Берия докладывал). Устойчивости партийной не было.

Резолюцию ополитизировать.

По МВД — по кадрам (поручить Кружкову³⁰, Шаталину, Дедову³¹).

Курсы.

Т. Маленков. Все, что сказано, присоединяюсь.

Речь идет о большой перестройке.

Идите помогайте партии.

О Комитете — таит в себе и пользу партии, и злоупотребление властью.

Дело так поставить, чтобы не злоупотребляли.

За характеристикой кадров обращаемся в МВД (покончить с этим).

Люди стали зависеть от органов МВД.

Забрать в руки партии.

О МВД — т. Круглов не подготовлен (о чем говорили).

Он должен крепко перестроиться.

Лагеря — не наш идеал.

По-новому перестроиться.

Насчет Комитета —

внутри страны — взоры обращали на друзей, а не на врагов.

Какая же тут может быть любовь к органам?

От анонимок зависели люди.

Вне[шняя] разведка — низкий уровень (развал).

М[ожет] б[ыть] Ильичева взять в заместители, Лулева — на первого зама.

Честно служить партии. Не злоупотреблять властью.

Первая...^а

В организаци[онном] отношении принимаем^б.

В 5 дневный срок^в.

Тт. Круглов, Шаталин, Серов и Сулов, Лулев^г представят проекты с учетом состояв[шегося] обмена мнениями.

О заместителях пусть представят и структур^д.

О Гулагах — передаем в МВД³².

О лесных — передаем в МВД^{е33}.

Т. Ворошилов. Погранвойска почему в МВД? Это настоящие войска³⁴.

^а Фраза незакончена.

^б В документе помещено на левом поле.

^в Написано слева и относится к этому абзацу.

^г Вписано сверху.

^д Написано справа и относится к этому абзацу.

^е Против этого абзацы слева написано и зачеркнуто: «в 5».

Т. Булганин. Чекиста поставить.
За Серова.

Т. Микоян. За^а Серова. Близкий
к партии.

Т. Каганович. Ближе.

Т. Сулов. Не все хорошо у Се-
рова.

Предупредить его. Свысока к
парторг[анам].

Т. Хрущев^б. О Серове я говорил
Сталину.

Серов, конечно, тоже писал³⁵.

Т. Первухин. Лучше (Серова)
сейчас не найти.

Грубый, н[ачальни]ка изобра-
жает, немножко подхалим.

Т. Шаталин. Я не голосовал бы
за Серова. В аппарате отзыв плохой.
Малопартийный, карьерист[ст].

Нос по ветру.

Из Германии — натаскал³⁶.

Т. Маленков. Высказывается:
доверять можно Серову.

Т. Каганович. Насчет угля³⁷, в
Берлине.

Т. Хрущев.

Т. Маленков.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 388. Л. 1—11. Рукопись. Синий карандаш.

^а Далее зачеркнуто: «Кр[уголова]».

^б Впереди зачеркнуто: «т. Каганович».

^в Вписано простым карандашом поверх того же, написанного синим каран-
дашом.

№ 3

Постановление Президиума ЦК КПСС «Об образовании Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР»

№ П50/II

8 февраля 1954 г.

1. Принять в принципе проект постановления ЦК о выделении из МВД СССР органов государственной безопасности и об образовании Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР.
2. Утвердить министром внутренних дел СССР т. Круглова С.Н.
3. Утвердить председателем Комитета государственной безопасности при СМ СССР т. Серова И.А. и первым заместителем председателя Комитета т. Лунева К.Ф.
4. Поручить гг. Шаталину и Круглову по Министерству внутренних дел СССР и гг. Сулову, Серову и Луневу по Комитету государственной безопасности при СМ СССР представить в 5-дневный срок проекты постановлений с учетом состоявшегося обмена мнениями на заседании Президиума ЦК.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 66. Л. 1. Подлинник. Машинопись.**Примечания**

¹ *Круглов С.Н.* (1907—1977) — 1-й зам. (1943—1945), нарком (министр) внутренних дел СССР (1945—1953), 1-й зам. министра внутренних дел СССР (1953), министр внутренних дел СССР (1953—1956), зам. министра строительства электростанций СССР (1956—1957), зам. председателя Кировского СНХ (1957—1958). Генерал-полковник. На пенсии с 1958 г.

² *Маленков Г.М.* (1902—1988) — член Оргбюро и секретарь ЦК ВКП(б) (с 22 марта 1939 г.), до XVIII съезда ВКП(б) — зав. отделом руководящих партийных органов, член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС (1946—1957), заместитель (с 1946), Председатель СМ СССР (1955—1957), одновременно министр электростанций СССР (1955—1957). С 1957 г. — директор ГЭС, ТЭЦ в Усть-Каменогорске и Экибастузе. В 1961 г. исключен из КПСС, на пенсии.

³ *Хрущев Н.С.* (1894—1971) — первый секретарь ЦК КПСС в 1953—1964 гг., одновременно с 1958 г. — Председатель Совета Министров СССР, член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)—КПСС в 1939—1964 гг., кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) в 1938—1939 гг., секретарь ЦК ВКП(б)—КПСС в 1949—1953 гг., член ЦК ВКП(б)—КПСС в 1934—1966 гг.

⁴ *Зверев А.Г.* (1900—1969) — кандидат в члены Президиума ЦК КПСС в 1952—1953 гг. С 1938 г. по 1960 г. — нарком (министр) финансов СССР.

⁵ *Малин В.Н.* (1906—1982) — в 1952—1954 гг. инструктор ЦК КПСС, затем заведующий отделом ЦК КПСС. На некоторых заседаниях Президиума ЦК КПСС, где он лично присутствовал, В.Н.Малин вне протокола делал черновые записи и пометки о ходе дискуссии по тем или иным вопросам.

⁶ В протоколе заседания Президиума отмечено, что на заседании председательствовал Г.М.Маленков, присутствовали: Н.С.Хрущев, К.Е.Ворошилов, Н.А.Булганин, Л.М.Каганович, А.И.Микоян, М.З.Сабуров, М.Г.Первухин, Н.М.Шверник, М.А.Сулов, П.Н.Поспелов, Н.Н.Шаталин.

⁷ *Каганович Л.М.* (1893—1991) — член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС, первый заместитель Председателя СМ СССР (1953—1957), одновременно пред-

седатель Государственного комитета СМ СССР по вопросам труда и заработной платы (1955—1956), министр строительных материалов (1956—1957). С 1957 г. директор комбината в Свердловской области. С 1961 г. на пенсии. На июньском 1957 г. пленуме ЦК КПСС выведен из состава Президиума ЦК. Исключен из КПСС в декабре 1961 г.

⁸ *Ворошилов К.Е.* (1881—1969) — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)—КПСС в 1926 — 1960 гг., член ЦК партии в 1921—1961, 1966—1969 гг., нарком обороны СССР в 1934—1940 гг., с 1953 г. по 1960 г. — Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

⁹ *Булганин Н.А.* (1895—1975) — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)—КПСС в 1948—1958 гг., член ЦК ВКП(б)—КПСС в 1937—1961 гг., с 1953 г. — первый заместитель Председателя, а в 1955—1958 гг. — Председатель Совета Министров СССР. Председатель правления Госбанка СССР (1938—1940, 1940—1945, 1958), министр Вооруженных Сил СССР (1947—1949, 1953—1955), председатель Ставропольского совнархоза (1958—1960). С 1960 г. на пенсии.

¹⁰ Имеется в виду, что постановления об образовании КГБ не будут публиковаться в печати.

¹¹ *Микоян А.И.* (1895—1978) — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)—КПСС в 1935—1966 гг., член ЦК РКП(б)—ВКП(б)—КПСС в 1923—1976 гг., в 1937—1955 гг. — заместитель Председателя СНК (Совета Министров) СССР, в 1955—1957 гг. и 1958—1964 гг. — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

¹² *Шаталин Н.Н.* (1904—1984) — зав. отделом ЦК КПСС (1953—1955), секретарь ЦК КПСС (1953—1955), первый секретарь Приморского крайкома КПСС (1955—1956), зам. министра Госконтроля СССР (с 1956), член Комиссии советского контроля СМ СССР. С 1960 г. на пенсии. Кандидат (1952—1953), член ЦК КПСС (1953—1956), член Оргбюро ЦК ВКП(б) (1946—1952).

¹³ Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР был выделен из Министерства внутренних дел СССР на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР 13 марта 1954 г. и функционировал как союзно-республиканский орган. В его ведение входили обеспечение государственной безопасности страны, включая производство предварительного следствия по государственным преступлениям: делам об измене Родине, терроризму, контрабанде, нарушениям валютных операций в особо крупных размерах, охрана государственной тайны, правительственная связь, Управление коменданта Московского Кремля; охрана границ (пограничные войска) с апреля 1957 г. и т.д. (См.: Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938—1956). М., 1956. С. 56, 95).

¹⁴ *Серов И.А.* (1905—1990) — с сентября 1939 г. народный комиссар внутренних дел УССР, с апреля по июль 1941 г. — первый заместитель наркома госбезопасности СССР, с июля 1941 г. по 1946 г. — заместитель наркома внутренних дел СССР. В 1954—1958 гг. — председатель КГБ при СМ СССР. С декабря 1958 г. по январь 1963 г. — начальник Главного разведывательного управления, заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. В марте 1963 г. Указом Президиума Верховного Совета лишен всех правительственных наград, разжалован до генерал-майора. С сентября 1965 г. в отставке по болезни. Умер 1 июля 1990 г. (г. Москва) (Подробнее см.: Петров Н.В. Первый председатель КГБ генерал Иван Серов // Отечественная история. 1997. № 5. С. 23—43).

¹⁵ *Лунев К.Ф.* (1907—1980) — заведующий административным отделом МК ВКП(б) (1948—1953), переведен 27 июня 1953 г. в МВД СССР — начальник 9-го управления, затем первый заместитель министра внутренних дел СССР, был назначен первым заместителем председателя КГБ при СМ СССР (1954—1959), пе-

реведен на пост председателя КГБ при СМ Казахской ССР (1959—1960). Кандидат в члены ЦК КПСС (1956—1961).

¹⁶ *Панюшкин А.С.* (1905—1974) — работал в правоохранительных органах с 1927 г. Посол СССР в США (1947—1952), посол СССР в Китае (1952—1953), начальник 2-го Главного управления МВД СССР (с 18 июня 1953 г.), начальник 1-го Главного управления КГБ при СМ СССР (17 марта 1954 г. — 23 июня 1955 г.). С 1973 г. на пенсии. Генерал-майор.

¹⁷ *Ильичев И.И.* — дипломат, глава дипломатической миссии СССР в ГДР (1953—1955). Назначение И.И.Ильичева в КГБ СССР не состоялось.

¹⁸ *Пономаренко П.К.* (1902—1984) — секретарь ЦК ВКП(б) (1948—1953), одновременно министр заготовок СССР (с 1950), министр культуры СССР (1953—1954). В 1954—1955 гг. занимал пост первого секретаря ЦК КП Казахстана, затем на дипломатической работе.

¹⁹ Министерство внутренних дел СССР, объединенное в начале марта 1953 г. с Министерством государственной безопасности СССР, 13 марта 1954 г. вновь подверглось реорганизации. После выделения КГБ при СМ СССР в ведении МВД остались административный надзор, милиция, пожарное дело, архивное дело, загсы и проч. 13 января 1960 г. МВД СССР было ликвидировано, а его функции переданы министерствам внутренних дел союзных республик. 26 июля 1966 г. МВД было воссоздано как союзно-республиканское Министерство охраны общественного порядка СССР, а 25 ноября 1968 г. снова переименовано в Министерство внутренних дел СССР (См.: Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938—1956). М., 1956. С. 95; ВВС СССР. 1960. № 3. С. 25; ВВС СССР. 1966. № 30. С. 594; ВВС СССР. 1968. № 48. С. 467).

²⁰ Имеется в виду пленум ЦК КПСС, на котором была осуждена «вражеская» деятельности Берии. Министерство внутренних дел СССР, объединенное 5 марта 1953 г. с Министерством государственной безопасности, возглавлял Л.П.Берия. После его ареста в июне 1953 г. на пленуме ЦК было упразднено Особое совещание при министре, сменилось руководство различных служб госбезопасности, проведена чистка аппарата: увольнялись те, кто раньше был арестован по делу Абакумова, потом восстановлен, восстанавливались «игнатьевские» кадры, откомандированные вместе с ним в МГБ из партийных структур в 1951 г. и уволенные с работы весной 1953 г. (См.: Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945—1991. М., 1998. С. 120—121). Отчет о предпринятых действиях был представлен руководством МВД и Отделом административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС 22 августа 1953 г. в записке на имя Г.М.Маленкова и Н.С.Хрущева «О работе по искоренению последствий вражеской деятельности Берия» (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 28).

²¹ Оперативно-чекистские подразделения, функционировавшие в структуре МВД СССР и унаследованные им от ОГПУ, перешли в учрежденный 13 марта 1954 г. Комитет государственной безопасности при СМ СССР (См.: Лубянка. ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ. 1917—1960. М., 1997).

²² В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1954 г. функции охраны общественного порядка в государстве остались в ведении МВД СССР.

²³ В июне 1954 г. состоялось Всесоюзное совещание руководящих работников КГБ при СМ СССР. На совещании с речью выступил Н.С.Хрущев.

²⁴ Милиция, находившаяся с 10 июля 1934 г. в ведении Министерства внутренних дел СССР, подразделялась на территориальную и транспортную. Транспортная милиция, обеспечивавшая охрану порядка на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, 21 января 1947 г. была передана из МВД в МГБ СССР, где было создано Транспортное управление. После реорганизации МВД

13 марта 1954 г. транспортная милиция вновь оказалась в ведении МВД СССР вплоть до его упразднения 1 мая 1960 г.

²⁵ *Сабуров М.З.* (1900—1977) — член Президиума ЦК КПСС в 1952—1957 гг. В 1941—1942, 1949 — марте 1953 г. и с июня 1953 г. по 1955 г. — председатель Госплана СССР.

²⁶ *Дзержинский Ф.Э.* (1877—1926) — член Петроградского ВРК (с 1917), председатель ВЧК (1918—1922), одновременно нарком внутренних дел РСФСР (1919—1923), нарком путей сообщений (1921—1924), председатель ОГПУ НКВД РСФСР (ОГПУ при СНК СССР) (1922—1926), одновременно председатель ВСНХ СССР (с 1924).

²⁷ *Суслов М.А.* (1902—1982) — с 1931 г. в аппарате ЦКК ВКП(б) и Наркомата РКИ СССР, председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Литовской ССР (1944—1946), Секретарь ЦК (1947—1982), одновременно главный редактор газеты «Правда» (1949—1951). Член ЦК ВКП(б)—КПСС (1941—1982), Президиума (Политбюро) ЦК КПСС (1952—1953, 1955—1982).

²⁸ В Советской России система исправительно-трудовых лагерей возникла в 1918—1922 гг. Она находилась в ведении трех учреждений: Наркомата юстиции (его Центрального карательного отдела — ЦКО, переименованного в 1921 г. в Центральный исправительно-трудовой отдел — ЦИТО), ВЧК и НКВД (его Главного управления принудительных работ — ГУПР).

²⁹ Поскольку во главе ВЧК-ОГПУ и НКВД в 1919—1926 гг. стоял Ф.Э.Дзержинский, расходы на содержание заключенных проходили по смете НКВД. Однако при хроническом бюджетном недофинансировании, труд заключенных был главным условием их выживания, а принцип самоокупаемости ИТЛ, сформулированный во Временной инструкции ЦКО в июле 1918 г., стал основным принципом советской пенитенциарной системы. В самой этой системе в это время преобладали относительно небольшие трудовые колонии с числом заключенных от 100 до 600—700, максимум — 2000 человек. В условиях массовой безработицы в стране, отсутствия крупных промышленных проектов производственная деятельность заключенных была направлена на обслуживание небольших кирпичных, кожевенных, лесопильных, смолокурных, гончарных, салотопенных и прочих заводов, торфопереработок и т. п. С конца 1920-х гг., в период ГУЛАГа, открывающийся постановлением СНК СССР от 11 июля 1929 г. «Об использовании труда уголовно-заключенных», крупные лагеря стали основным элементом системы ИТЛ, а ОГПУ—НКВД — важнейшим производственным наркоматом. После сооружения каналов, БАМа и других строек желание вернуться к заводикам времен Дзержинского представляется весьма наивным (См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923—1960. Справочник. М., 1998).

³⁰ *Кружков В.С.* (1905—1991) — зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС (1953). 11 ноября 1955 г. был направлен в распоряжение Свердловского обкома КПСС.

³¹ *Дедов А.Л.* (р. 1913) — зав. административным отделом ЦК КПСС (1954—1955), министр госконтроля РСФСР (с 1955).

³² Имеется в виду ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений; было образовано в составе учрежденного 10 июля 1934 г. Наркомата внутренних дел СССР на базе соответствующего подразделения ОГПУ. 28 марта 1953 г. ГУЛАГ был передан в ведение Министерства юстиции СССР, а 28 января 1954 г. возвращен обратно и до 1 мая 1960 г. функционировал в системе МВД СССР под другими названиями: Главное управление исправительно-трудовыми колониями (ГУИТК), Главное управление мест заключения (ГУМЗ). 1 мая 1960 г. ГУМЗ был расформирован в связи с упразднением МВД СССР.

³³ Имеются в виду лагерь, находившиеся в ведении созданного 26 февраля 1941 г. в структуре НКВД СССР Управления лагерей лесной промышленности (УЛЛП), с 4 марта 1947 г. получившего статус Главного управления (ГУЛЛП). 18 марта 1953 г. оно было передано в ведение Министерства лесной и бумажной промышленности СССР, а 24 февраля 1954 г. возвращено обратно в МВД СССР и оставалось в его составе до 13 июня 1956 г., когда было передано в ведение Министерства лесной промышленности СССР.

³⁴ Пограничные войска, находившиеся в ведении ВЧК—ОГПУ, перешли в ведение созданного 10 июля 1934 г. на его базе Наркомата внутренних дел СССР (с 1946 г. Министерство внутренних дел СССР), где было учреждено Главное управление пограничной и внутренней охраны (ГУПВО). Совместным приказом МВД и МГБ СССР от 17 октября 1949 г. пограничные войска и милиция были переданы из МВД СССР в МГБ СССР. После объединения 5 марта 1953 г. обоих министерств пограничные войска оказались в ведении МВД СССР и оставались в его составе до 2 апреля 1957 г., когда они были вновь переданы в КГБ при СМ СССР.

³⁵ Возможно, речь идет о том, что И.А.Серов должен был собирать информацию о партийных работниках и докладывать ее своему руководству.

³⁶ Об этом см.: Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 608; Г.К.Жуков: Неизвестные страницы биографии // Военные архивы России. 1993. 1-й выпуск. С. 197—207.

³⁷ Что имел в виду Л.М.Каганович, установить не удалось.

«...НАШ ЭКИПАЖ — СЛОЖИЛСЯ!»

К 20-летию со дня запуска КК «Союз Т-6»
с международным экипажем на борту

19 апреля 1982 г. в соответствии с программой исследования космического пространства с помощью долговременных орбитальных комплексов состоялся запуск орбитальной станции «Салют-7». Эта станция, так же как и шесть ее предшественниц-«Салютов», наряду с обеспечением продолжительного пребывания человека в космосе, позволяла решать различные народнохозяйственные и научные задачи. Их диапазон простирался от исследований природной среды и ресурсов нашей планеты до астрофизических процессов, протекающих на Солнце, звездах и в глыбинах Вселенной.

Новая станция имела практически такие же компоновку и обводы, как и «Салют-6». Вместе с тем улучшение внутренней компоновки с учетом многолетнего опыта эксплуатации «Салютов» позволило сделать жилую зону более просторной и удобной для работы экипажей. И буквально через месяц, в мае 1982 г., первый экипаж орбитальной станции «Салют-7» в составе А.Н.Березового и В.В.Лебедева начал обживать свой «звездный дом», в котором ему предстояло провести долгих семь месяцев.

Конечно, они принимали за это время гостей. Сначала встретили подошедший 25 мая к причалу станции грузовой корабль «Прогресс-13», доставивший топливо, средства жизнедеятельности и главное — приборы и устройства, разработанные совместно советскими и французскими специалистами для проведения предстоящих исследований. Вслед за «Прогрессом» 25 июня они открывали переходные люки уже самим советско-французским специалистам — экипажу международного корабля «Союз Т-6», 20-летие со дня запуска которого мы отмечаем в июне нынешнего года. В состав международного экипажа входили: командир корабля В.А.Джанибеков, бортинженер А.С.Иванченко и космонавт-исследователь Франции Ж.-Л.Кретьен.

Владимир Александрович Джанибеков родился 13 мая 1942 года в поселке Искандер Бастандинского района Южно-Казахстанской области. В 11 лет поступил в Ташкентское суворовское училище, но в связи с его расформированием вернулся в среднюю школу. Окончив ее с золотой медалью, поступил на физический факультет Ленинградского государственного университета. Однако проучился там недолго. Став одним из лучших студентов, Владимир вдруг четко осознал, что его призвание — не здесь. После первого семестра он ушел из университета — ушел, чтобы стать военным летчиком. В 1965 году, окончив Ейское высшее военное авиационное училище летчиков, остался в нем летчиком-инструктором. Летал, как отмечали коллеги, грамотно, с учетом и пониманием всех тонкостей летного дела — профессионально.

Его путь в космос начался в 1970 г., после зачисления в отряд космонавтов. Первый полет состоялся 10—16 января 1978 г., когда они вместе с бортинженером О.Г.Макаровым «навестили» на корабле «Союз-27» орбитальную станцию «Салют-6», на борту которой работал основной экипаж в составе Ю.В.Романенко и Г.М.Гречко. На Землю они вернулись на корабле «Союз-26».

Второй полет по этому же маршруту Байконур — «Салют-6» проходил 22—30 марта 1981 г., экипаж составляли Джанибеков и монгольский космонавт-

исследователь Ж.Гуррагча. На «Салюте» их ждали В.В.Коваленок и В.П.Савиных. После описываемого в данной публикации полета в составе международного советско-французского экипажа Джанибеков еще два раза покидал Землю: 17—29 июля 1984 г. в качестве командира основного экипажа КК «Союз Т-12» по программе экспедиции посещения ОС «Салют-7» вместе с С.Е.Савицкой и И.П.Волком и 6 июня — 26 сентября 1985 г. — с Савиных. В качестве командира корабля Джанибеков участвовал во всех своих пяти полетах.

«Володя Джанибеков — личность очень интересная. Волевой, целеустремленный, но главное — надежный, как принято у нас говорить, и это очень важно», — так сказал о нем Олег Макаров.

Владимир Александрович не взрывается по пустякам, говорит неторопливо, выбирая слова меткие и значительные. В людях больше всего ценит обязательность. С детства любит рисовать, является членом Союза художников России. В настоящее время является старшим научным сотрудником Российского государственного научно-исследовательского испытательного Центра подготовки космонавтов (РГНИИ ЦПК) им. Ю.А.Гагарина.

Другой член международного экипажа, Александр Сергеевич Иванченков, родился 28 сентября 1940 г. в подмосковном городе Ивантеевка. Окончив с золотой медалью среднюю школу, поступил в Московский авиационный институт им. С.Орджоникидзе. После его окончания в 1964 году начал работать в КБ, возглавлявшемся тогда С.П.Королевым. Участвовал в проектных и конструкторских работах по созданию новых космических аппаратов: агрегата для ракеты-носителя Н-1 (11 А52), лунного корабля — ЛК (11Ф94), геофизической ракеты Р5В и др. В отряде космонавтов с 1973 г. В своем первом космическом полете, в отличие от первого полета «с визитом» Джанибекова, он выступал в роли «встречающего»: за 140 суток, проведенных на орбитальной станции «Салют-6» вместе с Коваленком (с 15 июня по 2 ноября 1978 г.), они приняли много «гостей». Среди них — советско-польский (П.И.Климук и М.Гермашевский) и советско-германский (В.Ф.Быковский и З.Йен) экипажи.

«Неформальность, умение ко всему найти свой, особый подход, вообще, по моему, свойственно Саше. Проявляется это, конечно, не только в полете, но и в его каждодневных буднях», — говорит об Александре Иванченкове его первый командир Владимир Коваленок. В людях он не терпит невежества, одностороннего, поверхностного суждения, стараясь везде и во всем докопаться до сути. Любимый вид спорта — горные лыжи. С 1993 г. Иванченков — заместитель начальника 29-го отделения головного КБ РКК «Энергия».

Третий член экипажа, Жан-Лу Кретъен, родился 20 августа 1938 г. в городе Ла-Рошель, на берегу Бискайского залива. Завершив учебу в лицее, поступил в военно-воздушную школу, которую окончил в 1963 г. В течение последующих семи лет служил летчиком-истребителем в ВВС Франции. В 1970 г., окончив школу летчиков-испытателей самолетов «Мираж», стал испытателем авиационной техники. В 1977 г. был назначен заместителем командующего противовоздушной обороной южного района Франции.

В 1980 г., вместе со своим дублером Патриком Бодри, Жан-Лу Кретъен был отобран из почти 460 добровольцев кандидатом в астронавты. Мечта, зародившаяся у него после полета Ю.А.Гагарина, сбылась. Он побывал в космосе, и неоднократно. После полета на «Союзе Т-6» и орбитальной станции «Салют-7», он совершил в ноябре — декабре 1988 г. полет на КК «Союз ТМ-6» на орбитальный комплекс «Мир».

Жан-Лу Кретъен — человек улыбчивый, сразу располагающий к себе. Любит музыку, увлекается кино- и фотосъемкой, водными видами спорта: яхтой, водными лыжами, гонками на парусниках (недаром же Жан-Лу вырос на море!). Он

очень упорен. Это упорство, по его словам, помогло ему решить три трудные задачи: стать инженером ВВС, пройти отборочную комиссию и выучить русский язык.

И вот они трое — такие разные, но так одинаково настойчиво стремившиеся к единой цели люди, составили один экипаж. Их полету предшествовала долгая подготовительная работа с привлечением ученых Советского Союза и Франции.

Сотрудничество двух стран в области космических исследований имеет давнюю историю. Межправительственное Соглашение по этим вопросам было подписано в Москве министрами иностранных дел двух государств 30 июня 1966 г. Организация практического претворения в жизнь Соглашения была возложена на Совет «Интеркосмос» при Академии наук СССР и Национальный центр космических исследований Франции (КНЕС). Многолетнее плодотворное сотрудничество ученых двух стран в области космических исследований стало тем своеобразным фундаментом, на котором и была построена научная программа этого полета. Она включала в себя 14 экспериментов в области космической биологии и медицины, астрофизики и космического материаловедения.

В 1979 г. между СССР и Францией была достигнута договоренность о совместном космическом полете с участием советского и французского космонавтов. Решением специальной комиссии Ж.-Л.Кретъен и П.Бодри были отобраны кандидатами в космонавты от Франции и в сентябре 1980 года приступили к тренировкам в Центре подготовки космонавтов имени Ю.А.Гагарина. Здесь Кретъен прошел полный курс обучения — изучал устройство орбитальной станции и космического корабля, постигал теорию, работал на тренажерах, овладел в необходимом объеме русским языком.

В день старта в монтажно-испытательном корпусе, в специально оборудованной комнате, где строго поддерживаются заданные климатические условия и стерильная чистота, космонавты сменили «земную» одежду на «космическую»: на бело-голубых скафандрах нашиты гербы СССР и Франции, знаки «Интеркосмоса» и КНЕСа, а также эмблема советско-французского полета: на фоне созвездия Волосы Вероники изображен человек, устремленный вперед, а под ним два флага, советский и французский.

Космический корабль «Союз Т-6» стартовал 24 июня 1982 г. В 20 часов 29 минут 47,92 секунды московского времени ракета оторвалась от Земли и устремилась в вечернее небо Байконура. Через 530 секунд «Памиры» — позывные космонавтов — начали свой первый виток по околоземной орбите. На 4-м витке Жан-Лу Кретъен полюбовался с космической высоты видом своего родного города Ла-Рошель, в районе которого пролетал в это время «Союз Т-6». На 18-м витке корабль подошел к станции, и экипаж выполнил стыковку. 26 июня после проверки герметичности стыковочного узла В.А.Джанибеков, А.С.Иванченков и Ж.-Л.Кретъен перешли в помещение станции. Первым туда «вплыл» Кретъен, за ним Иванченков и Джанибеков. Хозяева встретили гостей по русскому обычаю — хлебом-солью. Вновь прибывшие члены экипажа угощали «старожилов» яствами французской кухни: пастой из крабов, рагу из зайца по-эльзасски, лангустами по-бретонски, плавленым сыром «Канталь», фруктовыми палочками из апельсина и клубники и другими экзотическими, правда, в виде консервов, кушаньями. Этот «гостевой» набор французских продуктов питания, дополнявших основной рацион, был специально разработан французскими и советскими специалистами для совместного полета.

После отдыха космонавты приступили к выполнению запланированных исследований, а члены основного экипажа — А.Н.Березовой и В.В.Лебедев — помогали им и осуществляли необходимые операции, связанные с ориентацией и стабилизацией станции.

Начали с медицинских экспериментов. Первым из них стал «Браслет», целью которого являлось изучение возможности нормализации кровообращения космонавтов с помощью одноименного профилактического устройства. Оно предназначалось для снижения неприятных ощущений и улучшения самочувствия космонавтов в острый период адаптации с целью устранения неблагоприятного воздействия прилива крови к голове. Затем настал черед медицинского исследования, получившего название «Поэза». Его цель — изучение изменений, возникающих в двигательной системе человека, а также ее взаимодействия с органами чувств. В ходе выполнения эксперимента у космонавтов регистрировалась биоэлектрическая активность мышц, участвующих в движении. По завершении этого эксперимента экипаж приступил к следующему совместному исследованию — «Эхографии». Здесь изучалась работа сердечно-сосудистой системы в условиях космического полета. Изготовленная во Франции аппаратура «Эхограф» определяла показатели, характеризующие функции сердца, скорость кровотока в сосудах и размеры сосудов. С помощью телеметрической системы получаемые данные передавались на Землю, а также записывались на видеокассеты. Все эти эксперименты различны по характеру, но имеют общую конечную цель — узнать как можно больше о влиянии факторов космического полета на организм человека.

В тот же день, 26 июня, после ужина советско-французский экипаж выполнил совместный эксперимент в области космического материаловедения, получивший название «Калибровка». Космонавты определяли температурное поле электронагревательной печи «Магма» в различных режимах ее работы и одновременно регистрировали величины микроускорений, действующих по оси станции. Затем на установке «Кристалл» начали проводить технологические эксперименты. Один из них был посвящен выявлению влияния капиллярных сил на формирование структуры сплава алюминия и индия, которые в обычных, земных условиях не смешиваются. Эксперимент представляет интерес и для получения новых композиционных материалов, состоящих из элементов с существенно отличными плотностями и температурами плавления.

Большое место в программе работ было отведено экспериментам в области астрофизики «Пирамид» и ПСН, к проведению которых международный экипаж приступил 28 июня. Космонавты изучали структуры земной атмосферы, межгалактического пространства, галактических и внегалактических источников излучения. На высокочувствительную фотопленку регистрировались слабые излучения от источников, наблюдение которых с Земли затруднено из-за атмосферных помех.

В биологическом эксперименте «Цитос-2» изучалась чувствительность так называемых условно-болезнетворных микроорганизмов к различным антибиотикам, а также изменение их свойств в условиях невесомости. Такие исследования проводились в связи с тем, что возможность заболевания космонавтов в полете полностью не исключается. Результаты эксперимента позволили бы на этот случай «иметь под рукой» соответствующие лекарства.

После успешного выполнения программы полета советско-французский экипаж вернулся на Землю. 2 июля 1982 г. в 18 часов 21 минуту московского времени спускаемый аппарат приземлился в казахстанской степи, в 65 километрах северо-восточнее г. Аркалык. На месте приземления их встретили специалисты группы поиска, врачи, спортивный комиссар, дублер французского космонавта П.Бодри, советские и французские журналисты, жители близлежащих поселков. По традиции, расписываясь на обгорелом борту спускаемого аппарата, В.А.Джанибеков написал: «Спасибо за надежность!», а Ж.-Л.Крестьян сверху добавил: «Мерси!». И, как водится, все трое оставили свои автографы.

Полет советско-французского экипажа получил высокую оценку: В.А.Джанибеков награжден орденом Ленина, А.С.Иванченков — орденом Ленина и второй медалью «Золотая Звезда». Было принято решение на родине героя установить бронзовый бюст. Ж.-Л.Кретьену было присвоено звание Героя Советского Союза. С французской стороны экипаж также отмечен наградами: В.А.Джанибекову и А.С.Иванченкову были вручены ордена командоров Почетного легиона, Ж.-Л.Кретьену — орден офицера Почетного легиона.

По завершении послеполетной пресс-конференции, следуя байконурской традиции, Жан-Лу Кретьен посадил в парке у гостиницы «Космонавт» маленькое деревце. Сегодня на этом месте шумит зеленой листвой могучий 20-летний карагач, напоминая новым поколениям о замечательной дружбе между представителями двух разных народов, которая, начавшись на Земле, продолжилась и окрепла в космосе.

В этом номере журнала мы тоже хотим напомнить нашим читателям об этом полете, предлагая их вниманию находящийся на хранении в Российском государственном архиве научно-технической документации (РГАНТД) радиоочерк корреспондента Гостелерадио СССР П.Пелехова об экипаже КК «Союз Т-6», записанный им на Байконуре буквально за несколько дней до старта. Все еще только должно состояться.

Публикацию подготовила Е.Ю.БАШИЛОВА.

**Радиоочерк корреспондента гостелерадио СССР
П.Пелехова об экипаже КК «Союз Т-6» — летчиках-
космонавтах СССР В.А.Джанибекове, А.С.Иванченкове
и космонавте-исследователе Франции Ж.-Л.Кретьене**

Июнь 1982 г.

ПЕЛЕХОВ. Метеослужба стабильно информирует: «Ожидается...», и дальше такие устрашающие для жителей средней полосы цифры — 35, 37 градусов в тени. Гудят на пределе кондиционеры, вода в бассейне гостиничного комплекса «Космонавт» греется, не успев остыть.

— Сейчас бы в Москве тренировки! — вздыхает французский космонавт Кретьен.

— Точно! — смеется командир экипажа Джанибеков. — И чтобы спасатели не спешили.

— А вниз головой полежать не желаете? — интересуется Александр Иванченков, бортинженер. — Пойдемте, врачи ждут. По расписанию — ортостол^а.

На ортостоле, где лежат не совсем вниз головой, а градусов так на 15—30, тренировки каждый день — нужно привыкнуть еще на Земле — по мере возможности, конечно, к приливу крови к голове, ведь это один из эффектов невесомости. Ну и кроме этого стола расписание не оставляет времени прохладиться. Первая задача — не потерять форму,

^а Ортостол (ортостатический стол) — стол с вращающейся платформой для пассивного перемещения человека из горизонтального положения в вертикальное. Применяется при подготовке космонавтов к длительным космическим полетам.

повторять, повторять, повторять на тренажерах то, чем занимались много месяцев, и еще более тщательно отрабатывать методики работы с научной аппаратурой. Времени полета мало, там нужно, чтобы все было четко.

Живут они в разных номерах, но по отдельности трудно кого-то из них увидеть. Да, это экипаж, хотя и знаешь, что так тесно лишь на время свела их жизнь. Порой трудно даже их порознь воспринимать. Я спросил уже на Байконуре у Джанибекова: «Я, возможно, ошибаюсь, но мне кажется, что у вас близкие очень характеры, у инженеров?»

ДЖАНИБЕКОВ. Я бы хотел расширить вопрос и сказать, что у нас у всех троих характеры довольно близкие.

ПЕЛЕХОВ. Говорят, что лучше дополнение, вернее, взаимодополнение, а не сходство.

ДЖАНИБЕКОВ. Бывали разные случаи в моей практике. Очень хорошо, когда партнеры понимают друг друга с полуслова, а если они еще и просто понимают друг друга как люди, то здесь получается такой хороший комплекс взаимных отношений между людьми.

ПЕЛЕХОВ. Вот поди ж ты после этого скажи, что это три характера, когда командир утверждает, что чуть ли не один на троих. И все-таки трое. Джанибекова, Иванченкова знаем еще по дублирующим экипажам ЭПАСа^а, по полетам, которые они выполнили. Жан-Лу Кретьен сравнительно недавно у нас. О космонавтах уже писали, рассказывали. Я только вкратце напомним то, о чем говорили.

Джанибеков окончил суворовское училище, собирался стать астрономом, физиком, летчиком, но так как все это одновременно неосуществимо, выбрал одно. Со второго курса Ленинградского университета ушел в летное училище, хотя в неуспеваемости его упрекнуть никто не мог. Видимо, и «военная косточка» дала себя знать. Армия для него — не просто место службы.

ДЖАНИБЕКОВ. Армия из меня сделала человека, и этим все сказано. Здесь я получил очень хорошую физическую закалку, научился ценить дружбу, жить в коллективе. Научился самодисциплине, привык к жизни с трудностями — у нас всегда был лозунг «не пищать», который встретил нас и здесь, когда мы пришли сюда. Первое услышанное нами здесь выражение было: «Не пищать, ребята, ведь вы же сами сюда пришли!» Мы поняли и не пищали.

ПЕЛЕХОВ. Вот так твердо и однозначно. Кремень, а не человек. А в домашней дискотеке у него — Бах¹, Скрябин². Хорошо рисует, или как говорят, пишет. Смотришь на его картины — мечтатель, романтик. В двух полетах участвовал. Конечно, прежде всего — задание. Ну а по-человечески? Как все это воспринял — полет, космос?

^а ЭПАС [от Э(кспериментальный) · П(олет) «А(поллон)» — «С(оюз)»] — совместный экспериментальный полет американского и советского КК типа «Аполлон» и «Союз». Программа ЭПАС была утверждена Соглашением между СССР и США о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях 24 мая 1972 г.

ДЖАНИБЕКОВ. Здесь я должен сказать о восприятии личностного плана: испытании на себе всей мощи разума человека. Одно дело — где-то читать, слышать, а другое — когда тебя ведут к ракете, ты занимаешь место в корабле, старт — и через сутки ты встречаешься со станцией, которая была на момент запуска на расстоянии 10 000 километров. И автомат с безумными точностями приводит тебя к станции, и очень нежно происходит касание. И когда уже со станции ты сверху спокойно смотришь на планету, зрелище просто берет за душу и во многом меняет людей, побывавших там. Начинаешь думать иначе, переосмысливаешь жизнь на Земле, происходит переоценка ценностей. А космос воспринимается, как черная бездонная среда, в которой плывет очень маленький космический корабль — Земля, на которой есть большой экипаж — люди, и все это как-то переосмысливается.

ПЕЛЕХОВ. Да, для нас, нелетавших, наверное, не хватит никакой фантазии, чтобы хотя бы приблизиться к этому переосмысливанию. Нет аналогов, по которым можно строить модель восприятия космоса. Я спросил, а что же все-таки меняется?

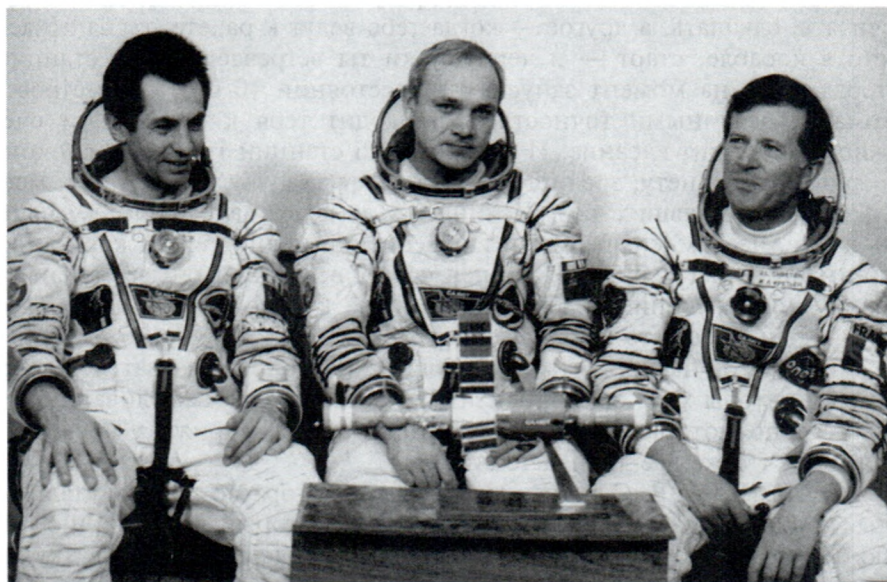
ДЖАНИБЕКОВ. Ответить можно честно: гораздо дороже стали минуты, время — это самый острый дефицит, который я постоянно ощущаю: И все сейчас подчинено тому, чтобы преодолеть эту нехватку времени.

ПЕЛЕХОВ. Вы в экипаж вошли после того, как он начал тренироваться. Вы ощущаете в полной мере, что Вы — командир, организующее начало экипажа, не только по делу, но и по духу?

ДЖАНИБЕКОВ. Вы знаете, в нашей работе так конкретно ставить вопрос не надо. Командир или бортинженер — у нас пока такой четкой специализации нет, и в экипаже, как правило, все его члены взаимозаменяемы. Поэтому лучше говорить о том, сложился экипаж или не сложился. Здесь я могу сказать однозначно, что наш экипаж — сложился. Был проверен в самых разных условиях, и получается, что у нас все хорошо расставлены по своим местам, и совместная работа проходит, как говорится, «как по нотам». Возникает взаимопонимание и нет повода лишний раз напоминать каждому о том, что он должен делать. Работа идет спокойно, и я бы сказал — просто.

ПЕЛЕХОВ. «Работать просто», — хорошо сказано. Особенно когда речь идет об очень сложной работе. «Работать просто» — это не только, когда ты знаешь и умеешь, а когда и в тех, кто работает рядом с тобой, уверен, как в себе. Слева от командира в корабле место Александра Иванченкова. Выпускник Московского авиационного института, летал с Владимиром Коваленком³, с которым они провели 140 суток на орбите, выходили в открытый космос. К одной из встреч с ним я подготовил маленький фрагмент «рассказа о себе», который прозвучал перед первым полетом. Это о том, как Иванченков проходил медкомиссию. Когда он прослушал эту фонограмму, я сразу переключил на запись.

ИВАНЧЕНКОВ. Мне говорят, что внешне я мало похож на космонавта. Когда я первый раз пришел к врачам за направлением на анализы, они у меня спросили: «Что, едете в какой-нибудь санаторий?»

Советско-французский экипаж КК «Союз Т-6» —
А.С.Иванченков, В.А.Джанибеков и Ж.-Л.Кретьен.
Звездный городок. 1982 г.
РГАНТД. Арх. № 1-1490 цв.

ПЕЛЕХОВ. Александр Сергеевич, сейчас уже не медкомиссия, а 140-суточный полет утвердил Вас в должности космонавта. Но космонавт — это и полет, и все то, что после него. Чем после полета Вы утверждали себя как космонавт?

ИВАНЧЕНКОВ. Я считаю, что прежде всего я — инженер. Инженер по образованию, инженер КБ^а, в котором создавалась и создается космическая техника. Космический полет дал мне прежде всего опыт и понятие того, как человек может жить и работать в невесомости. Я, сравнивая свои понятия о невесомости до и после полета, до сих пор удивляюсь, как они расходятся. Я прекрасно понимаю конструкторов, создающих какой-то новый прибор, приспособление, новый интерьер станции или какую-то бытовую вещь для жизни на станции. Какое непростое дело перенести себя на место космонавта и сделать так, чтобы ему было максимально удобно в условиях невесомости. Сейчас у меня это понятие есть, поэтому за годы, прошедшие после полета, в своей инженерной деятельности я всегда стремился все свои наблюдения за время полета с В. Коваленком, а также опыт моих товарищей — долгожителей космоса, внедрить в станцию «Салют-7» и другие станции.

^а КБ — конструкторское бюро.

Сделано уже много интересного. Инженеры, конструкторы космических станций стали прислушиваться к мнению долгожителей космоса. Я недавно услышал такое определение — не совсем точное, но смысл его довольно верен — «космическое мышление». Я не помню, по какому поводу это было сказано, по-моему, в момент, когда что-то предлагалось космонавтам без учета специфики их работы, и кто-то сказал: «Земля должна обладать космическим мышлением».

ПЕЛЕХОВ. Правильно ли я Вас понял, что полет дал Вам именно это «космическое мышление»?

ИВАНЧЕНКОВ. Видимо, это близко к истине. Космическое мышление — не в понятии необъятности твоего кругозора, на это претендовать слишком сложно, а в смысле наличия опыта космической жизни, космической работы. Это соответствующий взгляд на ту работу, которую предполагается делать в космосе. В этом плане можно принять такой термин.

ПЕЛЕХОВ. Мне часто приходилось встречаться с Александром Иванченковым после его полета. Вот один случай. Нужно было его участие в съемках одного эпизода фильма «Космос. Время московское». Постарались все организовать так, чтобы занять как можно меньше времени. А тут как назло — накладка за накладкой, то одно не ладится, то другое. Я уже, признаться, со страхом поглядывал на Иванченкова, думая, что вот сейчас скажет: «Все, граждане дорогие, лимит моего терпения исчерпан». Нет, ничего. Невозмутим, вежлив. В конце концов все сняли, все удачно, и уже здесь, на космодроме^а, рискнул его спросить, как близки были мои опасения к действительности?

ИВАНЧЕНКОВ. Честно говоря, когда я понял, что теряю час, два, три, четыре(смеется), и непонятно еще, что и через пять часов будет — и все это ради какого-то десятиминутного эпизода — начал жалеть время, и появились какие-то мысли другие. Потом — не первый ведь год вместе работаем! — понял, что дело это нужное, что у брата-журналиста элементы неорганизованности тоже бывают.

ПЕЛЕХОВ. И у вас, значит, бывают?

ИВАНЧЕНКОВ. Бывают, что и говорить, не без недостатков.

ПЕЛЕХОВ. Да, воспитанность, интеллигентность — это прежде всего уважение к чужому труду. Тут мы, правда, оказались не совсем на высоте, хотя и старались, но именно в таких ситуациях особенно благодарно воспринимаются эти качества в других.

Но — время сказать о третьем члене экипажа. Жан-Лу Кретьен, 44 года, подполковник ВВС Франции, в экипаже — космонавт-исследователь. Родился в Ла-Рошеле в семье военного моряка, первенец — у него два брата и сестра. Первый раз поднял в воздух самолет в 1955 году, в 17 лет — первый прыжок с парашютом. Хотя русский язык изучал интенсивно и сейчас продолжает, предпочитает говорить покороче, чаще всего — да, нет, но это пока не затронешь темы, которая его

^а Космодром Байконур.

действительно интересуется. В Звездном городке взял короткое интервью после одной из тренировок в составе экипажа.

ПЕЛЕХОВ. Большая разница с той тренировкой, когда впервые сел в корабль?

КРЕТЬЕН. Да, конечно. Корабль совсем другой сейчас. Сначала было ничего непонятно, сейчас — все понятно.

ПЕЛЕХОВ. Командир, Вы не первый раз в этом корабле. А Вам все понятно?

ДЖАНИБЕКОВ. Пока еще нет.

ПЕЛЕХОВ. Вероятно, это об освоении — ничего непонятно, все понятно, и снова ничего непонятно.

ДЖАНИБЕКОВ. Ну, у нас ведь развитие идет по спирали, и сейчас, видимо, новый виток.

ПЕЛЕХОВ. Жан-Лу, а Вам скоро будет опять «все непонятно», или Вы решили идти не по спирали, а по прямой?

КРЕТЬЕН. По спирали. Есть еще работа.

ПЕЛЕХОВ. Это было месяца два с половиной назад. И вот здесь, на Байконуре, я спросил о французском космонавте у Джанибекова.

ДЖАНИБЕКОВ. Жан-Лу Кретъен сейчас прекрасно подготовлен к выполнению намеченной программы и сейчас продолжает тренироваться, хотя осталось всего несколько дней до старта. По два-три раза в день он непрерывно отрабатывает некоторые очень сложные, очень ответственные эксперименты для того, чтобы обеспечить свою надежность там, на орбите. И вот в этом стремлении он весь, как на ладони. Чтобы быть надежным, он не жалеет ни сил, ни времени. А это значит, что он свой, рабочий парень, с которым можно смело идти на любую работу.

ПЕЛЕХОВ. Ну что ж, это уже, как говорят, окончательно. Джанибеков на комплименты не горазд, как сказал, так и есть.

Французский космонавт на советском корабле. Невольно вспоминается другое: годы войны, французские летчики на советских самолетах в битве с общим врагом. Были недавно ветераны полка «Нормандия — Неман»⁴ в Звездном городке, встречались с французскими космонавтами. Я помню шутливый совет одного из летчиков: «Скорее летите! Я знаю русских, они готовы вас учить до бесконечности!» В этом есть доля истины. Готовы учить и щедро, от души помогать — и не потому, что из Франции, и не потому, что какие-то особенные, то же самое было и для космонавтов из социалистических стран, стартовавших с советского космодрома. Полет — работа, научные эксперименты — не экскурсия. Но с этого начнется история пилотируемой космонавтики еще одной страны — Франции. Я спросил у Жан-Лу, как он воспринял полет Гагарина⁵, помнит ли его? Он ответил: «Да, конечно!» И дальше:

КРЕТЬЕН. Как только полетел Гагарин, я сразу спросил у своего командира, как можно стать космонавтом. Что нужно для этого сделать во Франции? Все засмеялись, конечно. И я помню, долго говорил с одним адмиралом, другом моего отца, и он мне сказал: «Ты будешь уже дедушкой, когда появится первый французский космонавт».

ПЕЛЕХОВ. Да, 20 лет назад такой прогноз был для многих французов очевиден. Советская космонавтика только-только начиналась, не было еще французского Национального центра космических исследований (КНЕСА). Как же все-таки пришел Ж.-Л.Кретьен к нынешним предстартовым дням?

КРЕТЬЕН. Я получил письмо. Я не был хорошо знаком с КНЕСОМ, и они меня не знали, но были люди, осведомленные о моем желании стать космонавтом. И они решили, что мне надо прислать письмо. И я сначала получил письмо вместе со многими. А потом получил письмо еще раз. В нем говорилось: «Если вы хотите, то есть возможность». И я сразу побежал, а на следующий день начался выбор кандидата в космонавты. Я каждый раз думал, что у меня не будет возможности поступить. Но каждый день все менялось — сначала было 400 человек, потом 200, потом 100, 50, 25, затем выбор внутри, и уже 5 человек, потом 2, и все.

ПЕЛЕХОВ. Более полутора лет шла подготовка в Звездном. Подготовка для космоса — от нуля. Для нормальной, обычной подготовки времени мало. Но скидок быть не может, и когда я поинтересовался у Жан-Лу, что ему наиболее запомнилось за это время, то ответ был почти очевиден.

КРЕТЬЕН. Мне трудно ответить, но я думаю, что кроме тренировок что-либо назвать будет трудно. Если говорить о жизни в Звездном городке, то запомнилось время, когда уже определился наш экипаж, и мы стали «делать эксперименты» не только на тренировках, но и в жизни.

ПЕЛЕХОВ. Трое. Экипаж. Общая работа. Работа впереди, работа позади. Дома у Жан-Лу я увидел электроорган. Знал, что это давнее его увлечение, попросил что-нибудь сыграть. Он засмеялся, сказал, что даже ноты забылись: все некогда. Музыка будет после полета.

После полета У В.Джанибекова это «после полета» уже было дважды. Что дороже всего после полета космонавту?

ДЖАНИБЕКОВ. Честно скажу — покой. Потому что после полета, когда возвращаешься — я это испытал дважды — хочется какого-то спокойствия вокруг, хочется еще какое-то время немного мыслями побывать там, откуда вернулся, хочется тишины и покоя. Потом жизнь берет свое, как-то само собой происходит все остальное. А первые дни — именно так.

ПЕЛЕХОВ. Но — кончен покой! Снова зовет дорога.

РГАНТД. Арх. № 707 (фоно).

Примечания

¹ *Бах Иоганн Себастьян* (1685—1750) — немецкий композитор и органист. Непревзойденный мастер полифонии. Работал во всех жанрах, кроме оперы.

² *Скрябин Александр Николаевич* (1871/72—1915) — русский композитор, пианист. Смелый новатор. Воплотил в музыке идеи и образы, рожденные сложной предреволюционной эпохой.

³ *Коваленок Владимир Васильевич* (р. 1942) — летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза (1978, 1981). Совершил три космических полета. Доктор военных наук, профессор, имеет более 60-ти научных публикаций по космосу и военному делу.

⁴ «Нормандия-Неман» — истребительный авиационный полк *«Сражающейся Франции»*; действовал на советско-германском фронте в 1943—1945 гг. Летчики полка уничтожили около 280 и повредили 80 немецких самолетов. В ноябре 1944 г. за отличия в боях по освобождению Литвы и при форсировании реки Неман полку было присвоено почетное наименование «Неманский».

⁵ *Гагарин Юрий Алексеевич* (1934—1968) — летчик-космонавт СССР, полковник, Герой Советского Союза. 12 апреля 1961 г. впервые в истории человечества совершил полет в космос на КК «Восток».

«ВСЯ ЕГО РАБОТА ПРОНИКНУТА КРАЙНЕЙ ВРАЖДОЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ...»

Документы, письма, свидетельства современников
об униатском митрополите Галицком Андрее Шептицком.
1914—1917 гг.*

№ 13 Циркуляр военного генерал-губернатора Галиции

Львов

Январь 1915 г.

В дополнение и изменение моих устных и письменных распоряжений по церковно-религиозным вопросам принять впредь к руководству нижеследующие правила.

I. Строго соблюдать полную веротерпимость ко всем религиям и не допускать как со стороны православных священников по отношению к иноверческим вероисповеданиям, так и со стороны иноверческих священнослужителей против православия каких-либо враждебных выступлений, а в случаях проявления таковых немедленно доносить по начальству генерал-губернатору.

II. Если униатская церковь не имеет своего постоянного священника, то в случае обращения хотя бы меньшинства прихожан пустующей церкви с просьбой прислать им православного священника для совершения богослужений в их церкви, местный православный епископ посылает такого священника, сообщая о всем генерал-губернатору, от коего и должно последовать распоряжение о допущении православного священника в приход, а равно и о передаче ему ключей церкви.

В случае проявления по этому поводу неудовольствия со стороны остальных прихожан или в случае возникновения спора о передаче упомянутых ключей, надлежит немедленно доносить об этом по начальству генерал-губернатору, который или разрешает вопрос своей властью, или же предписывает поступить порядком, указанным в следующем III пункте сего циркуляра.

* Окончание. Начало см.: Исторический архив. 2002. № 2. С. 103—128.

Примечание: православные священники, занимавшие приходы до объявления настоящего циркуляра, остаются на своих местах.

III. Если униатская церковь имеет своего постоянного священника, и если прихожане пожелают иметь вместо униатского православного священника, то православный священник назначается в такой приход, и храм передается в его заведывание только в том случае, если 75% явившихся на сход представителей или представительниц дворов пожелают иметь православного священника. На этот сход приглашаются и принимаются во внимание при подсчете голосов лишь представители и представительницы униатских и православных дворов по одному на двор, причем голосование производится закрытой баллотировкой. Назначенный затем местным православным епископом и допущенный генерал-губернатором православный священник обязуется предоставить оставшемуся униатскому священнику возможность совершать богослужение и пользоваться церковной утварью по установленной взаимным между ними соглашением очереди. Возникающие по этому поводу недоразумения разрешаются властью генерал-губернатора.

IV. В случае перехода униатского священника в православие, он остается на своем приходе, если со стороны прихожан не последует протеста или жалобы, а если таковые последуют, то надлежит поступить порядком, указанным в предыдущем III пункте.

V. Когда в одном приходе несколько церквей, то в случаях разногласия в вопросе о переходе в православие, главная и приписные церкви рассматриваются как отдельные приходы.

VI. Новые назначения на свободные приходы как католических, так и униатских, делаются подлежащей духовной властью не иначе как с утверждения генерал-губернатора, а потому вновь назначенные католические и униатские священники допускаются в приходы только с особого каждый раз разрешения генерал-губернатора.

Примечание: то же правило распространяется и на священников, бежавших из сел при появлении русских войск и ныне вновь возвращающихся в свои приходы.

VII. Посещать другие приходы для исполнения церковных треб на дому по просьбам нуждающихся в этих требах прихожан разрешается всем приходским священникам без различия вероисповедания.

VIII. Не требовать от униатских и католических священников молитвы за царя, но запретить молитвы за австрийского императора.

Подписал: военный генерал-губернатор Галиции,
генерал-лейтенант граф

Бобринский

Скрепил:
начальник канцелярии

Крылов

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 162. Л. 55—56. Машинописная копия.

№ 14

А.Олферьев — М.Ф.Шиллингу¹⁵

Львов

9 января 1915 г.

№ 10

В[есьма] доверительно

Милостивый государь,
барон Маврикий Фабианович.

Сейчас получил сведения, что на днях состоялось совещание в греко-католическом капитуле, на котором принято решение отправить в Петроград депутацию с ходатайством об освобождении митрополита Шептицкого.

Копию меморандума при сем прилагаю^а.

В составе депутации намечены следующие три лица: д[окто]р Иосиф Боцян, рект[ор] Львовской униатской дух[овной] семинарии, д[окто]р Ларион Свенцицкий, хранитель национального музея гр. Шептицкого и д[окто]р Николай Шухович, прис[яжный] повер[енный].

О пропуске в Россию названных лиц взялся, будто бы, хлопотать гр. Роман Потоцкий младший. Депутация предполагает выехать на следующей неделе, но вряд ли будет это возможно, так как сегодня военный генерал-губернатор выезжает в сопровождении генерала Половцева и лиц, при нем состоящих (я в том числе), в Буковину и Тарнопольскую губернию, и поездка эта продлится не менее как 6, 7 дней.

О вышеизложенном мной доложено гр. Бобринскому. Вообще за последнее время греко-католический капитул и верная Риму часть униатского духовенства стали проявлять энергичную деятельность в деле ограждения паствы от увлечения православием и, по-видимому, мобилизовали все силы, чтобы во всеоружии встретить надвигающуюся на Галичину опасность «схизмы».

По возвращении из поездки позволю себе представить Вашему превосходительству более подробное донесение о положении церковного дела в Галиции.

Примите уверение в совершенном моем к Вам, милостивый государь, уважении и искренней преданности.

Вашего превосходительства покорный слуга

Олферьев

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 27—27об. Подлинник.

^а См. док. № 15.

№ 15

Меморандум «Из жизни Карпатской Руси»

В минуты окончательного объединения остальных частей Русской земли (4,5 млн. населения) с Россией русинам не пришлось, к сожалению, высказаться о своих нуждах на столбцах своей собственной газеты. Только благодаря счастливому случаю им дана возможность в момент решения вопросов мирового владычества изложить свои нужды и надежды русскому народу и делать только теперь то, чего они по независящим от них обстоятельствам не успели исполнить в самом начале, несмотря на самое искреннее свое желание и полнейшую готовность приветствовать победоносную Русскую армию, как своих братьев и сородичей.

Возможно, что это обстоятельство принудительного молчания и было причиной мнения о существовании самой яростной и злостной «мазепинской ирреденты», созданной и поддерживаемой австрийскими и прусскими деньгами среди части русинов, которая считает себя национально ближе к украинцам (малорусам), чем к великороссам, и стоит за самобытное развитие малорусской культурно-национальной особы.

Между тем, того «мазепинства», о котором сям и там поговаривают и пописывают, среди карпатских русинов в действительности совсем нет и не было в том значении, какое ему придают. Было у них только одно желание всестороннего культурного национального развития наравне с поляками и великорусами и с другими славянскими народами. Но так как обстоятельства, обусловившие культурно-национальное развитие малорусов-украинцев только противодействовали этому развитию в России, то русинам, очевидно, не оставалось другого выхода, кроме возможно большего использования прав на самобытное развитие, предоставленных им в Австрии. А так как минимум этих прав в Австрии все-таки превышал их максимум в России, то русинам приходилось только мечтать о том отдаленном времени, которое принесет и украинцам, их родным братьям в России, хотя бы только минимальные права свободного, культурно-национального развития. Если в этом заключается «украинское мазепинство», то его создали своеобразные отношения к Украине и русинам чересчур усердных обрусителей, не признающих существования т[ак] н[азываемого] украинского вопроса.

Этот вопрос прекратил действительно свое существование с моментом предоставления Украине тех же прав на культурное национальное развитие, какие дарует гражданам России октябрьская конституция, и обещают воззвания начального вождя, и программная речь галицкого генерал-губернатора.

В полной надежде на осуществление этой мечты Карпатская Русь видела в Украине надежный оплот против владычества и засилья чужих наций: польской, мадьярской и румынской. Поскольку, однако, эти нации, несмотря на все законные меры, принятые русинами в Австро-Угорщине, все-таки стремились за всякую цену окончательно поработить Карпатскую Русь и на ее счет увеличить свои политические границы, то русины должны были противопоставить их экспансии стремле-

нием^а к соединению малорусских земель, чтобы тем вернее обеспечить свою страну от чужого засилья и спасти этим путем русское имя и русский облик родной земли.

И в этом нельзя досмотреться враждебного Русской государственности стремления, так как культурно-экономическая деятельность русинов была направлена главным образом на освобождение Карпатской Руси от экономической зависимости народа, от враждебных ему польско-еврейских капиталов и на национально-политическое самоопределение в том государстве, с которым соединила их историческая судьба. А так как конституционная жизнь этого государства представляла русинам как нации, известные права на самобытное культурно-национальное развитие, то они и использовались ими во всем доступном им объеме, добываясь от правительства соответствующего им и их численности внимания к себе и материальной поддержки своим культурно-национальным нуждам из общедоступных сумм, из которых поляки черпали большие средства на развитие своей культуры.

Этим и пользовались австрийские государственные политики для решения, прежде всего, внутренней политики (создание парламентского центра) и внешней политики (борьбы с политическим русофильством). На этой почве происходили разные компромиссы правительства даже с русофилами при министре Беке и галицийском наместнике гр. Потоцком, которые желали этим путем умерить как украинские требования, так и русофильское движение. С другой их стороны, поскольку славянофильство некоторых кругов среди славянских народностей руководилось и обращалось скорее к подчинению менее крепких в культурно-экономическом отношении славянских племен более сильными, чем помогать им в естественном развитии, то русинам пришлось держаться в стороне от этих течений и искать главной опоры в своих собственных народных силах.

В этой борьбе за свою культурно-национальную самобытность среди граждан Австрии галицко-русская интеллигенция народнического лагеря противопоставила принципам общеславянским и общерусским, основанным на количественном делении человечества на враждебных друг другу славян и неславян, русских и нерусских, принцип человеческой равноправности, основанный на сожитии двигателей и носителей культуры, защитников права законности и гражданской свободы. Наталкиваясь в своей культурно-национальной жизни на целый ряд противоречий, истекающих как раз из несовместимости принципов узконационального и общечеловеческого (напр., вопросы русско-польский, русско-украинский, галицко-руско-польский и др.), галицкие русины, принявшиеся сравнительно поздно и с небольшими качественно силами без представителей родовой знати, крупного землевладения, торговли, промышленности и науки за культурно-национальную работу, так и продолжали строить свою собственную жизнь на началах широкой демократической самопомощи, кооперации и посредством заработной

^а Так в тексте.

эмиграции в Америку и Германию (где предпочитали русинов полякам) и постепенным выкупом польских поместий в русские руки.

Поэтому, в полном сознании важности минуты, галицкие русины встретили победителя Брата спокойно, без всякой лести, низкопоклонничества и фраз о славянском братолюбии. Они видели и чувствовали, что он занят великим делом борьбы с противником, что он должен окупить своей и своих родных братьев кровью каждую пядь отвоеванной Русской земли. Русины чувствовали и видели весь ужас разыгравшейся трагедии на землях Ярослава и Даниила, оторванных от родного ствола и долженствующих долг чести и совести ставить выше своей и своих братьев жизни.

Искреннее сознание всего трагизма положения Карпатской Руси, с одной стороны, с другой же — очевидное материальное, экономическое и культурное разорение страны на ряд лет, заставили горсть культурно-экономических деятелей, оставшихся на своих местах, посвятить все свои силы и заботы на поддержку той части культурно-национальной жизни Галицкой Руси, которая проявилась в кипучей деятельности целого ряда экономических и культурно-просветительных учреждений. Этот единственно возможный шаг русинов в самый разгар военной угрозы находит себе оправдание еще в том, что действующие экономические учреждения русинов являются, кроме этого, видимым знаком освобождения Карпатской Руси от польского владычества вообще и экономического гнета со стороны помещика поляка и капиталиста еврея и немца. Эти учреждения являются, главным образом, вехами на пути окончательного раскрепощения русского народа на юго-западной окраине от чужого засилья; они есть проявлением и очагом силы той части русского народа, которая перенесла на себе многовековое рабство польского элемента и стала доходить до равных прав с тогдашними властелинами своими, неуклонно стремящимися завладеть всеми землями Речи Посполитой и восстановить Польшу XVII в. от Балтики до Черного моря.

Называть всю эту работу «мазепинством» и ее, как вредную для Русской государственности, прекращать и уничтожать, в действительности будет значить: сравнить интересы Русской государственности с польскими притязаниями на все бывшие земли б[ывшей] шляхетской Речи Посполитой и помочь окончательно всепольской ирреденте восторжествовать над Галицкой Русью вообще, как над своим рабом.

В доказательство правдивости сказанного следует воспроизвести и несколько моментов из недавнего прошлого русско-польского вопроса в Галичине. Этот экскурс не является ни раздуванием национальной ненависти, ни охотой мести на национальном враге, поскольку таким была для русинов польская печать и политика. Сами факты и обстоятельства слагались так, что говорить о них значит невольно освещать искренность и доброкачественность недавнишнего польского славяно- и русофильства как политической ориентации, которой предшествовала интересная «дипломатическая игра», затеянная польскими политиками на почве галицко-русского спора украинофилов с русофилами и русо-

фильства австрийского правительства. Итак, накануне и в начале войны Австрии с Россией, когда происходили массовые аресты русинов в Австрии по подозрению в противогосударственном русофильстве, польская националистическая пресса всех оттенков не постеснялась кликать [...]а (что русин то москаль, между русином и москалем такая же разница, как между евреем и израэлитом) и злорадно реестровать факты жестокой расправы уличной толпы с арестантами, как проявление искреннего польского и австрийского патриотизма. Поддерживая таким образом в толпе уверенность в патриотически гражданской законности национальной ненависти, эта печать и поощряла ее избивать, ранить и зверски изувечать «московских запроданцев», среди которых непременно желали видеть и самых видных представителей русинов в Галичине: митрополита Шептицкого, профессора Грушевского, депутатов Окуневского и Олесницкого, пуская слухи об аресте этих лиц на основании проведенных у них ревизий.

Эта «дипломатическая игра» польской печати и польских политиков была очень ловко затеяна и ведена. Пользуясь несомненным русофобством военных властей, которые анекдотически требовали немедленного очищения поля сражения от всякой тени «российской крамолы», польские верховоды раздували ее до исполинских размеров явной общенародной государственной измены русинов, подготавливая этим, на всякий случай, надежную почву под окончательное господство польского элемента, как самого верного престолу и отечеству на всех землях Руси в Австрии. Уверенность воинствующей Польши в близкой победе над ненавистой ей Русью, Москвой была настолько велика, что за несколько дней до вступления Русской армии во Львов польские легионисты не смогли стерпеть на улице украинского слова, решительно заявляя возымевшим дерзость русинам говорить по-своему [...]а (тут Польша, по-польски говорить на польской земле). Решиться заговорить по-русски на улице, и даже дома в присутствии польской или р[имо]-католической прислуги, значило обречь себя на верную гибель за шпионство, тем паче, что все польские газеты уверяли всех очень громко в том, что в течение ближайших 48 часов в Восточной Галиции не останется ни одной московской ноги. Улица поняла это известие таким образом, думая по-своему, что русинов просто напросто вырежут и таким образом освободят польский Львов от русских пришельцев.

Вдруг польские газеты во Львове сообщали о предстоящем вступлении [...]а в Львов после занятия всей Восточной Галиции, что обозначало, что от «москалей» не осталось ни следа. Львовские просветители оповестили к большой нескрываемой радости всего патриотически настроенного обывательства об открытии народных исключительно польских училищ с совершенным исключением из них и следа малорусского языка. Наконец-то Галицкая Польша освобождалась от всяких следов «гайдамачества», свидетельствовавшего столько времени о существовании ненавистой ей Руси в двух третьих Галичины. Полякам стало ка-

^а Пропуск в тексте.

заться, что в Галичине повторится скоро массовое увеличение польского элемента переходом униатов в римо-католичество, как это случилось в свое время в Холмшине и на Белой Руси. Во всяком случае, была надежда, что 1/2 миллиона римо-католиков Восточной Галичины дойдет до 2 млн.

С таким же злорадством приветствовали поляки каждый шаг нового правительства, хотя бы косвенно как-нибудь направленный, по их мнению, против русинов. И хотя они в действительности стали не доверять возможности укрепиться в Львове и на правом берегу Сяна, сознавая в том, что они в Львове составляют только чиновничью колонию (Газ. Веч.), но они все-таки надеялись, что русская политика найдет путем быстрого обрусения старого типа и таким образом все-таки осуществится столь желанное для них полное уничтожение ненавистной им Руси-Украины политического тезиса 1866 г. (Мир знает только Москву и Польшу, Руси нет). Думать так, а не иначе помогали полякам еще следующие очень важные обстоятельства. Воззвание Верховного начального Вождя от Высочайшего имени обещало полякам восстановление Царства Польского и освобождение от злейшего врага Польши пруссака. Поляки получили, наконец, то, за что боролись в своих восстаниях Костюшки 1831 и 1863 гг., и что одушевляло их в Варшавскую революцию 1905 г. и вплоть до образования польских легионов в нынешнюю войну. К русинам же было воззвание с обещанием освобождения от швабов, в исполнение чего первые устроители Галичины отняли у них тот минимум прав на культурное развитие, которое они успели получить от немецкого австрийского правительства по отношению к полякам. В итоге оказалось, что освобождение русинов от швабов по интерпретации русско-польских союзников должно обозначать окончательное прекращение всякой культурно-национальной жизни русинов. В благодарность за такое решение русско-польского и украинско-польского вопросов Галицкие поляки перестали ненавидеть Россию, они оказались очень преданными русскому народу, славянству и по-немного Польше в этнографических границах, не исторической от моря до моря, и готовились до самозабвения повиноваться и служить новому правительству. Те же газеты, которые еще недавно только раздували пламя национальной ненависти и вражды, которые с ликованием истребляли московскую продажную измену среди русинов-москалей, сообщали теперь очень любезно об освобождении из тюрьмы заключенных австрийским правительством 180-ти русофилов и польского деятеля Кшеменецкого, а даже без особого протеста приняли к сведению окончательное решение галицким генерал-губернатором старинного русского спора в Галичине, определившее западные границы Руси Сяном, Вислоком и Попрадом.

Итак, ненависть к Руси, недостойной по идеям польского шляхетства XVII в. стать выше рабочего скота, подсказала галицким польским политикам отказаться от своего столь недавнего рыаного русофобства и ополчиться против мазепинства тех русинов, среди которых они так недавно с таким рвением истребляли вредную для австрийского правительства московскую измену. Благо, что эта борьба с «мазепинством»,

вредная для Русской государственности, не только увлекала внимание строителей Галичины от некоторых вопросов недавней польской политики, но сулила известные выгоды самому польскому делу. Итак, закрытие «Дела» принесло польским газетам около 1000 читателей больше; закрытие хорошо оборудованного книжного магазина т[оварищес]тва им[ени] Шевченка отняло у русских возможность познакомиться с работами по истории и культуре Прикарпатья; ссылка митрополита Андрея графа Шептицкого ослабила как православно-католическую церковь в Галичине, так и значение самого галицко-русского общества; недопущение малорусского языка к употреблению в корреспонденции заставило тоже многих русинов, не умеющих по-русски, писать по-польски. Отнесись, однако, строители русской Галичины хотя бы немного беспристрастно к реальным успехам культурно-экономической деятельности русинов, сохранивших ею русский облик Галичины и Буковины, и обратись они к русинам как к своим братьям без всяких предвзятых мнений насчет искренности их отношения к идее Великой Руси, то русины смотрели бы в будущее с такой же неллицимерной радостью и надеждой, с какой путник взирает на родное селение после долголетних скитаний.

Обстоятельства, однако, слагаются так, что русины должны отказаться от плодов своего труда, что они обрекаются на прозябание как пасынки Русской Земли и рабы польско-еврейского капитала. Теряя вдруг свои народные и средние училища, они лишаются на долгие годы возможности естественно развиваться. Оставшиеся без места ради народного учительства, ни к чему негодное приобретенное тысячами молодежи образование, лишенные своих скудных заработков чиновники и служба культурно-национальных учреждений, будут только усиливать антагонизм русинов к великороссам, принесшим к ним вместо обещанного освобождения от чужого засилья формы прусского централизма с неизменными спутниками его национальной и религиозной заносчивостью и нетерпимостью.

Между тем, данный момент является самым подходящим для окончательного решения давнишнего спора русских южан с севером. Благополучное решение этого вопроса тем более возможно как раз теперь, что интерес объединенной Русской земли требует самого широкого и глубокого развития внутренних культурно-национальных сил всех племенных разновидностей русского народа с целью проявления самой большей экспансии на вне. В итоге, это культурно-национальное развитие русских народностей приведет само собой сближение и слияние этих разновидностей на почве совместного гражданского труда для равно дорогой всем русским Русской земли.

Помимо той своей племенной индивидуальности и своего материнского языка украинцы-русины вовсе не думают отрицать своего кровного родства с великороссами и белорусами и отказываться от связи с общерусской культурной жизнью. Мало того: они ясно осознают, что все три русских племени составляют одну Великую Русь, развитие которой вполне зависит от развития племенных особей.

Защищая этот принцип, галицкие русины-украинцы своим долголетним упорным трудом на поприще народного просвещения и организации украинских экономических и культурных сил в целом ряде обществ и товариществ несомненно и сохранили русский облик Галичины и Буковины и положили крепкие основания под развитие русского элемента на самой западной границе русской земли. Этим успехом своего реального труда на народной основе они очень гордятся, тем более, что им пришлось преодолеть громадные препятствия со стороны злейших национальных и партийных противников национального развития русинов. Этим трудом они приготовили Карпатскую Русь присоединиться к культурно-экономической работе юго-западной Руси и с ней через Россию принять участие в мировой экономической, политической и культурной жизни. С этим и должны считаться устроители Карпатской Руси, если они желают вполне объективно и справедливо исполнить возложенную большую задачу. Нынешние и будущие устроители Галичины должны относиться с уважением к успехам и плодам положительного культурно-национального труда русинов и не презирать высокомерно их местного, но родного им быта, сохраненного в их языке, обряде, обычаях и культурном мировоззрении.

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161 Л. 28—33. Машинописная копия.

№ 16

С.Д.Сазонов — Н.А.Маклакову¹⁶

№ 15/п

16 января 1915 г.

Милостивый государь,
Николай Алексеевич.

Из донесений наших представителей за границей я усматриваю, что враги наши делают попытки возбудить против России общественное мнение Западной Европы и Америки по случаю высылки униатского митрополита Шептицкого из пределов Галиции.

С целью предупредить дальнейшее возбуждение общественного мнения против России на этой почве, я считал бы полезным положить предел подобному, враждебному нам движению, ясным указанием на те причины, которые побудили Импер[аторское] прав[ительство] принять против графа Шептицкого известные меры.

Вследствие сего, покорнейше прошу Ваше Высокопр[евосходительств]о не отказать в зависящем распоряжении о доставлении мне материала, необходимого для опровержения распространяемых по поводу графа Шептицкого слухов и вредных для наших политических интересов.

Примите, М[илостивый] г[осударь], уверение в отличном моем почтении и таковой же преданности.

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 36. Рукописная копия.

№ 17

Д.А.Нелидов – МИД России

19 января / 1 февраля 1915 г.

Не найдете ли возможным сообщить Миссии официальные сведения об учиненных у нас австро-венгерских зверствах и, в частности, о разрушении и осквернении православных и католических церквей и об оскорблении духовенства. Сведения эти могли бы быть использованы нами для поддержания бельгийцев и англичан в их борьбе с австро-германским влиянием на Ватикан.

Нелидов

АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 47. Л. 30. Машинописная копия.

№ 18

Д.А.Нелидов – МИД России

Рим

31 января / 13 февраля 1915 г.

Получил № 271. Ссылаюсь на мои донесения № 47 и 54.

Независимо от всеобщего оглашения фактов, касающихся Шептицкого, было бы весьма желательным и целесообразным раньше этого осведомить Папу непосредственно о взгляде Императорского правительства на его деятельность и о соображениях касательно его дальнейшей судьбы. Вопрос этот, судя по двукратным беседам Папы со мной и постоянным затрагиваниям его со стороны Ватикана в объяснениях с представителями дружественных нам держав, составляет чувствительное болезненное место. Его коснулись Папа и кардинал статс-секретарь и в недавнем разговоре с князем Юсуповым, обещавшим будто бы непосредственно доложить о сем Государю. Предварительное сообщение их Папе лишь повысит силу и убедительность наших доводов в глазах клерикальных кругов¹⁷.

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 38. Машинописная копия.

№ 19

С.Д.Сазонов – Н.И.Боку

№ 611

2/15 февраля 1915 г.

Секретно

Шептицкий издавно ведет направленную против России пропаганду совершенно политического характера. Как Ватикану известно, он уже несколько лет тому назад приезжал в Россию переодетым и с подложными документами для агитации на политической почве и тогда, только из уважения к Папе и нежелания создать неприятный для Св. Престола

инцидент, Императорское правительство решило закрыть глаза и дать Шептицкому возможность выехать из России, не арестовывая его.

С тех пор деятельность Шептицкого, направленная к развитию украинофильского движения с целью внести раскол в единство русского народа и подготовить отторжение юго-западной России, неустанно продолжалась.

По вступлении наших войск в Галицию были найдены в церквах окружные послания и воззвания митрополита Шептицкого, призывавшего свою паству к беспощадной борьбе против русских. Подлинники подобных воззваний были доставлены и в Министерство иностранных дел.

Все вышеизложенное доказывает, что деяния, в которых обвиняется Шептицкий, имеют чисто политический, а не вероисповедный характер. При таких обстоятельствах Императорское правительство оказалось вынужденным пресечь вредную политическую деятельность Шептицкого, выдворив его в Курск, куда он был доставлен и где он содержится в условиях, вполне подобающих. Что касается дальнейшей его судьбы, то ныне обсуждение этого вопроса представляется преждевременным, так как до конца войны правительство, во всяком случае, обязано оградить себя от возможного возобновления вредной деятельности Шептицкого на новой почве в той или иной форме.

Все вышеизложенное можете сообщить Курии.

АВПРИ. Ф.ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 50—51. Рукописная копия.

№ 20

А.Олферьев — МИД России

№ 43

19 февраля 1915 г.

Секретно

На № 821 доношу

Меры и распоряжения по религиозным вопросам подробно доложены в моем донесении от 12 февраля № 37.

Газета «Львовское слово» издание Штаба Главнокомандующего Южного фронта, потому вне цензуры, переходит с 1-го марта в ведение генерал-губернатора.

Всего распоряжением генерал-губернатора высланы за враждебность, вредную деятельность и подозрение в шпионаже 20 униатских священников, 13 ксендзов и 12 монахов, из них в европейскую Россию — 14, в Сибирь — 5 и оставлены в Галиции — 26. Подробности почтой. Капуцины из Олеско, если были казнены, то в период боев по приказу командующего армией.

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 162. Л. 71. Машинописная копия.

№ 21

А.Олферьев — М.Ф.Шиллингу

Львов

4 марта 1915 г.

№ 58

Милостивый государь,
барон Маврикий Фабианович.

Вследствие шифрованной телеграммы от 21 января с.г. за № 377 имею честь представить при сем Вашему превосходительству собранный материал об учиненных австро-венгерцами в Галиции зверствах вообще и, в частности, о разрушении и осквернении ими храмов и ограблении духовенства.

Все эти сведения, хотя и газетные, но вполне заслуживают доверия, так как все они сообщены редакции беженцами, большей частью очевидцами, случайно избежавшими участи, постигшей их односельчан или родных.

Мне самому приходилось с некоторыми из них говорить и от них я слышал то же, что печаталось в газетах. Очевидец Веретельник лично был мне известен еще в бытность мою в консульстве во Львове, также и судья Дейницкий, убежденный униат. Когда я ездил парламентарием к Перемышлю в минувшем сентябре, я был в селе Святом и видел впоследствии разрушенную церковь; это действительно был красивый, совершенно новый храм. Уже тогда старика настоятеля не было там, и его жена мне рассказывала, как австрийцы его уводили, как над ним глумились и издевались.

Несомненно, тяжелое производит впечатление собранная из разных эпизодов, быть может, нескладная, но ярко рисующая картину вандализма подданных Его апостольского величества, повесть, но я сомневаюсь, что и она вызвала возмущение или осуждение среди римских клерикалов. Не хотят они ссориться с единственной, оставшейся до сих пор верной папскому престолу империей.

Ватикан всегда найдет возможным объяснить описываемые зверства безотчетными выступлениями возбужденной толпы, действующей под аффектом мести за предательство москвофилов и измену Риму униатского духовенства, тяготеющего к России и православию.

Война, необходимость обороны, шпионство, предательство — вот защитники этих зверств.

Одно, что могло бы, пожалуй, заставить Ватикан задуматься, это широкая огласка собранного здесь материала в итальянской, французской и английской антиклерикальной печати.

Вернувшийся в Львов Зиновий Мохнацкий заезжал в Рим и был у нашего посланника Нелидова, побывал он также и в Ватиканском секретариате и там его просили описать свои переживания. Советовал ему и я написать, и как только он это исполнит, я немедленно доставлю Вашему превосходительству его записку, которую необходимо будет пе-

респлатить в Рим и там, хотя бы и в городской или провинциальной почте, послать ее в Ватикан, конечно же, препроводить для сведения нашему посланнику при Святейшем престоле.

Примите уверение в глубоком моем к Вам, милостивый государь, уважении и совершенной моей преданности.

Вашего превосходительства покорный слуга

А. Олферьев

АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 47. Л. 31—32. Подлинник.

№ 22

**Командующий отдельным корпусом жандармов,
товарищ министра МВД — С.Д.Сазонову**

Петроград

14 марта 1915 г.

№ 2793

Милостивый государь,
Сергей Дмитриевич.

Имею честь сообщить Вашему превосходительству, что по имеющимся у начальника Ломжинского губернского жандармского управления сведениям, во время последнего наступления немцев артиллерийскими снарядами совершенно разрушен в посаде Райгроде Щучинского уезда Ломжинской губернии костел. Заявивший германскому коменданту протест против разрушения святыни местный ксендз администратор декан Генрих Тышка немедленно был расстрелян.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.
Ваш покорный слуга^а

АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 47. Л. 33. Подлинник.

№ 23

Н.А.Маклаков — С.Д.Сазонову

№ 2003

20 марта 1915 г.

Милостивый государь,
Сергей Дмитриевич.

Императорская Российская Миссия при Св. Престоле 4 февраля с.г. препроводила в Министерство, для передачи р[имско]-к[атолическим] начальникам Империи, № 1/1915 г. официального сборника Курии «Akta Apostolicae Sedis».

В сборнике этом, в числе прочих актов, помещен декрет от 10 января сего года, в котором Папа Бенедикт XV предписывает совершение особо торжественных богослужений во всех р[имско]-к[атолических]

^а Подпись неразборчива.

церквах в Европе — 7 февраля (н. ст.), а в епархиях внеевропейских — 21 марта (н. ст.), с произнесением специально составленной им для этого случая молитвы о скорейшем ниспослании мира; для привлечения большого количества молящихся, Папа дарует всем присутствовавшим при богослужении и приступившим к таинствам покаяния и причащения полное отпущение грехов.

Придавая, с своей стороны, распоряжению Св. Престола значение государственной важности, я счел своим всеподданнейшим долгом молитву о мире повергнуть на высочайшее его императорского величества благовоззрение.

По всемилостивейшем выслушании моего доклада, Государю императору угодно было одобрить предположения мои о нежелательности исполнения в пределах Империи распоряжения Ватикана.

Всеподданнейше доложенные мной соображения, вызывающие необходимость отрицательного отношения Императорского правительства к молитве о мире, сводились к нижеследующим положениям.

Моление «о скором ниспослании горячо желаемого мира» без ближайшего пояснения, какой именно мир испрашивается, дает возможность истолкования папского распоряжения как пожелания главы Западной церкви о безотлагательной ликвидации войны.

Рассматривая с этой точки зрения вопрос о передаче № 1 Сборника Курии р[имско]-к[атолической] духовной власти в России, нельзя прежде всего не отметить, что молитва о мире, при нормальном течении государственной жизни, не чужда и господствующей церкви, которая на чтениях своих возносит обычно моление «о мире всего мира». В настоящее же время, когда этот усердно испрашиваемый мир нарушен дерзким объявлением России войны, Православная церковь, а с ней и весь православный народ, горячо молятся о даровании русскому оружию окончательной победы над врагом; то же самое наблюдалось до сих пор и в р[имско]-к[атолических] храмах Империи. Между тем папский декрет, при тенденциозном его освещении, мог бы поколебать столь необходимое для успешного завершения войны единение всех подданных Его Величества, без различия религии и национальности.

Новая молитва, как известно Министерству внутренних дел, не встретила сочувствия и в среде многих видных польских деятелей Империи; по отзыву последних, едва ли представлялось бы соответственным распространение в разгар тягчайшей войны столь яркой молитвы о мирном разрешении взаимных распрей в то время, когда напряжены все государственные и народные силы к окончательному сокрушению врага.

Возможность опасных для государства последствий молитвы о мире учитывалась, по-видимому, и во Франции, где, по имеющимся сведениям, архиепископ Парижский кардинал Амэтт и прочие французские епископы высказались за необходимость пояснений, что в молитве этой не испрашивается мир во что бы то ни стало, а лишь мир прочный, обеспечивающий правами интересы родины молящихся, и только при таких условиях французское правительство признало возможным снять наложенное первоначально на чтение молитвы запрещение.

По мнению, однако, некоторых р[имско]-к[атолических] епархиальных начальников Империи, те или иные дополнительные пояснения к тексту молитвы о мире явились бы посягательством на канонические права главы католической церкви, и потому предложение Императорского правительства последовать в отношении чтения означенной молитвы примеру французских священнослужителей не могло бы получить осуществления в России без предварительного согласия Св. Престола.

В текущем марте месяце в министерство передан был в установленном порядке № 3 сборника «Acta Apostolicae Sedis».

В этом издании помещен декрет Курии от 21 февраля, дарующий индульгенции на 300 дней верующим, «с сокрушенным сердцем читающим» молитву о мире.

С появлением нового декрета, ставящего своей целью распространение молитвы о мире в широких католических массах и не ограничивающего, по-видимому, произнесения таковой торжественными богослужениями 7 февраля и 21 марта, — те возражения, которыми была встречена упомянутая молитва, приобретают еще более серьезное значение.

Сообщая об изложенном Вашему Высокопревосходительству, имею честь препроводить при сем 21 экземпляр сборника №№ 1 и 3 «Acta Apostolicae Sedis», подлежащие возвращению Курии¹⁸.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Маклаков

АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 58. Л. 4—6. Подлинник.

№ 24

Н.А.Маклаков — С.Д.Сазонову

№ 101

26 марта 1915 г.

Милостивый государь, Сергей Дмитриевич.

Письмом за № 151/п Ваше Высокопревосходительство, сообщая о враждебных попытках к возбуждению против России общественного мнения Западной Европы и Америки по случаю высылки униатского митрополита графа Шептицкого из пределов Галиции, просили о сообщении материала, необходимого для опровержения распространяемых по этому поводу слухов, вредных для наших политических интересов.

Хотя высылка митрополита Шептицкого состоялась по распоряжению высших военных властей, тем не менее, идя навстречу выраженному Вашим превосходительством желанию, считаю долгом сообщить нижеследующие по этому вопросу данные.

Деятельность графа Шептицкого вне всякого сомнения тесно связана с теми многочисленными враждебными мероприятиями австрийского и германского правительств, которые эти две державы в течение последних двух десятилетий систематически старались направить против

России. Призвание Шептицкого на ответственный пост Львовского митрополита, личность коего всегда пользовалась особенным авторитетом среди местного населения, совпало как раз с тем временем, когда в восточной Галиции наиболее усердно стали насаждаться и пропагандироваться ультра-католические и так называемые мазепинские тенденции. Для более прочного укрепления этих тенденций в галицко-русском населении необходимо было позаботиться, чтобы во главе местной униатской церкви находился вполне надежный и энергичный иерарх, и потому выбор правительства пал на заранее им же намеченного бывшего офицера одного из австрийских уланских полков, польского шляхтича графа Шептицкого, переменявшего для этой цели веру и поступившего в униатский базилианский монастырь, в котором получил специальное образование под руководством иезуитов.

Если присмотреться ближе к четырнадцатилетней деятельности графа Шептицкого на посту Львовского митрополита, то окажется, что вся его работа проникнута сплошной ненавистью, злобой и крайней враждой по отношению к России, т.е. качествами, которыми вряд ли обладал в новейшее время какой-либо католический архипастырь. Граф Шептицкий принялся за дело с изумительной энергией. Он в сравнительно скорое время сумел захватить в свои руки почти все униатское духовенство, все местные церковные организации и дать им то направление, которое продиктовано было Берлином и Веней, и целью коего являлось не укрепление религиозных принципов, а исключительно лишь авантюристическая агитация против России.

Пока мазепинские стремления, основывающиеся на давно сданном в архив Переяславском договоре, были достижением кучки потерявших связь с народом мечтателей и пока римско-католическая пропаганда, стоя на почве религиозного соревнования, ограничивалась пределами одной Галиции, наше правительство не обращало на них серьезного внимания, но когда эти сумасбродные мечты кучки отщепенцев стали при самом активном участии австрийского и германского правительств культивировать не только в Галиции, но и в наших малороссийских губерниях, когда сотни тысяч брошюр, переполненные неслыханной брабнью и злобой тех же органов, стали распространять и там, и здесь самую непримиримую вражду к России, когда наряду с этим религиозная пропаганда была превращена в политическое орудие для проведения в жизнь общей политической пропаганды, стремившейся к расчленению России и обессилению ее государственной мощи, тогда наше правительство не могло уже не обратить внимание на происходившую оргию и на всех тех лиц, которые стали распространителями и руководителями этого движения.

Одним из главнейших деятелей, работавших в этом направлении, бесспорно, был Львовский митрополит граф Андрей Шептицкий. В течение четырнадцатилетней своей деятельности в качестве Львовского митрополита, граф Шептицкий почти во всех своих многочисленных воззваниях к верным старался, прежде всего, унижить православную церковь и представить Россию в самом непривлекательном виде. В из-

даваемых оо. базилианами в г. Жолкве брошюрах, календарях и журнале «Миссионер», появлявшихся каждый раз с особого благословения и одобрения Шептицкого, сеялась самая гнусная травля против России. Все русское правительство, народ, церковь и даже священная особа Государя императора, поносились самым беспощадным образом. Такие же приемы были усвоены и серьезным на вид богословским журналом «Нива», основанным и поддерживаемым митрополитом Шептицким. Под влиянием этой деятельности, исходным пунктом коей всегда являлся граф Шептицкий, вся галицийская униатская церковь вместе со всем ее духовенством изменилась в короткое время до неузнаваемости.

Одновременно с тем, все те лица, которые так или иначе не одобряли этой деятельности, или имели смелость относиться сочувственно к России, находили в графе Шептицком самого открытого недоброжелателя. Для устранения в Галиции русских политических противников на означенном пути Шептицкий, пользуясь преимуществами своего духовного сана, делал доклады австрийскому императору и эрцгерцогу Францу-Фердинанду в неблагоприятном для русских интересов освещении, и систематически занимался доносами на отдельных русских деятелей. В то же время для подавления среди подведомственного ему клира и местного русского народа национального самосознания и воспрепятствования служению интересам своей народности, митрополит Шептицкий требовал от каждого священнослужителя принесения особой клятвы, обязывающей повиноваться всем приказаниям епархиального архиерея не только в вопросах церкви, но и во всех делах политического и общественного характера, не принадлежать к русофильским организациям и кружкам, избегать всякого общения с ними, не читать русских газет и книг и всячески наставлять в том же духе прихожан. На соответствующих присяжных письмах, дававшие клятвы расписывались в том, что в случае нарушения ими присяги они, без всяких формальностей и без права на пенсию, подлежат немедленному увольнению от занимаемых должностей. В тех же посланиях граф Шептицкий предписывал духовенству также брать и от прихожан клятву в том, что они не будут читать русских газет и брошюр, и требовал предавать публичному в церквах проклятию сторонников России.

Когда возникли военные действия, австрийские власти арестовали сотни несочувствовавших этой деятельности галицких священников и мирян, почти все местное общество единогласно назвало графа Шептицкого главным виновником этих арестов.

Подготавливая в известном направлении Галицию, граф Шептицкий одновременно с тем всячески старался перебросить свою деятельность и в Россию, где усиленно стал искать пособников для преследуемых им враждебных нашему Отечеству целей. В этих видах он неоднократно с подложными паспортами выезжал в пределы Российской империи то под видом скупщика шерсти, то в качестве коммивояжера разных торговых фирм и вел тайную преступную агитацию в целях создания униатских очагов среди православных и старообрядцев. В 1909 году, в целях привлечения к этой деятельности колонистов из Галиции, Шептицкий

испрашивал у Русского правительства под разными благовидными предлогами разрешение приобретать в губерниях Витебской, Минской, Могилевской и Смоленской земельные участки для перепродажи переселенцам-галичанам. Под его руководством в России работал значительный штат его агентов, в том числе иезуит Верницкий в Москве, оказавшийся австро-германским шпионом, и высланный из России в 1914 году. При его же содействии и благодаря его проискам в Петрограде среди православных была организована униатская община и подготовлен из их среды кадр униатских священников (Дейбнер, Сусалев, Зерчанинов и пр.). Он заманил к себе во Львов окончившего Петроградскую духовную академию Леонида Федорова, который, сделавшись униатским священником, был поставлен митрополитом Шептицким во главе учрежденного им в Галиции Студитского института, откуда шла усиленная пропаганда унии в России и куда завлекались многие православные и старообрядческие духовные лица. Организована была таким образом целая сеть пропаганды, на которую Шептицкий бросил крупные средства, почерпаемые им частью из митрополичьих имений, частью же из получаемых от австрийского правительства субсидий. До чего дошла необузданность этого служителя церкви свидетельствует тот факт, что для успеха своей преступной деятельности в России, он решил названному выше священнику Леониду Федорову именоваться при посещении им с агитаторскими целями нашего Отечества именем «Антоний Кремони», для чего выдал ему 21 октября 1908 г. специальную грамоту с объяснением, что такая мера вызывается успешным развитием у нас его преступных замыслов.

Приведенная деятельность графа Шептицкого подтверждена извлеченной у него и священника Федорова после занятия нашими войсками г. Львова личной их перепиской, она же подтверждается и целым рядом других его действий, ставших со дня объявления войны общим достоянием и обнаружившихся в целом ряде появившихся от имени его и разных покровительствуемых им мазепинских организаций воззваний к народу, в которых уже совершенно открыто были провозглашены истинные цели преследуемых задач.

В своем архипастырском послании от 21 августа 1914 года митрополит Шептицкий, указывая на возникшую войну, заявляет: «Войну ведут за нас, ибо Московский царь не мог стерпеть, чтобы в Австрийском государстве существовала для нас свобода веры и народности. Он хочет вырвать эту свободу и заковать нас в цепи. В огне этой страшной войны выковывается для нас лучшая участь».

В манифесте «К украинскому народу», изданным в том же августе покровительствуемыми графом Шептицким мазепинскими организациями, говорится: «Войну ведет Русский царь, самодержец той Империи, которая является лютейшим врагом Украины. Российские цари нарушили Переяславский договор и закрепостили свободную Украину. Царская империя в течение трех столетий ведет политику, цель коей отнять у поращенной Украины ее национальную душу и сделать украинский народ частью русского народа. В нынешней России наи-

более поработанным народом являются украинцы. Потому-то наша дорога ясна. Уже во время возникшего в 1912 году между Австрией и Россией конфликта, состоявшийся тогда съезд виднейших представителей всех украинских партий постановил, чтобы в видах блага и будущности украинского народа, в случае возникновения военных действий между этими державами, весь украинский народ единогласно и решительно стал на стороне Австрии против Российской империи — самого дикого врага Украины. Победа Австро-Угорской монархии будет нашей победой и чем сильнее будет поражение России, тем скорее ударит час освобождения Украины. Помните, украинцы, что только тот народ имеет историю, который умеет создать ее решительными действиями. «Главная Украинская рада» призывает вас к делу, которым приобретете новые права, создадите новый период в своей истории, займете надлежащее место в среде европейских народов. Пусть на развалинах царской империи взойдет солнце свободной Украины».

В следующем воззвании той же близкой графу Шептицкому организации провозглашается: «Начинается война, которая разорвет цепи, сковывавшие поработанные народы. В этой войне выковывается будущность Украины. Настало давно желанное время, день нашего воскресения. Украинский народ зовет всех своих сынов братья за оружие, сразиться с своим ответным врагом — царизмом и освободить плененную Украину».

Наиболее, однако, рельефно обнажились настоящие цели этой так усердно проводимой в жизнь графом Шептицким мазепинской деятельности в главном органе покровительствуемой митрополитом украинской партии «Дило». В воззвании этого органа от 12 августа минувшего года, озаглавленного «Война за Украину», говорится: «Буйный ветер из далеких украинских степей играет в прапорах австрийских и германских полков, движущихся в поработанные московской неволей земли, прокладывая дорогу национальному освобождению скованных веками народов. Каждое дуновение этого ветра несет с собой болящие вздохи и горячие надежды тех десятков миллионов украинского населения, которое в далеких украинских степях, отмежеванное лесом царских штыков от свободного галицкого клочка украинской земли, ждет, когда же, наконец, под давлением союзных австро-германских войск разорвется железное кольцо московской неволи. Когда, наконец, придет тот мифический «кайзер», тот мечтами взлелеянный освободитель древней украинской державы, тот Богом посланный преемник великокняжеского престола Владимира Великого, Ярослава Мудрого, Даниила Галицкого. Великий момент, который ждали поколения — наконец настал!»

Из этих извлечений ясно видно, до какой степени вся деятельность графа Шептицкого и его католических и религиозных сподвижников была направлена против России, какими средствами они пользовались и кому, собственно, служили. Они до того глубоко прониклись этой своей работой, до того усердно проводили в жизнь эту заранее намеченную программу, что когда разразились военные действия, они вполне

были уверены в том, что война ведется за них, и что причиной ее возникновения является их преступная деятельность.

Когда наши войска вошли в Галицию и заняли город Львов, военные власти не тронули графа Шептицкого и были уверены, что влившийся в замкнутую жизнь русских галичан новый русский элемент сразу потрясет всеми беспочвенными основами этих противонародных стремлений и что вместе с их самоуничтожением образумится и сам митрополит Шептицкий.

К сожалению, в этом сразу же пришлось разочароваться. Граф Шептицкий принялся за спасение от окончательной гибели тех организаций, которые были ему наиболее близки и которые благодаря бегству их руководителей очутились в положении полной ликвидации. Желая, например, спасти главный орган украинофильской партии «Дило», он поручил своему особо доверенному лицу, управляющему основанным им национальным Украинским музеем г. Свенцицкому, стать во главе редакции и продолжать это издание. Но и подобного рода факты не изменили великодушного отношения наших военных властей к графу Шептицкому. И лишь когда этот архипастырь, пренебрегая этим великодушием, произнес сначала в церкви в г. Бобрке, а потом в одной из львовских церквей публичную проповедь о том, что православная вера пришедших к нам русских войск, вера казенная и неспасительная, от которой он предостерегает своих верных, наши военные власти признали пребывание Шептицкого в тылу действующей армии вредным и потому выслали его во внутренние губернии России, причем вверенным моему управлению Министерством назначено местом его водворения г. Курск, где он, пользуясь подобающими ему удобствами, пребывает по настоящее время.

Приведенные данные с достаточной ясностью свидетельствуют, что вся четырнадцатилетняя работа графа Шептицкого на посту галицкого митрополита была далека от возвышенных стремлений служителя церкви и являлась исключительно лишь деятельностью политического агитатора, призванием коего было сеять вражду к нашему Отечеству. Он не оценил оказанного ему военными властями великодушия, а, наоборот, заручившись им, хотел по-прежнему продолжать свое гнусное дело. Отправленное им после высылки из пределов Галиции письмо к Государю императору, в котором он высказывает свою радость по случаю вступления русской армии в его митрополию и завершающегося объединения всех русских областей под скипетром русских царей, лучше всего доказывает, что понимание истинных заветных мечтаний галицко-русского населения было ему отлично знакомо, и, пребывая в Галиции, он лукавил и, действуя по чужим наветам, не мог и не смел отказаться от той преступной деятельности, которая ему была продиктована Веной и Берлином. Последовавшая высылка освободила его от продления этой недостойной архипастыря деятельности, освободила галицко-русский народ от разорявшей его духовно и материально тлетворной работы его духовного главы, освободила, наконец, и наш тыл от возможных на

этой почве недоразумений и недопустимых в военное время интриг и волнений.

Попытки возбудить против России общественное мнение Западной Европы и Америки по случаю этой высылки исходят, по доставленным мне сведениям, главным образом, от основанных при участии того же графа Шептицкого в некоторых столицах Западной Европы мазепинских организаций, а также от находящихся в Америке двух галицких епископов Ортынского и Будки, поставленных Шептицким и работающих в одном с ним направлении.

К сему считаю долгом присовокупить, что, по полученным мной сведениям, в последнее время львовским жандармским управлением найдена скрытая графом Шептицким в замурованном помещении его митрополичьего дома в г. Львове обширная переписка, которая по приказанию Верховного главнокомандующего будет рассмотрена особой комиссией при управлении львовского военного генерал-губернатора и которая, быть может, прольет более света на всю неблагоприятную и тлетворную деятельность галицкого митрополита.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном почтении и совершенной преданности.

Маклаков

АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 161. Л. 54—61. Подлинник.

№ 25

**Директор департамента духовных дел МВД
России — М.Ф.Шиллингу**

№ 111

6 апреля 1915 г.

Доверительно

Милостивый государь,
барон Маврикий Фабианович!

В письме за № 2003 министр внутренних дел уведомил министра иностранных дел об удостоившихся высочайшего его императорского величества одобрения предположения гофмейстера Маклакова о возвращении Курии №№ 1 и 3 сборника «Acta Apostolicae Sedis», в коих помещены, между прочим, декреты Апостольского Престола от 10 и 21 января с.г., касающиеся: первый — произнесения в р[имско]-к[атолических] храмах Европы и внеевропейских молитвы о мире и второй — даровании индульгенции на 300 дней верующим, читающим эту молитву.

В дополнение к означенному письму, считаю долгом поставить Ваше Превосходительство в известность, что молитва о мире была доложена гофмейстером Маклаковым в связи с сообщенными Вами в письме № 183 сведениями, также Верховному главнокомандующему, в бытность министра в Ставке Великого князя, причем и Его императорскому высочеству угодно было признать весьма нежелательной передачу

означенной молитвы р[имско]-к[атолическим] епархиальным начальникам Империи.

Сообщая об означенном Вашему Превосходительству, прошу Вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном моем почтении и преданности^а.

АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 58. Л. 9—9об. Подлинник.

№ 26

Д.А.Нелидов — С.Д.Сазонову

Рим

25 марта / 7 апреля 1915 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич!

Позвольте приветствовать Вас с Пасхальными праздниками, принести Вам искреннюю благодарность за исходатайствование мне всемиловитвейшей награды орденом св. Станислава 1 ст[епени].

Знак внимания начальства всегда доставляет удовлетворение и всегда побуждает продолжить свое дело с возможным усердием.

Впрочем, делать тут в настоящую минуту какую-либо положительную работу невозможно, пока обстоятельства не выяснят, в каком объеме мы осуществим обещания относительно Польши и, захотим разрешить естественно связанные с этим остальные интересующие Ватикан вопросы, перечисленные в меморандуме, а также окончательное наше отношение к исповедным вопросам в Галичине.

Пока симпатии Курии, безусловно, на стороне враждебных нам держав и это вовсе не во имя принципа католического благочестия или христианского человеколюбия, а исключительно во имя интересов Ватикана как политической *организации*.

Например, по такому «религиозному» вопросу, как Святые места, я не заметил еще ни одного выступления в клерикальной печати. Не имея по сему вопросу никаких указаний императорского министерства, я, разумеется, воздерживаюсь от каких-либо расспросов.

Привыкши с детства слышать рассуждения о Константинополе и Проливах, их значении для нас в прошлом и чаяния относительно них в будущем, имел затем сам, за двукратную и многолетнюю службу мою в Константинополе возможность ознакомиться с привходящими сюда вопросами, я, естественно, и теперь не раз задумываюсь о развертывающихся около Проливов событиях, и я надеюсь, что Вы не посетуете на меня за смелость, с коей имею честь представить при сем на суждение Ваше несколько наскоро набросанных мной соображений о «русской власти в Царьграде»¹⁹.

Если бы понадобилось, я был бы рад с *должными* материалами в руках, потрудиться над более детальной разработкой отмеченных тут вопросов.

^а Подпись неразборчива.

Кстати, я слышал из заслуживающего доверия источника, что французское правительство, в виду перспективы занятия Константинополя союзными войсками, присоединяет к своему экспедиционному отряду гражданского помощника директора политической части Мин[истерст]ва иностр[анных] дел, г-на Berthelot, имеющего чин Посланника.

Это сведение дает мне решимость просить Вас в случае и со стороны Императорского правительства будет принята какая-либо аналогичная мера, — то не отказать иметь в виду и мою кандидатуру на роль исполнителя подобного поручения.

Призвав еще раз Вашу снисходительность, прошу принять уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности

Д. Нелидов

P.S. 14/27 апреля. Только завтра представляется мне случай отправить эти строки. Только усердная моя просьба о благосклонном внимании к моим рассуждениям и к моим просьбам, в надежде, что время еще не ушло.

Д. Нелидов

АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 64. Л. 1—4. Автограф.

№ 27

Сукин²⁰ — М.Ф.Шиллингу

№ 90

28 апреля 1915 г.

Милостивый государь,
барон Маврикий Фабианович.

В январе сего года чинами Львовского жандармского управления был произведен тщательный осмотр квартиры митрополита графа Шептицкого, причем, по указанию одного лица, в подвале митрополичьего дома удалось обнаружить замурованный тайный ход в помещение, в коем оказалось 18 зарытых ящичков, заключающих в себе различные священные и драгоценные предметы, старинные рукописи, а также переписку графа Шептицкого и документы современного политического значения. Ящички эти были опечатаны жандармскими властями, не производившими тогда подробного осмотра их содержимого, и до настоящего времени находились под охраной.

Ныне, согласно приказанию Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, в целях предварительного выяснения содержания помянутых ящичков, на важность коего указывал самый факт их замурования, собралась комиссия под председательством шталмейстера Д.Н.Чихачева, в составе коей, согласно распоряжению Св[иты] генерал-майора Половцева, был назначен и я.

Комиссия эта, закончившая свои труды 22 сего апреля, произвела беглый осмотр найденного имущества, поставив себе задачей не изучение самих документов, требующее внимания и продолжительного вре-

мени, а лишь определение характера отдельных обнаруженных предметов и документов, а также сортировку последних на имеющие политическое значение, церковно-историческое или семейное и личное.

Протоколы заседания комиссии переданы на усмотрение военного генерал-губернатора Галиции; что же касается дальнейшего направления найденных предметов и производства подробного изучения документов, то по этим вопросам последует приказание Главнокомандующего. Однако в виду уже определившегося чрезвычайно важного значения части найденной переписки, а также во внимание к религиозному характеру некоторых из обнаруженных предметов, составляющих собственность униатской митрополии, считаю долгом поставить Ваше превосходительство в известность о вышеизложенном.

В числе найденных документов современного политического значения при первом беглом обзоре удалось, между прочим, установить личность собственноручной переписки графа Шептицкого, относящейся к августу 1914 г., в коей им развивается подробный план управления нашей Малороссией в случае ее завоевания австро-германскими войсками. Равным образом целый ряд бумаг, принадлежащих перу виднейших деятелей союза объединения Украины, определенно указывает на руководство митрополита в враждебной России деятельности этого общества, причем устанавливается несомненная связь Шептицкого с Берлином, его деятельность в интересах Австрийского генерального штаба и, наконец, организация по его настоянию и директивам украинских соколов.

Кроме сего, комиссией обнаружен ряд документов, содержание коих, по-видимому, свидетельствует о планомерной и продолжительной деятельности графа Шептицкого в делах устройства в Западной России униатской епископской кафедры, наконец, найдена отдельная папка, касающаяся вопроса о Холмщине, ряд писем к кардиналу графу Ледоховскому, главе иезуитского ордена, и многочисленные связки писем, начиная с 90-х годов прошлого столетия до нынешних времен, содержание коих может представлять высокий интерес не только церковного, но и политического характера. Относительно судьбы всех этих документов, имеющих политическое значение, Св[иты] генерал-майор Половцев в своем докладе Главнокомандующему высказывает соображения о желательности передачи их для изучения в Министерство внутренних дел.

Особое значение имеют заполняющие 8 ящиков многочисленные документы церковно-исторического характера, по-видимому, весьма ценные и восходящие вплоть до XVI века. В числе этих рукописей и старопечатных книг, кроме родовых бумаг графа Шептицкого, имеется митрополичий архив, папские буллы и другие хартии и грамоты как польских королей, так и австрийских императоров. Относительно будущей судьбы этих 8 ящиков командированным Св. Синодом членом комиссии д[ействительным] с[татским] с[оветником] Рункевичем²¹ было подано особое заявление, в коем он, на основании имеющихся у него полномочий, ходатайствует о передаче всех вообще найденных документов церковно-исторического характера в архив Св. Синода, где сосредото-

точены все материалы подобного же рода, относящиеся к прежним униатским епархиям в России. Такое заявление д[ействительного] с[татского] с[оветника] Рункевича заставляет меня доложить Вашему превосходительству, что, на мой взгляд, представлялось бы, конечно, желательным обогатить синодальное собрание новыми весьма ценными документами, поскольку они касаются древнейших времен православия в Галиции. Но, наоборот, передача униатского митрополичьего архива в Св. Синод представляется по местным условиям требующей особого внимания. Ибо поскольку униатская церковь в Галиции признается нами имеющей право на самостоятельное независимое от Св. Синода существование, передача последнему предметов, хотя бы и представляющих большой исторический интерес, но принадлежащих этой митрополии, казалось бы, находится в прямом противоречии с проводимыми до последнего времени началами осторожного обращения с униатской церковью. И.о. военного генерал-губернатора высказался по этому вопросу в смысле желательности передать все документы церковно-исторического значения на рассмотрение особого междуведомственного совещания в Петрограде, в состав коего вошел бы и представитель Министерства иностранных дел.

В еще большей мере распространяются высказанные мной выше опасения к существующему предположению передать на хранение в одну из православных лавр в России найденные в вещах Шептицкого священные предметы, реликвии и мощи святых. Последние, полученные митрополитом из Рима, принадлежат к тому же святым, чтимым католической церковью, и перенесение их в Россию способно было бы, более чем что-либо другое, вызвать напрасные толки об отобрании русскими властями местных святынь и вообще о преследовании униатской веры. Генерал Половцев, со своей стороны, полагал бы целесообразным возвратить все предметы священного характера в униатскую митрополию.

Что же касается другого имущества, которое митрополит Шептицкий счел нужным скрыть в замурованном помещении, то к последнему относятся несколько ящиков со столовым и церковным серебром, в большинстве гербами митрополии, и, по-видимому, принадлежащие последней, а также церковная утварь, облачения митрополита, наперсные кресты, панагии и различные драгоценности. Предметы эти, не представляя на первый взгляд, какой-либо художественной ценности, также подлежали бы, кажется мне, оставлению в Св. Юре, что равным образом признается и и.о. военного генерал-губернатора.

Сообщая о вышеизложенном для сведения, позволяю себе доложить, не признаете ли Ваше превосходительство желательным поддержать от имени Министерства иностранных дел высказанные взгляды о желательности осторожного решения судьбы найденных предметов, что являлось бы весьма своевременным, в виду существующих у Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта предположений о передаче священных предметов в русские лавры, а также вследствие указанного намерения Св. Синода относительно документов.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Сукин, титулярный советник

АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 161. Л. 65—67. Машинописная копия.

№ 28

Д.А.Нелидов — МИД России

Рим

2/15 мая 1915 г.

№ 24

Секретно

Ссылаюсь на приложение к письму начальника канцелярии № 188, содержание коего в переводе было мной в виде частной записки сообщено статс-секретарю. Кардинал заявил мне сегодня нечто вроде словесного протеста, сказав, что пункты 2, 3 и 4 составляют несомненное нарушение прав католической церкви. Храм, де, принадлежит прихожанам лишь поскольку они сами принадлежат тому исповеданию, коему посвящен храм. Если прихожане отпадут от католичества, то храм, тем не менее, остается католическим и потому не отбирается и неделим, т.к. находиться в совместном обслуживании быть не может; не говоря уже, что очередное богослужение в одном и том же храме воспрещается католической церковью. Едва ли, сказал статс-секретарь, Императорское правительство применяло этот порядок в случае отпадения от православия. Так продолжаться не может, сказал он, прекращая беседу.

Прошу указаний, на случай возвращения Ватикана к этому или поступлению формального протеста.

Нелидов

АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 59. Л. 7. Машинописная копия.

№ 29

С.Д.Сазонов — Д.А.Нелидову

№ 2285

4 мая 1915 г.

Ваша телеграмма № 24 получена.

Циркуляр Галицкого генерал-губернатора был доставлен Вам, как сказано в препроводительном письме, «для Вашего сведения». Предполагалось, что Вы используете его содержание, при случае, надлежащим образом, но никогда не имелось в виду передавать его, хотя бы в качестве частной записки, в статс-секретариат.

Сожалее, что Вы таким образом вызвали последний на протест, которого легко можно было избежать. В случае предъявления Вам официального протеста, можете передать его сюда для сведения, но, не говоря

об этом Ватикану, которому Вам надлежит указать, что частное Ваше сообщение не должно служить поводом для официального протеста.

Сазонов

АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 59. Л. 8. Рукописная копия.

№ 30

Д.А.Нелидов – С.Д.Сазонову

№ 186

20 мая / 2 июня 1915 г.

Милостивый государь,
Сергей Дмитриевич.

Как я и предвидел в секретной телеграмме моей от 2/15 сего мая № 24, я несколькими днями позже получил ноту кардинала статс-секретаря с препровождением «меморандума» о вероисповедном положении (*La situation Zaligienz*) в Галиции.

В документе этом, основываясь на данных, почерпнутых из частных моих сообщений, Св. Престол излагает свой принципиальный взгляд на вопрос о принадлежности церковных зданий и утварей в униатских приходах области, перешедших в православие, и о совместном служении в означенных приходах, — взгляд, уже приведенный вкратце в означенной моей телеграмме, — и после ссылки на ст. 46 отд. III Гаагских соглашений о «правилах и обычаях войны», обращается к «высокому суждению Императорского правительства с выражением надежды, что оно признает справедливость его замечаний».

Воспользовавшись указаниями секретной телеграммы Вашего Высочайшего правительства за № 2285, я обратил внимание монсеньора Пачелли на то, что сделанное мной ему частное сообщение имело целью противодействовать распространению ложных слухов о действиях Императорского правительства в Галиции в видах устранения поводов к взаимному неудовольствию, и направления таких вопросов на путь дружеских объяснений и соглашений по окончании нынешнего временного и чрезвычайного положения. Делая же мои частные сообщения источником новых недоразумений и официальных запросов, Ватикан ставит меня лично в крайне ложное положение и по отношению к нему, заставляя впредь быть крайне сдержанным в моих сообщениях, и по отношению к моему правительству, которому, впрочем, прибавил я, даже если бы я решился передать ему меморандум, весьма легко было бы не дать на него никакого ответа, а в крайности — отречься от моего поступка (*me deiavopeg*) и даже отозвать меня.

Монсеньор Пачелли без труда согласился изменить первоначальную форму меморандума, опустив в нем всякое указание на мое частное сообщение, как источник их осведомления и заменив его общим выражением «по дошедшим до Св. Престола сведениям». Действительно, трудно предположить, чтобы суть мероприятий Императорского правитель-

ства в Галиции могла бы остаться Ватикану неизвестной и что «легко можно было бы избежать» с его стороны заявлений по этому поводу.

Препровождая при сем сказанный меморандум и ссылаясь на сообщения, изложенные в депеше моей за № 19, позволяю себе высказать мысль, что ничто не обязывает Императорское правительство ныне же ответить на меморандум Ватикана, но что было бы предпочтительно пред полным молчанием ответить, что возбужденные Св. Престолом вопросы могут быть подвергнуты рассмотрению лишь по окончании нынешнего чрезвычайного времени, когда будут приниматься окончательные решения относительно Галиции и ее разновременного населения.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности

Д. Нелидов

АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 7. Л. 1—2. Подлинник.

№ 31

Д.А.Нелидов— М.Ф.Шиллингу

Рим

16/29 июня 1915 г.

Доверительно

Милостивый государь,
барон Маврикий Фабианович.

Считаю бесполезным сообщить Императорскому министерству некоторые сведения о тех молодых римско-католических священниках, кои на днях покинули Рим и кои за время пребывания своего здесь не прерывали общения с Миссией.

Начну с о.Владислава Кемпинского, секретаря архиепископа Варшавского, о коем я имел честь иметь телеграфную переписку с императорским министерством (мои телеграммы от 22 февраля / 7 марта, за № 16 и от 2/15 марта, за № 19, и телеграмма г. товарища министра от 27 февраля за № 1097). Прибывший сюда из австрийского плена с обязательством не возвращаться в Россию он, несмотря на переданное мной кардиналу статс-секретарю прошение архиепископа Краковского и несмотря на мои хлопоты, вплоть до вступления Италии в войну, не был освобожден от данного им слова. С тех же пор, как Италия объявила войну Австрии, последнее отпало само собой. За все многомесячное пребывание о. Кемпинского в Риме, он поддерживал постоянные сношения с Миссией, причем, первоначальное выгодное впечатление, произведенное его тактом, выдержкой, воспитанностью и лояльностью, только увеличивалось.

Перед отъездом его в Варшаву Папа пожаловал о. Кемпинского, имеющего, как бывший воспитанник Папской дворянской духовной академии (Pontificia Accademia dei nobili ecclesiastier), прочные связи в придворных кругах Ватикана, званием сверхштатного тайного камергера (Cameriere Segreto Soprannumerario), дающим ему право именоваться

монсеньором. Узнав от о. Кемпинского об означенном пожаловании, я не преминул обратить внимание кардинала статс-секретаря на то, что таковое последовало без предварительного согласия и даже без предупреждения Императорского правительства, несмотря на неоднократные представления, сделанные нами Ватикану по подобным же поводам.

Кардинал направил меня к своему помощнику, который объяснил мне, что пожалование состоялось по непосредственному почину самого Папы, здесь в Риме и именно в качестве слушателя названной академии. Во избежание недоразумений монсеньор Пачелли предлагал не публиковать этого назначения в «Acta Apostolicae Sedis».

Не знаю, удовлетворится ли Министерство внутренних дел объяснением статс-секретаря, но почитаю своим долгом высказать мнение, что считал бы несправедливым неутверждение отличия, полученного Кемпинским от Папы. Мне казалось бы правильным утвердить Кемпинского, но в то же время, если Императорское правительство признает нужным, поручить мне сделать новое официальное представление Св. Престолу.

Почти одновременно с Кемпинским отбыли из Рима в Россию обучавшиеся здесь священники литовец о. Антоний Висконт и белорус о. Антоний Около-Купак. О. Висконт уехал с четырьмя дипломами на высшее духовное образование, двумя Лувенскими и двумя Римскими, и будет стремиться получить кафедру в Императорской римско-католической духовной академии в Петрограде. Оба во время пребывания своего в Риме неоднократно посещали Миссию и по мере сил старались быть полезными здешнему Русскому делу.

В этом же году окончил курс богословского образования о. Александр Евреинов, хорошо известный Императорскому министерству по своей прежней службе в нем. Вернуться на родину о. Евреинов не имеет возможности в виду неразрешения Департаментом духовных дел пребывания ему в России. По сему поводу, считаю своей обязанностью доверительно сообщить Вашему превосходительству следующее соображение. По твердому убеждению моему, основанному на долговременном наблюдении, пребывание Евреинова в *Риме* вреднее для русских интересов, чем где бы то ни было. При поверхностном знакомстве итальянского и иного иностранного духовенства с положением католической церкви в России, Евреинов, несмотря на свою скромность, хорошо известный в клерикальном Риме, является наглядным доказательством неполноправного положения у нас католицизма. На утверждения наши о вероисповедной терпимости Императорского правительства, нам постоянно приходится выслушивать, — не только от людей, могущих быть враждебно настроенными к России, но и от лиц, заведомо сочувствующих ей, вроде дипломатов союзных нам держав, — вопрос: а Евреинов? Правда ли, что ему воспрещено пребывание в России из-за принадлежности к восточному обряду?

Я давно того мнения, что департамент духовных дел оказывает слишком много чести незначительному священнику, занимаясь делом о его въезде в Россию несколько лет, но теперь, на основании опыта, вижу, что репрессивные меры означенного департамента способствуют

созданию вокруг Евреинова ореола изгнанника и чуть ли не мученика за веру.

Позволю себе кончить настоящие строки несколькими словами о вновь обращенном на лоно католической церкви здешнем семинаристе Александре Гурине. Сын хорошо известной в Римской русской колонии «матери Веры, в мире Веры Ивановны Гуриной», — бывшей, по имеющимся у меня сведениям, революционерки, а ныне изображающей собой монархистку и славянофилку, — Александр Гурин предназначался своей матерью в дьячки здешней православной церкви. Когда же последнее предположение не осуществилось, он был определен ею в католическую семинарию и посвящен там в дьяконы. Есть основание предполагать, что стремление к духовному званию вызвано желанием освободиться на законном основании от воинской повинности. По дошедшим до меня недавно слухам, домогательства «матери Веры» не достигли цели, так как московское городское по воинской повинности присутствие не сочло возможным освободить Александра Гурина на основании представленных им отсюда документов от военной службы.

Примите, милостивый Государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности

Д. Нелидов

АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 72. Л. 2—5 об. Автограф.

№ 32

Бобринский — МИД России

№ 34348

9 октября 1915 г.

Возвращая сообщенное на мое заключение при отношении за № 712 письмо митрополита графа Шептицкого на имя Его Императорского Высочества Великого князя Николая Николаевича²² об облегчении участи высланных разновременно из пределов Галиции в отдаленные местности Империи греко-католических священников (униатов), уведомляю Ваше сиятельство, что, как видно из прилагаемого при сем списка, основанием для высылки священников послужило не то обстоятельство, что они оставались верными австрийскому правительству до занятия Галиции нашими войсками, как указывает граф Шептицкий, а проявленная ими вредная деятельность, нарушавшая русские интересы.

О такой деятельности каждого из означенных священников производилось местными властями особое дознание, и вопрос о высылке получал свое осуществление лишь в том случае, если в дознании имелись все данные о виновности священников, причем, высылались они сначала во внутренние губернии России, а затем — по указанию Главного начальника снабжений армий Юго-Западного фронта — в Симбирскую, Томскую или Енисейскую губернии. Всех таких лиц, переписка о коих имеется в делах моего управления, выслано было 38, но, кроме того, возможно, что были случаи выселения священников униатов также и непосредственными распоряжениями войсковых начальников, помимо генерал-губернаторского управления.

Что же касается возбужденного графом Шептицким вопроса о разрешении всем высланным священникам поселиться в г. Курске или ином пункте европейской России, то ввиду того, что с точки зрения интересов управления Галицией представлялось необходимым удалить названных священников лишь за пределы Галиции, водворение их в настоящее время в той или другой местности внутренних губерний России, с моей точки зрения, возражений не вызывает.

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 371. Л. 17—17об. Машинописная копия.

№ 33

Министр внутренних дел — С.Д.Сазонову

№ 210

12 января 1916 г.

Милостивый государь,
Сергей Дмитриевич.

В доставленном в минувшем году № 16 официального сборника Курии «Акты Апостольского Престола» помещено, между прочим, письмо Папы Бенедикта XV кардиналу Гартману, архиепископу Кельнскому, в котором Папа, выражая сожаление о массовых ежедневных истреблениях и несчастиях воюющих народов, призывает католиков оказывать содействие скорейшему восстановлению мира между враждующими государствами.

Принимая во внимание, что приведенный призыв Папы к лицам римско-католического исповедания мог бы внести нежелательную рознь между среди русских подданных, воодушевленных, без различия национальностей и религий, общим желанием победы над врагом, я, в соответствии с высказанным уже в письме от 21 ноября минувшего года, за № 6504, заключением по однородному случаю, не признаю возможным передать означенный выше номер официального сборника Курии римско-католическим епископам в России.

Ввиду изложенного, препровождая при сем Вашему Высокопревосходительству все полученные экземпляры этого сборника, покорнейше прошу не отказать в распоряжении к возвращению их Римской Курии.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности^а.

АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 58. Л.16—16об. Подлинник.

№ 34

Д.А.Нелидов — С.Д.Сазонову

(Извлечение из донесения № 3)

22 января / 4 февраля 1916 г.

[...] В течение минувшего года я неоднократно доносил Вашему Высокопревосходительству о враждебном нам отношении Римской кле-

^а Подпись неразборчива.

рикальной печати в связи с нашей деятельностью в Галиции, и в связи с намерениями нашими относительно Константинополя. Такое отношение объясняется не только воздействием враждебных нам влияний, но, и главным образом, страхом перед ущербом, который будет нанесен католичеству русским владычеством. Никаких положительных заверений в успокоительном духе, кроме самых общих и часто необидительных, Миссия не могла давать Ватикану.

Вопрос Польский, воззвание Главнокомандующего и обещанная в нем свобода веры не помогли указанному положению, так как ничего не зная о приведении в исполнение этих обещаний, Ватикан мог предполагать, что их постигнет судьба Манифеста 17 апреля 1905 г., до сей поры не осуществленного, то есть не проведенного в жизнь законодательным путем. И недоверие Ватикана усугубляется нашей ни в чем не изменившейся административной практикой, идущей вразрез обещаниями возвания и манифеста. В области епископских назначений, в противоположность другим воюющим странам державам, мы упорно отстаиваем наших прежних кандидатов, чуждаясь уступок и компромиссов. В области отношений Папы с католическим населением, мы продолжаем быть единственной страной, где обращение главы католической церкви и его акты встречают затруднения к их распространению. И единственным епископом, лишенным свободы в настоящую войну, является митрополит Шептицкий, увезенный и заключенный нами без представления до сих пор удовлетворяющих Ватикан объяснений, без доставления документальных доказательств его виновности.

Я позволил себе откровенно и, быть может, резко очертить русско-ватиканские отношения, каковыми они представляются здесь. Уже два года, что никто из членов Миссии не имел личного общения с Петроградом. За длительностью расстояния, редкостью и случайностью письменных сношений, — я не знаю, насколько такое положение сознается у нас, и какое значение вообще придается в настоящее время отношениям с Ватиканом и его влиянию в нынешнюю войну. Но должен заметить, что положение, обрисованное мной выше, не только служит постоянным предметом укора нашим союзникам французам, англичанам и бельгийцам, парализуя иногда их работу, но и, несомненно, широко эксплуатируется нашими врагами для антирусской пропаганды, в особенности в нейтральных странах и среди тяготеющих к нам славян[...]

[Д. Нелидов]

АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 88. Л. 9об.—10об. Подлинник.

№ 35

А.Олферьев — военному генерал-губернатору Галиции

Киев

4 февраля 1916 г.

Записка об основных положениях проектируемого решения церковного вопроса в Галиции на время войны

I. Во избежание вредных для интересов православной церкви и русской правительственной политики ошибок, недоразумений и столкно-

вений необходимо принципиально, ясно и твердо решить вопрос о церковном управлении в Галиции на время войны.

II. Решение церковного вопроса в Галиции необходимо согласовать с основными церковными законами и общим положением о военном управлении Галицией.

III. На основании всестороннего обсуждения и наблюдений, сделанных во время первой оккупации Галиции, самым правильным и целесообразным признается такое решение вопроса, по которому высшее заведывание церковными делами в Галиции поручается протопресвитеру военного и морского духовенства.

IV. Такое решение вопроса, прежде всего, вполне согласно с каноническими установлениями православной церкви потому, что подходит под ныне действующее положение об управлении церквями и духовенством военного и морского ведомств, проект налогового положения, выработанный Св. Синодом, в Высочайшем указе Св. Синоду от 12-го июня 1880 года признан «начертанным согласно каноническим постановлениям православной церкви». В частности, поручение протопресвитеру заведывания приходскими храмами с мирскими обывателями согласуется с параграфом 29 положения об управлении церквями и духовенством военного и морского ведомств.

V. С точки зрения возможно лучшего удовлетворения религиозным нуждам местного населения и запросам исключительного военного времени, равно как и соответствия выработанному положению о военном управлении краем, поручение церковного управления в Галиции протопресвитеру военного и морского духовенства признается наиболее целесообразным по следующим основаниям:

1) Протопресвитер, как постоянно находящийся при Верховном Главнокомандующем и состоящий постоянным членом Св. Синода, всегда наилучше осведомлен о положении наших дел в церковном, военном и политическом отношениях, благодаря чему может давать вверенному ему духовенству правильные, точные, определенные и решительные указания касательно его пастырской деятельности.

2) Руководимое протопресвитером военное духовенство, справедливо заслужившее всеобщее одобрение за свою самостоятельную и весьма полезную деятельность в рядах доблестной армии во время нынешней войны, без сомнения, вполне справится и с весьма трудным, сложным и требующим исключительного опыта церковным вопросом в Галиции при обстоятельствах военного времени.

3) Благодаря своему сравнительно высокому образовательному цензу, умственному развитию и навыку в свободной проповеди (параграфы 33, 51 и 52 положения об управлении церквями и духовенством военного и морского ведомств), военное духовенство может вполне удовлетворить запросам и духовным нуждам галицко-русского населения, среди которого при австрийском владычестве действовали священники с высшим образованием.

4) Самый способ материального обеспечения военного духовенства, приспособленный к обстановке военного времени и состоянию края на

военном положении, будет облегчать ему весьма трудную и ответственную службу его в Галиции.

5) Общепризнанная дисциплинированность и опытное знакомство военного духовенства с условиями и особенностями военной службы, без сомнения, предотвратят возможность несогласованности в действиях и тем более каких-либо прискорбных столкновений с представителями военно-гражданского управления краем.

VI. Удовлетворение таких религиозно-церковных нужд и потребностей местного населения, для которых необходимо требуется, по учению православной церкви, участие духовных лиц в епископском сане, обеспечивается прямым смыслом параграфов 30—31, 34—36, 41 и 46 положения об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств, причем, местного епархиального архиерея, за отсутствием его до окончания войны, могут заменить или те епископы, которые служат в рядах военного духовенства, или же епископы соседних с Галицией русских епархий.

VII. Древняя и новая история православной русской церкви знает опыты миссионерской деятельности и особенно создававшегося и существовавшего временно, при исключительных обстоятельствах, устройства общин — церковных единиц с лицами пресвитерского звания во главе, например, Св. Стефаном Пермским, апостолом зырян (в XIV веке), и архиепископом Николаем Касаткиным²³, апостолом Японии (в XIX веке), заведывавшим в течение многих лет Японскую церковь в звании иеромонаха и потом архимандрита, под высшею каноническою властью Св. Синода.

Протоиерей, ординарный профессор
императорской Киевской духовной академии

Ф. Титов

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 162. Л. 148—149об. Машинописная копия.

№ 36

Устинов²⁴ — МИД России

№ 1924

24 апреля / 7 мая 1916 г.

Архиепископ Евдоким²⁵ просит передать Святейшему Синоду: «В американских газетах напечатано, что Папа просит нашего Государя отпустить митрополита Андрея Шептицкого в Америку на место умершего епископа Ортынского. Умоляем употребить все усилия, чтобы не допустить Шептицкого в Америку. Этого нельзя делать даже по чисто государственному соображениям, не говоря уже о религиозных. Несомненно, Шептицкий произведет смуту среди выходцев из Прикарпатской Руси, прекрасно настроенных к России, а также среди американцев»²⁶.

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 77. Машинописная копия.

№ 37

Д.А.Нелидов — МИД России

№ 24

12/25 мая 1916 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 19.

Получил новую ноту кардинала статс-секретаря со вторичным ходатайством об обмене Янчевицкого²⁷ на Шептицкого. В ноте упоминается, что Шептицкий единственный епископ, удаленный из своей епархии в настоящую войну, и о весьма тягостном впечатлении, производимом на общественное мнение католиков всего света его долговременной ссылкой.

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 84. Машинописная копия.

№ 38

МВД России — С.Д.Сазонову

№ 105952

31 мая 1916 г.

Доверительно

Милостивый государь, Сергей Дмитриевич.

Вследствие письма от 20 сего мая за № 612 имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство, что упомянутый в этом письме архив документальному рассмотрению не подвергался.

Документы его были распечатаны и вскрыты еще во Львове для предполагавшегося там же на месте рассмотрения архива особой комиссией, но, по военным обстоятельствам, архив спешно был вывезен в Петроград и поступил в распоряжение Департамента полиции.

Так как благодаря условиям спешной перевозки архив находился в совершенно неудобном, даже для внешнего его осмотра, виде, то председатель вновь назначенной комиссии камергер, действительный статский советник Военский, в силу полученных от меня инструкций, в конце марта сего года приступил к работам по приведению документов в порядок, с тем, чтобы по окончании этих работ комиссия могла приступить к его рассмотрению.

Ввиду обилия материалов работы эти еще не вполне закончены, но с внешней стороны архив настолько приведен в систему, что командированные в комиссию представители Министерства иностранных дел могут уже и теперь, до созыва комиссии, ознакомиться с распределенными по отдельным группам документами, чему председатель комиссии не преминет, конечно, оказать полное содействие, лишь только эти лица благоволят к нему обратиться.

Прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Ваш покорный слуга^а

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 227. Подлинник.

^а Подпись неразборчива.

№ 39

Н.И.Бок — МИД России

№ 36

10/23 июля 1916 г.

Секретно

Был вызван сегодня в Ватикан, где кардинал статс-секретарь сообщил мне, что им получена телеграмма от нунция в Вене о тяжелой болезни митрополита Шептицкого. Вследствие сего кардинал от имени Папы обращается [к] Императорскому правительству с просьбой позаботиться о митрополите и выражает уверенность, что будут приняты все меры, вызываемые обстоятельствами и согласные с высоким саном больного.

Передавая все вышеизложенное, покорнейше прошу уведомить меня по телеграфу для передачи в Ватикан о состоянии здоровья Шептицкого.

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 92. Машинописная копия.

№ 40

Н.И.Бок — МИД России

№ 37

11/24 июля 1916 г.

Секретно

Ссылаюсь на мою телеграмму № 36.

Продолжая разговор о Шептицком, кардинал статс-секретарь выразил мне вчера свое сетование на то, что Императорское правительство не вняло просьбе Папы об его освобождении.

Упомянув, что все вменяемые ему нами преступления совершены им в качестве австро-венгерского подданного, и, сказав, что он вполне понимает наше желание разлучить его с галицийской епархией, кардинал просил меня передать следующие три предложения, главным образом выгодные, по его мнению, и Императорскому правительству, и Святейшему Престолу.

Перевести Шептицкого в Канаду, где он будет находиться под контролем Английского губернатора; отпустить его в Англию, где он мог бы жить под надзором Вестминстерского архиепископа кардинала Бурна; или, наконец, поселить его в Риме, где Святейший Престол обязал бы его не покидать стен Ватикана.

Донося вышесказанное, позволяю себе повторить ходатайство о снабжении Миссии более подробными сведениями по делу Шептицкого, изложенное в последний раз в моем донесении от 31-го мая № 15.

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 94. Машинописная копия.

№ 41

А.А.Нератов²⁸ — Н.И.Боку

№ 350

15 июля 1916 г.

Ваши телеграммы № 36 и 37 получены.

О болезни Шептицкого в Министерство иностранных дел не поступало никаких сведений.

Наводятся справки, результаты коих будут Вам сообщены по телеграфу.

Относительно возбужденного Папой вопроса об освобождении митрополита, ссылаюсь на письмо гофмейстера Сазонова кардиналу статс-секретарю, присланное Вам с курьером при письме 4 июля № 49.

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 96. Рукописная копия.

№ 42

Н.И.Бок — Б.В.Штюмеру²⁹

Рим

21 июля /3 августа 1916 г.

№ 20

Милостивый государь,
Борис Владимирович.

Как я имел честь донести Вашему Высокопревосходительству секретными телеграммами за № 36 и 37, я был вызван в воскресенье, 10/23 июля, в Ватикан, где кардинал статс-секретарь сообщил мне о полученном им известии о тяжелой болезни митрополита Шептицкого и от имени Папы попросил меня передать Императорскому правительству уверенность в том, что оно позаботится о принятии всех необходимых в данном случае и согласных с высоким саном больного мер.

Перейдя затем к положению митрополита, кардинал Гаспарри сказал мне, как огорчен Папа тем, что Шептицкий до сей поры лишен свободы, и засим сообщил мне для передачи Императорскому правительству три предложения касательно освобождения его, подробно изложенные мной в телеграмме за № 37, одинаково выгодные, по мнению кардинала, Императорскому правительству и Св. Престолу.

В минувшую субботу во время обычного дипломатического приема кардинал статс-секретарь вернулся к делу Шептицкого. На вопрос его, не имею ли я известий о здоровье митрополита, я ответил, основываясь на полученной мною в то же утро секретной телеграмме гофмейстера Нератова за № 3277, что о болезни наводятся Министерством справки и что, как только сведения будут собраны, я не премину получить их. На это кардинал сказал мне, что он поручил своему помощнику монсеньору Пачелли составить письмо Вашему Высокопревосходительству. В нем он собирается поздравить Вас с вступлением в должность министра иностранных дел и в нем намередается коснуться вопроса о Шептиц-

ком. Руководствуясь данными, сообщенными мне в упомянутой выше телеграмме гофмейстера Нератова, я заметил на это кардиналу, что, по имеющимся у меня сведениям, гофмейстером Сазоновым недавно отправлено письмо на его имя по тому же делу. Кардинал поблагодарил меня за это сообщение, присовокупив, что отложит в таком случае отправку своего письма Вашему Высокопревосходительству до получения ожидаемого из Петрограда письма.

Совершенно не зная содержание последнего, я, тем не менее, не могу не высказать, что, с точки зрения Миссии, начавшаяся таким образом переписка является в высокой степени желательной, т.к., несомненно, внесет ясность в вопрос, ставший за последнее время наиболее острым в Русско-Ватиканских отношениях, как неоднократно доносила о том Императорская Миссия.

То, что почин в настоящем официальном обмене взглядов взят на себя Императорским правительством, мне, кажется, может быть только выгодным для нас и должно быть оценено в Ватикане. В письме своем на имя Вашего Высокопревосходительства, как я имею основания думать, кардинал статс-секретарь предполагал обратить Ваше внимание на дело Шептицкого и подробно развить три сделанных им нам предложения касательно его освобождения. По убеждению моему, нам не придется жалеть, что это письмо, вследствие упомянутого заявления моего, отложено, т.к. Ватикану, конечно, будет легче пойти на уступки нашим мнениям и изменить свои мысли и их выражения, покуда последние еще не облечены в столь официальную, как предполагаемое письмо кардинала, форму.

С глубочайшим почтением и таковой же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугой

Н. Бок

АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 88. Л. 60—61об. Подлинник.

№ 43

А.А.Нератов — А.Д.Протопопову³⁰

№ 16217

28 сентября 1916 г.

Несколько времени тому назад представляющий русские интересы в Австро-Венгрии испанский посол в Вене, сообщая о распространившихся в Австро-Венгрии слухах о смерти Львовского митрополита графа Шептицкого, запрашивал сведения о болезни и смерти митрополита.

Одновременно с сим в Министерство иностранных дел стали поступать сведения о том, что в заграничной печати, как враждебных, так и нейтральных государств, появились заметки о смерти графа Шептицкого, а также о якобы весьма тяжелых условиях, в коих он содержится.

В виду сего, Министерству иностранных дел представлялось бы необходимым получить подробные данные об условиях и месте содержа-

ния Львовского митрополита, а также о состоянии его здоровья, какие данные представили бы Министерству возможность опровергнуть исходящие из неприятельских стран ложные сведения.

Сообщая о сем, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство не отказать в доставлении в возможной скорости означенных сведений о графе Шептицком.

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 113. Машинописная копия.

№ 44

МВД России – МИД России

№ 109687

9 октября 1916 г.

Вследствие письма от 28[-го] минувшего сентября за № 16217/Д II, имею честь уведомить Ваше превосходительство, что появившиеся в заграничной прессе слухи о болезни и смерти униатского митрополита графа Андрея Шептицкого и якобы тяжелых условиях, в коих он содержится, совершенно не отвечают действительности, так как никаких изменений в состоянии здоровья графа не произошло, он вполне здоров и вся обстановка содержания его, как ныне в Спасо-Евфимиевом монастыре, так и ранее в Курске, вполне соответствует его сану.

К сему имею честь присовокупить, что перевод графа Шептицкого из Курска в Суздаль состоялся по распоряжению бывшего министра внутренних дел согласно ходатайству самого Шептицкого о назначении ему другого места пребывания и, кроме того, ввиду полученных сведений о продолжавшемся в Курске вредном влиянии его на галичан-униатов.

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 116. Машинописная копия.

№ 45

С.Д.Сазонов – Н.И.Боку

№ 3635

23 октября 1916 г.

Секретно

Вашему превосходительству, без сомнения, известно, что Императорское правительство всегда проявляло высшую терпимость всем вероисповеданиям, доколе к тому не примешивались вопросы политические вредные для России. Такой же политики оно намерено придерживаться и ныне относительно униатов в Галиции, не производя ни малейшего давления на совесть населения, предоставляя ему совершенно свободно пребывать в настоящем исповедании или по его усмотрению переходить в другое. Поэтому всякие слухи о насильственном обращении в православие или иное исповедание должны быть Вами опровергаемы. Митрополит Шептицкий был удален как политический агитатор и содержится в России в условиях, отвечающих его духовному сану. Передаем

Вам содержание телеграммы Кудашева из Гавра № 102. Благоволите в беседах с влиятельными лицами опровергать неосновательный слух, распускаемый представителями Австрии и Баварии в Риме; с своей стороны, постараемся поместить соответствующую заметку в польских газетах.

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 122. Машинописная копия.

№ 46

МВД России — А.А.Нератову

№ 110663

18 ноября 1916 г.

Доверительно

Милостивый государь,
Анатолий Анатольевич.

Вследствие письма бывшего министра иностранных дел, ныне обер-камергера Штюрмера от 25-го минувшего октября за № 681, имею честь уведомить Ваше превосходительство, что, всецело разделяя высказанные в означенном письме по делу униатского митрополита графа Андрея Шептицкого соображения, но, принимая во внимание, что принятая в отношении названного лица мера — перевод его в Спасо-Евфимиев монастырь — воспоследовала по определению Святейшего Синода, я сделал сношение по этому поводу с обер-прокурором Святейшего Синода, а равно распорядился запросить Владимирского губернатора о возможности помещения графа Шептицкого во Владимире на частной квартире в обстановке, не допускающей проявления Шептицким вредной для наших государственных и религиозных интересов агитацию. О последующем мною будет незамедлительно сообщено Вашему превосходительству.

Прошу Ваше превосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и преданности^а.

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 133. Подлинник.

№ 47

Н.И.Бок — А.А.Нератову

28 ноября /11 декабря 1916 г.

Милостивый государь,
Анатолий Анатольевич.

Имею честь препроводить при сем Вашему Высокопревосходительству копию ноты кардинала статс-секретаря по делу униатского митрополита Шептицкого, о получении коей я донес по телеграфу 23 ноября/6 декабря за № 77. В этой ноте говорится, что по сведениям, полу-

^а Подпись неразборчива.

ченным Св. Престолом из разных источников, архиепископ Львовский Шептицкий был недавно переведен в Суздаль, в Спасо-Евфимиевский монастырь, место ссылки провинившихся православных священников, под начало и надзор православного архимандрита, и что известие это глубоко опечалило Папу, считающего принятую меру несогласной с существующими правилами обращения с пленными и оскорбительной для личности и достоинства Шептицкого как католического архиепископа. Вследствие сего, кардинал статс-секретарь по приказанию Его Святейшества обращается к чувствам справедливости и человеколюбия, отличающим Императорское правительство, с просьбой о назначении упомянутому архиепископу местопребывания, более отвечающего его сану, и выражает твердую уверенность, что Императорское правительство не преминет ее исполнить.

Не довольствуясь совершенно очевидной связью между делом Шептицкого и осуждением Папой в его консисторской речи тех правительств, которые подвергают несправедливому обращению духовных лиц, Ватикан прислал мне изложенную ноту в день консисторской речи.

По сему поводу почитаю долгом высказать нижеследующие соображения.

С конца 1914 г. и до половины нынешнего года дело Шептицкого являлось главным осложнением в Русско-Ватиканских отношениях. Как несколько раз доносила о сем Императорская Миссия, не факт ареста, задержания и перевода в Курск, а отсутствие мало-мальски удовлетворительных объяснений с нашей стороны служили поводом к недовольству Ватикана, недовольству, коим искусно пользовались наши враги. Не подлежит сомнению, что Ватикан имел право рассчитывать на ознакомление его с причинами нашего образа действий, так как дело касалось лица, не только подчиненного ему иерархически, но занимающего в католической иерархии высокое положение, и что отсутствие объяснений, несмотря на неоднократные о них просьбы, принимали здесь, как признак невнимания к Папе и Св. Престолу.

С половины нынешнего года, после письма гофмейстера Сазонова на имя кардинала статс-секретаря, положение сильно изменилось. Объяснения были нами, наконец, представлены. Были даны исчерпывающие доказательства виновности Шептицкого, подкрепленные фотографическими снимками с крайне компрометирующих его документов. После этого письма заступничество Ватикана за Шептицкого становилось задачей весьма неблагоприятной; почва для недовольства с его стороны была поколеблена. С этих пор дело Шептицкого, как мне кажется, потеряло свою остроту, как бы отошло на задний план, и до конца войны могло бы оставаться в том же положении, не оказывая значительно влияния на Русско-Ватиканские отношения.

Но последовал перевод Шептицкого в Спасо-Евфимиевский монастырь. Своевременно, телеграммой от 3/16 октября за № 59, я доносил Императорскому министерству о том впечатлении, которое произвел слух об этом переводе в Ватикане. Ответная телеграмма гофмейстера Штюмера, подтверждая означенный слух, вовсе обошла молчанием

наиболее существенный в данном случае вопрос о причинах, побудивших Императорское правительство перевести Шептицкого в православный монастырь. Причины эти до сей поры не ясны для меня. Полагаю, что как бы ни были они вески, с нашей точки зрения, они не могут быть сколько-нибудь убедительны для Ватикана, вследствие разности религиозных мировоззрений, и опасаясь поэтому, что дело Шептицкого в настоящем его виде ляжет снова, и притом еще более тяжелым, чем прежде, препятствием на и без того весьма негладком пути Русско-Ватиканских отношений.

Призванный к поддержанию последних и подходя к настоящему вопросу именно с этой точки зрения, я не могу не выразить мысли о крайней целесообразности исполнения просьбы Ватикана, — освобождения Шептицкого из-под надзора православных духовных властей и передаче его, по-прежнему, в ведение властей военных или гражданских, если тому не препятствуют, конечно, внешние государственные интересы. При этом, понятно, можно было бы подчеркнуть, что Императорское правительство вняло просьбе, исключительно из желания дать доказательство своего уважения к Папе и благоволения к Св. Престолу. Дело Шептицкого вернулось бы в таком случае к тому положению, в котором оно находилось в половине нынешнего года, то есть к положению сравнительно безболезненному для наших отношений к Св. Престолу.

В заключение не могу не упомянуть, что по настоящему делу нам приходится считаться с общественным мнением католического мира. Не давая весьма долго объяснений Ватикану по делу Шептицкого, мы в то же время почему-то сохраняем его дело в тайне, чем не преминули воспользоваться наши враги для представления его в извращенном виде, как у себя, так и в нейтральных странах. Что же касается стран союзных, то если раньше под влиянием цензуры, с одной стороны, и под влиянием чувства союзнической солидарности, с другой, католическое общественное мнение их готово было довольствоваться намеками нашей печати на виновность Шептицкого для его осуждения и оправдания действий русского правительства, то теперь, в особенности, я сказал бы, после Консistorской речи Папы, католическая совесть не может помириться с мыслью о заточении его в православный монастырь и о подчинении его православному духовенству и не может не испытывать чувства горечи и возмущения подобно тому, которое почувствовал бы всякий из нас в случае насильственной отдачи православного епископа под начало католических монахов.

С глубочайшим уважением и таковой же преданностью
имею честь быть, милостивый государь,
Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугой

Н. Бок

№ 48

Н.И.Бок – МИД России

№ 84

15/28 декабря 1916 г.

Секретно

Сегодня состоялся новогодний прием Папой дипломатического корпуса в отдельных аудиенциях. На принесенное мной поздравление, Его Святейшество ответил благожеланием Государю императору и России и высказал надежду, что отношения между Россией и Ватиканом окрепнут в наступающем году, присовокупив, что усматривает первый шаг в этом направлении в переводе нами Шептицкого из Суздаля в Ярославль.

Подробности донесением.

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 152. Машинописная копия.

№ 49

Митрополит Шептицкий — М.И.Терещенко³¹

18 мая 1917 г.

*Господину Министру иностранных дел
Михаилу Ивановичу Терещенко
Андрея Шептицкого
митрополита Галицкого*

Прошение

Господин министр.

Честь имею просить Вас сделать распоряжение о выдаче мне моего архива, взятого из Львова и находящегося теперь в Академии Наук.

Андрей Шептицкий, митрополит Галицкий

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 260. Автограф.

№ 50

Епископ Иоанн Цепляк³² — Н.А.Обнорскому³³

Петроград

31 мая 1917 г.

Ваше превосходительство,
многоуважаемый Николай Александрович.

Четыре униатских священника, а именно: оо. Дамян Гура, Роман Винницкий, Станислав Алексеевич и Владимир Гоцкий, уволенные из ссылки, желали бы отправиться на родину в Галичину, вместе со своим духовным начальником митрополитом Шептицким.

Имея честь работать вместе с Вами в комиссии по делам Католической церкви, пользуюсь этим случаем и осмеливаюсь покорнейше про-

силь Вас исходатайствовать для означенных священников просимое ими разрешение отпавиться в Галичину вместе со своим митрополитом.

Ваш покорный слуга

Епископ *Цепляк*

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 182. Автограф.

№ 51

Митрополит Шептицкий — Н.А.Обнорскому

Петроград

31 мая 1917 г.

Высокопочтимый

Николай Александрович.

Поручаю Вашей любезности священников униатских оо. Дамяна Гуру, Романа Винницкого, Станислава Алексеевича и Володимира Гоцкого. Я искренно желал бы, чтобы они могли со мной уехать.

Примите выраж[ение] моего высокого почтения

Андрей Шептицкий, митрополит

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 184. Автограф.

№ 52

**Постановления епархиального собора
Греко-католической церкви 29—31 мая 1917 г.**

31 мая 1917 г.

Во имя Отца и Сына и Святого духа

1. Веруем и исповедуем, что Вселенский Архиерей, папа древнего Рима, есть видимый Глава Церкви и Наместник Христа, Пастырь и Учитель всех христиан и считаем нашим священным долгом оказывать ему безусловное послушание во всем.

2. Признавая Вселенского Архиерея верховым законодателем всех церквей и руководителем христианской жизни, принимаем все его указания и советы и все рекомендованные им культы, строго сохраняя в их богослужебной форме греко-восточный обряд, согласно его же указаниям.

3. Не принимаем никакой богослужебной формы латинского обряда, хотя бы она была принята в других церквах, соединенных с Апостольским Римским Престолом, без его прямого разрешения.

4. Введение новых культов должно происходить лишь по прошению множества верных, поданному экзарху.

5. Признаем и почитаем всех святых, канонизованных Западной Католической Церковью, в особенности же небесного покровителя Св. Соединения, священномученика Иосафата архиепископа Полоцкого.

6. Впредь до разрешения Апостольского, Римского Престола не запрещаем присоединяющимся братьям нашим признавать и почитать тех

русских святых, которые издавна пользовались всенародным почитанием, так как всенародный долголетний культ был во Вселенской Церкви в течение целого ряда столетий единственной формой канонизации и теперь еще в Западной Кафолической Церкви считается равнозначущей беатификации³⁴.

7. Считаю нашей священной обязанностью предложить впоследствии акты этих угодников Божиих на суд святой римской церкви и ходатайствовать о скорейшем введении для них литургического почитания.

8. До разрешения же Апостольского Римского Престола не воздаем этим угодникам Божиим литургического почитания.

9. Отдавая под покров Пресвятой Владычицы нашей Богородицы Непричастной первородному греху всю землю Великой Руси и все епархии, находящиеся в ней, хотя еще и занятые диссидентами, умоляем Всевышнего соделать эти престолы послушными Церкви Древнего Рима, Матери всех православных церквей.

10. Помня завет Спасителя и Господа нашего Иисуса: «Молитесь Господину жатвы, яко да изведет делатели на жатву свою» (Мф. IX, 38), просим Его о даровании нашей церкви как можно большего числа всяких святых, апостолов, мучеников и исповедников для совершения воссоединения всех христиан земли нашей со святой Вселенской Церковью.

11. Всем священникам вменяется в обязанность ежедневно просить о даровании этой благодати.

12. Соблюдая по завету апостола «единение духа в союзе мира» с нашими братьями во Христе, священниками других обрядов, охотно готовы помогать им нашей священнической деятельностью.

13. Мы придерживаемся восточного канонического права, выраженного в правилах св. Апостолов, вселенских и поместных соборов, и св. отцев настолько, насколько оно во всей Восточной Церкви, при современных условиях, является обязательным и выполнимым.

14. Дисциплинарные каноны и правила Западной Кафолической Церкви, установленные после VII Вселенского собора, как и на вселенских соборах, а также особенными декретами, буллами³⁵ и бреве³⁶ Римских Архиереев, по принципу Кафолической Церкви, не являются для нас обязательными.

15. Дисциплинарные постановления Римского Архиерея и вселенских соборов обязательны для нас только в том случае, когда в этих постановлениях явно указано, что они обязывают Восточную Церковь и вводят в ней новый закон.

16. Для управления русской кафолической Церковью восточного обряда временно назначается экзарх в сане протопресвитера, которому подчиняются все епархии в пределах Государства Российского за исключением епархии Малой и Белой Руси в их этнографических границах.

17. Экзарх по принадлежащему ему праву имеет на всей вышеозначенной территории епископскую власть.

18. Экзарх имеет право пользоваться теми привилегиями, которые Апостольский Римский Престол предоставляет епископам на трехлетние и пятилетние сроки.

19. Экзарх имеет право наблюдения и ревизии над имуществом церковным, всеми храмами, часовнями, кладбищами, духовными школами и приютами, богадельнями, денежными вкладами и кассами и всеми прочими церковными учреждениями.

20. Впредь до особого распоряжения Апостольского Римского Престола, новые епархиальные законы, издаваемые экзархом, недействительны без одобрения преосвященного митрополита Галицкого.

21. При издании новых епархиальных законов экзарх обязан предложить их на обсуждение своего Совета и выслушать его мнение.

22. Экзарх может пользоваться поместным законодательством русской, греческой и других воссоединенных и невоссоединенных церквей, как западного, так и восточного обряда, а также законодательством Латинской церкви для временного разрешения недоуменных вопросов ежедневной практики.

23. Экзарху принадлежит право предварительной, духовной цензуры над всеми печатными произведениями подведомственного ему клира.

24. Впредь до особого распоряжения Апостольского Римского Престола апеллировать на приговоры и постановления экзарха можно только к преосвященному Андрею, митрополиту Галицкому, а на него к Апостольскому Престолу.

25. Считаю для нас в настоящее время необходимым полную независимость Церкви от государства.

26. Однако считаю нужным легализацию общин явочным порядком.

27. По предписанию Апостольского Римского Престола употребляем тот обряд, который существует в настоящее время в России, не допуская никаких изменений.

28. Избегая всякого произвола, мы обязаны стремиться к полному однообразию в богослужебной практике.

29. Можем соблюдать безразлично древле-русскую и новую форму нашего обряда, не смешивая, однако, одной формы с другой.

30. Недопустимым произволом является различная каждодневная богослужебная практика.

31. Согласно декрету папы Пия X разрешаем и благословляем верных нашего обряда причащаться в церквах латинских и, наоборот, верным латинского обряда — в наших.

32. Запрещаем всякую публичную критику, как письменную, так и устную, нашего обряда, как одобренную Апостольским Римским Престолом со всеми другими обрядами Святой Вселенской церкви.

33. Все братства, устав которых утвержден Апостольским Римским Престолом, принимаем и учреждаем по прошению верных, однако же, чтобы обрядовая сторона этих братств соответствовала греко-восточному обряду.

34. Мы не признаем права патроната мирян над церквами, в какой бы форме это право не выражалось.

35. Мирянин, пожертвовавший какую-либо вещь или недвижимую собственность для церкви, теряет всякое на нее право.

36. Крещение совершаем чрез погружение. С крещением соединяем таинство миропомазания и вслед за сим питаем младенцев таинством св. Евхаристии.

37. Крещение можем совершать дома, а не в церкви, лишь нужды ради. Миропомазание же совершается обязательно в церкви.

38. Относительно таинства брака придерживаемся греко-восточного церковного права; вопрос же о браках между верными разных обрядов подлежит будущему решению Апостольского Римского Престола.

39. Посты соблюдаем по всей строгости канонических предписаний Греко-восточной церкви. Однако всем священникам дается право на исповеди делать послабления закону, если кающийся действительно нуждается в таком послаблении.

40. Верных нужно приучать возможно чаще приступать к таинству Евхаристии. Что же касается до таинства покаяния, то необходимо напоминать им о древнем законе, по которому верные приступали к исповеди, по крайней мере, четыре раза в год.

41. Среди верных необходимо избирать людей и способных к апостольской работе, организовывать их в отдельные кружки, созывать их съезды и руководить их работой.

42. Желательно издание апологетических произведений, пособий по нравственному богословию для клира и популярных изданий по таинству покаяния и евхаристии.

Хотя в этом направлении желательно самостоятельная работа, однако, для экономии сил рекомендуются переводы и переработка хороших католических изданий.

43. В сношениях с паствой священник должен руководствоваться духом пастырской любви.

44. Работа пастыря над верными должна быть всегда соединена с духом молитвы и с созерцательной жизнью. Мы никогда не должны забывать, что весь успех апостольского дела зависит от Божией благодати и нашей святости. Священник, забывающий эту истину, приносит скорее вред, нежели пользу.

45. Первым требованием нашего сана и нашей, Христом данной, миссии, есть сохранение чистоты своей совести от всякого греха и житейской скверны. Поэтому как мы сами учим верных, что нельзя без исповеди приступать к св. Причащению, если на совести есть смертный грех, так должны поступать и сами, если не хотим услышать от Господа нашего Иисуса Христа «вам законникам горе, яко накладаете на человека бремена не удобь носима, и сами единым перстом вашим не прикасаетея бремен» (Лук. XI,46).

46. Руководствуясь во всем духом св. Церкви, священник должен стараться благоговейным и строго литургическим богослужением, соединенным с евангельской простотой, учить верных благочестию.

47. Хотя правило церковное вне церковной службы не является обязательным, однако священник, желающий служить литургию, обязан пред ней прочесть девятый час, вечерню и утреню. Можно заменять правило вервицами или чтением псалтири.

48. Кроме того, весьма рекомендуется духовным лицам предписанные в иерейском молитвослове утренние и вечерние молитвы, а также правило ко св. Причастию.

49. Благословляем всякого желающего исполнять все церковное правило по уставу.

50. Духовные лица должны настоятельно ценить слово Божие и прилежать к чтению св. Писания, чтобы прочитывать Новый Завет, по крайней мере, один раз в год, а Ветхий — 1 раз в 3 года.

51. Священникам вменяется в обязанность, в особенности молодым, тщательно готовить проповеди, для чего необходимо научение, кроме св. Писания, отцов Церкви, житий святых и церковной истории.

52. Вменяется в обязанность произносить проповеди догматического, морального и литургического характера. В проповедях нужно излагать прежде всего положительную часть католического вероучения, касаясь полемики лишь в редких случаях. В частности, в литургических проповедях нужно стараться объяснить верным обряды святой Церкви так, чтобы их символическое значение объясняло учение Церкви и ее дух.

53. Для священников, назначенных к служению исповеди верных, необходимо как можно более старательное и усиленное научение нравственного богословия.

54. Священники должны приучать народ к сознательному и деятельному участию в богослужении и по возможности заводить общее пение.

55. Духовные лица совершают раз в год общее говение (духовные упражнения). К таким же общим говениям мы должны приглашать и верных.

56. Отличительный признак во внешнем поведении духовного лица — его скромность и благообразие. Поэтому духовенству должны быть чужды совершенно все светские манеры и замашки, привычки и обычаи.

57. Духовенству безусловно воспрещается посещение театров, цирков, синематографов, кафешантанов, загородных увеселительных садов и всяких других подобного рода собраний.

58. Нужды ради допускается посещение скромных ресторанов и столовых.

59. Разрешается посещать научные и популярные собрания (если они заведомо не направлены против Церкви), а также серьезные концерты с музыкой и пением.

60. Духовенство по мере возможности должно всячески избегать появления на светских обедах, даваемых по случаю какого-либо торжества, как семейного характера (напр[имер] свадьбы, именины и т.п.), так и общественного.

61. Появление духовных лиц с женщинами на улицах и в общественных местах — нежелательно.

62. Для участия духовных лиц в светских или некафолических журналах требуется разрешение со стороны экзарха на основании постановления папы Пия X.

63. Также необходимо разрешение экзарха для вступления в качестве члена или постоянного гостя в некафолические философско-религиозные и религиозные общества.

64. Духовенство должно ходить в одежде, присвоенной его сану, не допуская никакого отступления от приписанной формы, каковой, до времени, будет подрясник и ряса обыкновенного покроя, однако с более узкими и короткими рукавами.

65. В случае нужды, вызываемой потребностями миссии и заграничными поездками, духовенство может носить светское платье.

66. Каждый священник поверх рясы носит серебряный крест. В торжественных случаях ношение креста обязательно.

67. По древнему обычаю носим бороду, волосы же, по предписанию апостольскому, не отпускаем, удаляя от себя всякую светскую суету (напр[имер], различные прически, духи и т.п.).

68. Курение духовенством табаку запрещается.

Подлинные постановления подписал

о. Андрей, митрополит Галицкий

Скрепил

Леонид Федоров,
экзарх русской Греко-католической церкви

Дано в Петрограде,
в доме кафолической мужской гимназии при церкви св. Екатерины.
Сим удостоверяю,
что настоящий список правил Собора соответствует оригиналу

Экзарх *Леонид Федоров*

ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 155. Л. 36—38. Машинописная копия.

№ 53

Справка о результатах телефонного разговора с С.Ф.Ольденбургом³⁷ по поводу архива Шептицкого

3 июня 1917 г.

Согласно словесному сообщению неперменного секретаря Академии наук академика Ольденбурга, архив митрополита Шептицкого хранится в Академии наук в нескольких железных ящиках (7 или 9), кожном сундуке, корзине и одном бумажном пакете. Он был перевезен из Департамента полиции после разгрома Департамента толпой, ввиду чего он находится в беспорядке. В него попали документы, не имеющие к нему отношения; с другой стороны, возможно, что часть архива утрачена: бумаги, вложенные Академией в бумажный пакет, были обнаружены

вне всяких хранилищ. Ввиду сего в вопросе о возвращении архива необходимо соблюдать крайнюю осторожность, тем более, что есть указания, что Шептицкий намеревается раздуть вопрос о вывозе архива. Так, найденная в архиве отвалившаяся откуда-то сургучная печать Галицийского жандармского управления была помещена украинцем Зайцевым в конверт, на котором Шептицким сделана по-малороссийски надпись о том, что это служит указанием на «вора».

Что касается денежных капиталов, то среди архива есть австрийские процентные бумаги, на какую сумму Ольденбургу неизвестно, точно также и где они находятся в настоящее время. Он обещал навести справки в Академии, а также снестись с академиком Шахматовым³⁸, в ведении которого находится упомянутый архив и который в настоящее время проживает в Саратовской губ[ернии].

Особый политический отдел, с своей стороны, навел справки в Министерствах финансовом и военном, а также запросил по телеграфу чиновника Министерства иностранных дел при штабе Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта Олферьева. Сведений по сему поводу в означенных министерствах не имеется, от Олферьева же ответ пока не получен.

По словесному отзыву самого графа Шептицкого, данному им в беседе с заведующим особым политическим отделом Н.А.Обнорским, точные размеры вывезенных из Львова церковных капиталов ему неизвестны и сам он лишь от академика Шахматова узнал о том, что в руках наших властей имеется сумма приблизительно в 209 тысяч австрийских крон ценными бумагами.

Во всяком случае, из изложенного видно, что архив не может быть выдан без предварительного тщательного его просмотра; даже, что выдача нами графу Шептицкому каких-либо письменных удостоверений о возвращении архива и церковных капиталов представляется весьма рискованной и что, если бы, однако, признано было возможным таковые удостоверения ему выдать, то следовало бы составить их в чрезвычайно осторожной форме и с соответствующими оговорками.

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 264—264об. Подлинник.

Примечания

¹⁵ *Шиллинг М.Ф.* — барон, начальник канцелярии МИД Российской империи.

¹⁶ *Маклаков Н.А.* (1871—1918) — министр внутренних дел Российской империи.

¹⁷ 16 января 1915 г. С.Д.Сазонов сообщил Д.А.Нелидову, что «Министерство предполагает вскоре огласить данные, указывающие на основательность принятых относительно Шептицкого мер» (АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 37).

¹⁸ В деле приложения нет.

¹⁹ В деле приложения нет. Есть лишь помета: «Эти записки переданы К.Н.Тулькевичу во II-ой конст[антинопольский] отдел».

²⁰ *Сукин* — исполняющий дела чиновника для ведения дипломатической переписки при военном генерал-губернаторе Галиции.

²¹ *Рункевич С.Г.* (1867 — после 1917) — доктор церковной истории, помощник управляющего канцелярией Святейшего Синода.

²² *Николай Николаевич* (1856—1929) — великий князь, в 1914—1915 гг. Верховный главнокомандующий Российской армии.

²³ *Николай (Касаткин)* (1836—1912) — с 1870 г. начальник вновь учрежденной Японской православной миссии, в 1880 г. рукоположен во епископа Ревельского, викария Рижской епархии, с 1906 г. архиепископ Японский.

²⁴ *Устинов* — генеральный консул Российской империи в Нью-Йорке.

²⁵ *Евдоким (Мещерский)* (1869—1935) — с 1914 г. архиепископ Алеутский и Североамериканский.

²⁶ Некоторое время спустя М.Ф. Шиллинг сообщил Устинову, что «упомянутые слухи лишены основания» (АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 80).

²⁷ *Янчевецкий Д.Г.* — русский корреспондент, арестованный австро-венгерскими войсками.

²⁸ *Нератов А.А.* (1863—?) — товарищ министра иностранных дел Российской империи в 1910—1916 гг.

²⁹ *Штюрмер Б.В.* (1848—1917) — председатель Совета министров (январь—ноябрь 1916 г.) Одновременно занимал должность министра иностранных дел (март—июль 1916 г.).

³⁰ *Протопопов А.Д.* (1866—1918) — депутат III и IV Государственных дум, в 1916 г. назначен министром внутренних дел Российской империи.

³¹ *Терещенко М.И.* (1886—1956) — министр финансов (март—май), министр иностранных дел Временного правительства России (май—октябрь 1917 г.)

³² *Цепляк Я.Г.* (1857—1925) — епископ, управляющий Могилевской (католической) митрополией.

³³ *Обнорский Н.А.* — заведующий Особым политическим отделом МИД Российской империи.

³⁴ Беатификация — в католической церкви акт причисления того или иного лица к лику блаженных.

³⁵ Булла — послание Папы римского.

³⁶ Бреве — послание Папы римского по вопросам второстепенного значения. В отличие от буллы носит менее торжественную форму, скрепляется папской печатью, но подписывается кардиналом-секретарем.

³⁷ *Ольденбург С.Ф.* (1863—1934) — академик, непреходящий секретарь Российской Академии наук.

³⁸ *Шахматов А.А.* (1864—1920) — профессор Санкт-Петербургского университета, академик Российской Академии наук.

МАСТЕРА РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ БОВЫКИН

(1927—1998)

В.И.Бовыкин — один из наиболее авторитетных исследователей истории России конца XIX — начала XX вв., автор семи монографий и более ста пятидесяти статей по дипломатической и социальной истории, но главным образом — по истории финансового капитала и банковской системы. Он в числе немногих заложил основы «реального изучения реальной истории» и отстаивал их в нелегкой борьбе на протяжении несколько десятилетий.

Родился В.И.Бовыкин 7 января 1927 г. в Ростове-на-Дону в семье военно-служащего. Вскоре его отца, Ивана Емельяновича, направили в Москву. Вместе с ним переехала и семья.

Выпускник историко-международного факультета МГИМО, второй секретарь МИД Белоруссии, перед которым открывалась дипломатическая карьера, Валерий Бовыкин в 24 года под влиянием своего учителя А.Л.Сидорова резко меняет судьбу и становится аспирантом, а на следующий год преподавателем исторического факультета МГУ. С тех пор сорок пять лет жизни он отдал ученикам. Сейчас о научной школе Бовыкина говорят как об одном из наиболее серьезных его достижений.

В 40 лет он уже доктор исторических наук, в 42 года — профессор Московского университета, звание, которым Валерий Иванович более всего гордился. Свыше 30 лет он также проработал в Институте истории АН СССР, в течение 14 лет руководил там работой сектора. Научную и педагогическую деятельность совмещал с административной работой: в разные годы был заместителем декана по научной работе исторического факультета МГУ, заместителем директора Института истории, ученым секретарем Отделения истории Академии наук.

Постепенно В.И.Бовыкин пришел к идее изучать историю России в русле международных сопоставлений. Он не раз выступал с докладами на Международных конгрессах экономической истории, представлял нашу страну в Исполкоме Международной ассоциации экономической истории, занимал пост руководителя ассоциативных исследований Дома наук о человеке в Париже. Блестящим результатом его усилий по координации деятельности отечественных и зарубежных исследователей стал совместный с американским историком Р.Камероном проект «Международное банковское дело. 1870—1914», в работе над которым участвовали ученые из пятнадцати стран.

В.И.Бовыкин ушел из жизни, но остались его ученики, его книги, без них невозможно представить себе дальнейшее изучение экономической и социальной истории России.

Публикацию подготовили кандидат исторических наук О.А.КУБИЦКАЯ и доктор исторических наук А.А.ЧЕРНОБАЕВ.

И.Е. и Д.А.Бовыкины. Армавир. 1926 г.

Валерий Бовыкин.
1932 г.

В.И.Бовыкин — студент МГИМО.
Конец 40-х гг.

С В.Я.Лаврычевым (слева) на демонстрации.
Москва. Начало 50-х гг.

С А.М.Панкратовой
(сидит вторая справа).
Москва. Начало 50-х гг.

С группой преподавателей МГУ перед поездкой в Индию.
Внуково. Декабрь 1957 г.

В Индии. Январь 1958 г.

Регистрация брака. Москва. Май 1959 г.

В.И.Бовыкин с женой
В.М.Казаковой. 1960 г.

С А.В.Арциховским. Архангельск. 1965 г.

Среди участников Международного конгресса экономической истории.
Ленинград. 1970 г.

С Б.А.Рыбаковым и Ю.А.Тихоновым на конференции в Ашхабаде. 1974 г.

Среди участников международного симпозиума в Батуми. 1976 г.

На отдыхе в Армении. 1980 г.

С А.А.Фурсенко и Б.В.Ананьичем. Белладжио.
Италия. 1985 г.

С А.Н.Бохановым и Л.И.Бородкиным в библиотеке МГУ. 1986 г.

В.И.Бовыкин и Б.В.Ананьич с американскими коллегами.
США. 1987 г.

В Париже. 1988 г.

Ватерлоо. Бельгия. 1992 г.

С М.Ван дер Вее и А.А.Фурсенко.
Италия. 1992 г.

С А.Бродером. Франция. 1992 г.

С Р.Силлой и Р.Камероном. Италия. 1994 г.

В.И.Бовыкин в рабочем кабинете.
Середина 90-х гг.

На Первых Морозовских чтениях. Ногинск. 1995 г.

На Вторых Морозовских чтениях. Ногинск. 1996 г.

На кафедре источниковедения МГУ.
1996 г.

С С.П.Карповым. Истфак МГУ.
1997 г.

С М.Эймаром. Мадрид. 1998 г.

В. И. Бовыкин
Ю. А. Петров

*Коммерческие
БАНКИ*

*Российской
ИМПЕРИИ*

*Бовыкин
Валерий Иванович
(1927—1998)*

Московский государственный университет
им. М.В.Ломоносова
Исторический факультет
Российская академия наук
Институт российской истории

**РОССИЯ
НА РУБЕЖЕ
XIX—XX веков**

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ
ПАМЯТИ
профессора

Валерия Ивановича Бовыкина

Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова
20 января 1999 г.

Москва
РОССПЭН
1999

В.И.Бовыкин

«МАЛО-ПОМАЛУ Я ВТЯГИВАЛАСЬ В НОВУЮ ЖИЗНЬ»

Воспоминания графини Е.Л.Камаровской о 1910—1913 гг.

Случайно наткнувшись в Интернете на фамилию Е.Л.Камаровской, нашей бабушки, мы заинтересовались упоминавшимися материалами, и решили познакомиться с ними более подробно.

В одном из номеров журнала «Исторический архив» были опубликованы отрывки из дневника Е.Л.Камаровской¹. Из вступительной статьи следовало, что никаких данных об авторе дневника или ее родственниках публикатору найти не удалось. Мы связались с редакцией и рассказали, что такие родственники (внуки и правнуки) живы и здоровы; более того, по согласованию с главным редактором, подготовили к публикации ряд глав из воспоминаний Екатерины Леонидовны Камаровской-Виноградовой, в которых речь идет о событиях 1910—1913 гг. Надеемся, что эти материалы в продолжение к уже опубликованному в журнале, окажутся интересными для широкого круга читателей.

Род Камаровских (Комаровских) известен в России с XV века². Генерал-адъютант и сенатор граф Евграф Федотович Камаровский, начав службу в лейб-гвардии Измайловском полку, в 1799 г. участвовал в Итальянском и Швейцарском походах, а в 1803 г. был возведен императором Францем II в графское достоинство Священной Римской империи. Оставил «Записки», охватывающие период с 1769 г. по 1833 г., которые были опубликованы.

Внук Е.Ф.Камаровского, Леонид Алексеевич Камаровский — юрист, профессор Московского университета, член-корреспондент Императорской Академии наук, член международного третейского суда, один из основателей Общества мира. Получил признание благодаря своим трудам в области международного права, посвященным вопросам европейской безопасности и невмешательства. Его работы (среди них — «Начало невмешательства», «О международном суде», «Идея мира и милитаризм», «Предложения России об ограничении вооруже-

¹ См.: «Что-то дикое, ужасное, но геройски благородно!» Записки графини Е.Л.Камаровской. Декабрь 1905 г. / Публ. М.И.Чернов // Исторический архив. 2000. № 5. С. 163—185.

² См.: Советский энциклопедический словарь. М., 1982. С. 537; Записки графа Е.Ф.Камаровского. М., 1990; Дворянские роды Российской империи (1721—1917). М., 1996; Князь Феликс Юсупов. Воспоминания. М., 2000; Великий князь Александр Михайлович. Мемуары великого князя. М., 2001; Федорченко В. Дворянские роды, прославившие Отечество. Энциклопедия дворянских родов. М., 2001.

ний»), публиковались на всех основных европейских языках и в свое время были широко известны; многие из них актуальны и современны и в наши дни.

Л.А.Камаровский преподавал в Лицее цесаревича Николая, в университете Шанявского, в Московском университете, где был профессором, деканом юридического факультета, исполнял обязанности ректора. Чтобы увеличить средства для содержания семьи, в течение ряда лет вынужден был, кроме работы в Московском университете, исполнять и вторую должность — руководителя университетских курсов при Московском лицее.

Женат Л.А.Камаровский был на Екатерине Александровне Ширинской-Шихматовой, происходившей из большой семьи князя А.П.Ширинского-Шихматова — сенатора, товарища министра народного просвещения, председателя императорского Московского общества испытателей природы. В семье А.П.Ширинского-Шихматова было восемь детей — четыре сына и четыре дочери. Исторически род Ширинских-Шихматовых известен в России с XIV века.

В 70-х гг. XIX в. семья Л.А.Камаровского в течение ряда лет проживала во Франции, Швейцарии и Италии, где Леонид Алексеевич работал над докторской диссертацией. В его семье было трое детей — сын Сергей Леонидович (1876) и дочь Екатерина Леонидовна (1878), которые родились в Париже, а также родившаяся позднее в Москве дочь Мария Леонидовна (1883). По воспоминаниям Е.Л.Камаровской, семья была очень дружной. Отец, несмотря на хрупкое здоровье (он родился с «птичьей грудью» и был болен туберкулезом), уделял воспитанию детей большое внимание; под его присмотром все они получили дома прекрасное и разностороннее образование. Перечень преподававшихся им предметов был достаточно широк — история, география, математика, французский, немецкий и английский языки, рисование, музыка, и соответствовал лицейской программе. При этом, самыми любимыми занятиями детей были музыка, которую преподавала ученица Н.Г.Рубинштейна (племянница Ф.М.Достоевского), рисование и рукоделие.

Сергей Леонидович через несколько лет домашней подготовки поступил сразу в пятый класс Московского лицея, а после его окончания — на юридический факультет Московского университета. Екатерина Леонидовна продолжала домашнее образование, после которого успешно сдала экзамены за полный гимназический курс и получила диплом домашней учительницы.

Дружеские отношения, сложившиеся с некоторыми из той многочисленной молодежи, которая окружала Камаровских в их юношеские годы, сохранились у Екатерины Леонидовны на протяжении всей ее жизни. Среди них — Сергей Владимирович Симанский, однокашник Сергея Леонидовича по лицей и университету, позднее принявший постриг и сделавшийся митрополитом Ленинграда, а затем и патриархом Всея Руси (Алексий), а также Анастасия Евгеньевна Волконская, дочь князя Евгения Николаевича Волконского, бывшая ближайшей подругой Екатерины Леонидовны на протяжении всей ее жизни и позднее ставшая родственницей, так как были женаты их дети.

Жила семья Камаровских в самом центре Москвы, сначала близ храма Христа Спасителя, затем на Арбате, в Калошинном переулке, занимая служебную университетскую квартиру; на лето, в течение 20 лет, снимали большую двухэтажную дачу под Москвой, около Троице-Сергиевской Лавры и Спасо-Вифанского монастыря. По воспоминаниям бабушки, дача стояла около леса, в окружении кустов сирени, жасмина, малины и черной смородины; при ней был небольшой сад-цветник, в котором вся семья много работала, ухаживая за лю-

бимыми цветами отца: розами, гелиотропом, резедой, табаком, душистым горошком.

Многолетняя жизнь рядом с Лаврой накладывала свой отпечаток на круг людей, окружавших семью — Камаровские поддерживали близкие отношения со многими находившимися в монастырях священнослужителями, хорошо знали профессоров Духовной академии, ее ректоров, епископов Антония (Храповицкого) и Арсения.

После событий 1905 г. Леонид Алексеевич принимал активное участие в общественно-политической жизни: в 1909—1912 гг. состоял гласным Московской городской думы, был одним из лидеров партии «17 октября» («октябристов»). Как один из ведущих профессоров Московского университета, Л.А.Камаровский занимал, по имеющимся свидетельствам его современников, весьма демократические позиции, настойчиво отстаивая идеи университетского самоуправления. Вместе с тем, среди его ближайших коллег по профессорской деятельности, с которыми он долгие годы поддерживал дружеские и доверительные отношения, были люди самых разных взглядов. В их числе — реакционер, профессор римского права Николай Павлович Боголепов, министр народного просвещения в 1898—1901 гг.; профессор римского права Сергей Андреевич Муромцев, председатель 1-й Государственной думы, один из руководителей партии конституционных демократов; ученик Л.А.Камаровского Александр Иванович Гучков, ставший депутатом Государственной думы как лидер партии «октябристов», впоследствии министр Временного правительства. В воспоминаниях Екатерины Леонидовны присутствуют и другие, близкие семье Камаровских, люди, не только относящиеся к широко известным в России фамилиям, но и сыгравшие заметную роль в истории.

Сергей Леонидович Камаровский после окончания университета служил земским начальником в Брестской губернии, затем — в Звенигороде, после чего был принят на работу в возглавляемое Николаем Карловичем фон Мекк акционерное общество Московско-Казанской железной дороги, в должности члена правления.

Екатерина Леонидовна Камаровская в 1903—1910 гг. была попечительницей детского приюта в Москве (именовавшегося Ксенинским, ибо он находился под патронажем великой княгини Ксении Александровны, сестры императора Николая II). По воспоминаниям Екатерины Леонидовны, приют был большим — в нем находилось более 200 девочек; делился он на три отделения: младшее, из которого после двух—трехлетнего обучения отбирались малоспособные для последующего ремесленного обучения; ремесленное; общеобразовательное, где девочки продолжали учиться и готовились к экзаменам при управлении попечителя учебного округа (примерно, в объеме курса прежнего городского училища). Екатерина Леонидовна вспоминала, что годы службы в приюте (работа не оплачивалась) были полны многочисленных хлопот и забот. Получаемых на его содержание денег постоянно нехватало, и нужно было, говоря сегодняшним языком, постоянно изыскивать дополнительные источники финансирования: устраивать благотворительные базары, концерты, лотереи.

Затем Екатерина Леонидовна по рекомендации своей подруги Марьи Владимировны Ершовой была принята на службу при дворе, где в течение ряда лет являлась детской воспитательницей в семье великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны, а также фрейлиной императрицы Марии Федоровны (матери Николая II). Находясь при дворе, Екатерине Леонидовне приходилось постоянно общаться с членами семьи Николая II, ее

ближайшим окружением, с великокняжескими семьями. Е.Л.Камаровская, будучи по свидетельству многих, хорошо знавших ее людей, человеком умным, волевым, талантливым, во многом по-своему и порой очень критично оценивала и характеризовала окружавших ее в то время представителей высшего света. Воспитанница Екатерины Леонидовны, княжна Ирина Александровна, позднее вышла замуж за Феликса Феликсовича Юсупова, имя которого связано с убийством Григория Распутина. После революции Ирина Александровна с мужем эмигрировали.

В 1913 г. Е.Л.Камаровская вышла замуж за Ф.А.Виноградова — одного из воспитателей и учителей в семье великой княгини Ксении Александровны, в советское время — профессора одного из московских вузов, и вынуждена была покинуть службу. С Федором Александровичем она прожила долгую жизнь, пройдя через времена революции, гражданской и Отечественной войн, мирной жизни в социалистическом государстве.

На много труднее сложилась жизнь Анастасии Евгеньевны Волконской, ближайшей подруги бабушки на протяжении всей ее жизни. Примерно в одно время с Екатериной Леонидовной она вышла замуж за генерала Маслова-Одоевского, командира одного из лейб-гвардии полков. В тридцатые годы XX века он был репрессирован, находился в ссылке в Калуге, где и похоронен. От эмиграции в послереволюционное время подруги и их семьи решительно отказались. В советский период своей жизни бабушка не работала, всецело занимаясь домашними делами и воспитанием детей.

Дети Екатерины Леонидовны и Анастасии Евгеньевны, уже в сороковые годы XX века, породнились, защищали Родину в Великой Отечественной войне, работали; далее — внуки, правнуки... Умерли подруги примерно в одно время, в преклонном возрасте: Е.Л.Виноградова в 1965 г., похоронена в семейной могиле на Новодевичьем кладбище в Москве; А.Е.Волконская — через несколько лет и похоронена в Калуге, рядом с мужем.

Как это ни банально звучит, но прожитая ими непростая жизнь, главным критерием которой являлись обыкновенная человеческая порядочность и горячая привязанность к родной земле, теперь, спустя более чем сто лет, могут быть хорошим примером будущим поколениям. Но, пока мы глухи, а хочется верить. Ведь все возвращается на круги своя.

По дневниковым записям Екатерины Леонидовны, сохранившимся, несмотря на жизненные пертурбации, в домашнем архиве, а также по написанным ею воспоминаниям (в «Историческом архиве», как уже отмечалось, публикуются их отдельные главы) видно, какими проблемами и заботами жила большая семья потомственной российской интеллигенции, как принимала революционные процессы, позднее — советскую власть.

К сожалению, завершить свои воспоминания Екатерина Леонидовна не смогла: часть ее дневников, на основе которых воспоминания написаны, в годы Великой Отечественной войны были утрачены.

Публикацию подготовили кандидат экономических наук А.М.МАСЛОВ, кандидат политических наук М.А.МАСЛОВ, кандидат филологических наук Н.М.МАСЛОВА.

**Поездка в Петербург. — Представление высочайшим особам. —
Мое назначение**

3-го декабря 1910 г. я, наконец, получила письмо от Махи¹, в котором она извещала меня, что с мужем вернулась из-за границы, равно как и великая княгиня Ксения Александровна² с дочерью. Великой княгине рекомендуют нескольких лиц, но она до окончательного решения хочет познакомиться со мной и просит меня скорее приехать в Петербург. Я ответила телеграммой, что выезжаю 6-го числа вечером.

4-го декабря, в день Варвары, был первый бал в этом сезоне у князя Эристова. Мама и обе мы были на нем. Я чувствовала себя как бы на распутье, и мне все было мило и дорого в родной Москве. Было много народу, было оживленно и весело. Муся³ танцевала вовсю со всеми нашими молодыми друзьями. Мазурку мы просидели с Валерьяном Эристовым, который почти закончил портрет моего отца, и много говорили с ним об искусстве, о его значении в жизни, о семье и т.д. Этот вечер был для меня прощальным и оставил во мне неизъяснимо чарующее грустное чувство, которое помню до сих пор. Кончался целый период моей жизни!

Мама⁴ отправилась со мной в Петербург, где мы остановились в прекрасном особняке дяди Бориса Якунчикова⁵, откуда дали знать Махе о прибытии. Последняя устроила мне первое свидание с Ксенией Александровной 9-го декабря, когда празднуется икона Божией Матери «Нечаянная Радость». Во дворце меня провели в небольшой будуар. Великая княгиня встретила меня очень приветливо и, видимо, страшно конфузясь. Это была небольшого роста женщина, очень изящная, лицом напоминавшая императора Павла, с прекрасными большими глазами. Она нашла во мне большое сходство с дядей Митей⁶, которого все они хорошо знали. Она выразила удовольствие, что познакомилась со мной; желая еще ближе познакомиться, пригласила меня побывать на днях «запросто». Я со своей стороны указала, что болезненное состояние моего отца потребует частых моих поездок в Москву, на что она ответила, что вполне понимает меня и предоставляет мне в данном случае «полную свободу».

11-го числа я была второй раз у Ксении Александровны. Маха прямо повела меня к княжне Ирине Александровне⁷. Это была высокая, очень худая девочка 15-ти лет. Обращали на себя внимание красивые глаза и правильные черты лица. Но, в общем, во всей ней чувствовался какой-то излом, что-то нездоровое; она страшно конфузилась, стеснялась, краснела. Однако Махе и мне удалось втянуть ее в разговор об ее поездке в Италию, она показала мне многие гравюры и снимки с лучших картин. Она абсолютно не владела плавной, связной речью, запинаясь, точно искала слова. Во время нашей беседы в ком-

нату ворвалась целая ватага мальчиков — пять человек, ее братьев. Все они познакомились со мной, с любопытством рассматривали меня, что-то громко крича, и также внезапно исчезли, как внезапно и появились. Пришла и англичанка — «Нана», как ее называли дети, с маленьким своим трехлетним питомцем Васей. Эта Нана (ее имя мисс Костер) вынянчила всех детей, начиная со старшей Ирины. Проведя с ней время до 7 часов, я навестила Маху, и познакомилась с ее мужем. У Ирины Александровны был свой апартамент, состоящий из спальни, гардеробной, большой гостиной-кабинета и передней. Рядом помещалась ее горничная, Марья Андреевна (дети звали ее Лала), которая была с ней с рождения в качестве помощницы англичанки. Маха жила с мужем во флигеле дворца, занимая прелестную квартиру, примерно в 6—7 комнат.

Муж Махи⁸ — управляющий двором великого князя Александра Михайловича⁹, моряк из гвардейского экипажа, лет 45, красивый, изящный, умный, изворотливый, ловкий царедворец. Остроумие, лесть, насмешки, находчивость, светский шарм — вот стиль этого человека. Он сейчас же наговорил мне кучу комплиментов, выразил радость по поводу того благоприятного впечатления, которое я успела произвести на всех, кто меня видел. Нашел только, что по виду я очень строга.

13-го числа меня пригласили к завтраку, перед чем представили великому князю. Это — высокий, очень красивый мужчина, с умным насмешливым взглядом, моряк. Познакомилась с его адъютантом Николаем Федоровичем Фогелем, хорошим знакомым моего дяди Сергея¹⁰, почему между нами завязались самые лучшие отношения. Фогель был глубоко порядочный человек, культурный, презиравший лесть и угодничество, и говоривший то, что чувствовал. Один из мальчиков не послушался кого-то, и ему было приказано отцом выйти из-за стола и уйти к себе. Мальчик встал и пролез под столом. Отец, около которого я сидела, презрительно улыбнулся и, обратясь ко мне, сказал: «Не удивляйтесь, графиня, ведь они все из особой породы». После завтрака перешли в будуар Ксении Александровны, куда подали кофе и шоколад. Ксения Александровна подошла ко мне и сказала, что она и великий князь желают иметь меня воспитательницей их дочери, и все зависит теперь от меня. Я согласилась временно взять на себя эти обязанности.

Шателен показал мне мою будущую квартиру, состоящую из трех комнат, кухни, ванной и комнаты для горничной; мои комнаты находятся как раз под помещением Ирины Александровны. Называться я буду «состоящая» при Ирине Александровне. Жалование — 216 рублей в месяц, в моем распоряжении будет экипаж. К моим услугам — лакей.

Маха передала мне все полномочия, познакомила с распорядком жизни и занятий моей воспитанницы. Ксения Александровна попро-

сила меня не бросать приют ее имени, продолжать быть его попечительницей и выбрать себе помощницу.

Мы уехали с мамой в Москву 14-го декабря, получив позволение приступить к исполнению обязанностей после Рождественских праздников, т.е. с 8-го января следующего года.

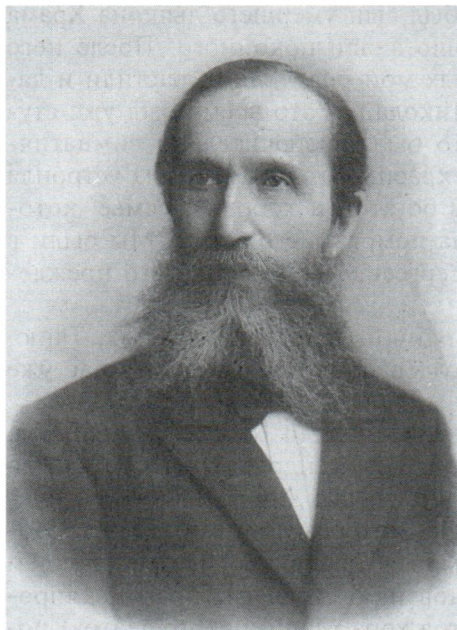
Последние три недели дома. — Отъезд на службу. — Устройство

Эти три недели, которые я прожила вновь в своей семье, были последними в нашей общей жизни. Мои последующие наезды, отпуски — все это было не то! Я это предчувствовала, остро переживала всякий миг моей жизни дома, общения с отцом, матерью, братом и сестрой. Мы все ездили в лавру и в Вифанию¹¹, повидали там наших друзей, а главное, в тиши помолились о даровании сил противостоять злу и не поддаваться искушению блестящей внешности. Были на нескольких елках у брата, у Наташи Маклаковой и др. Были на интимном обеде у Эристовых. В центре роскошно убранного обеденного стола стояла маленькая зажженная елка, у каждого прибора лежало несколько небольших подарков. Все было обдуманно, красиво и изящно устроено. Но я старалась как можно больше времени быть дома, мирно беседуя то с отцом, то с матерью. Было много хлопот с шитьем нескольких платьев, — я умоляла сделать мне лишь самое необходимое. Ездил в дорогой мне приют¹² и передала все дела вновь назначенной моей помощнице. На праздниках у нас было много народу. Весть о моем назначении быстро распространилась, и многие явились к нам с первым визитом. Проездом был и Сергей Петрович¹³, уже вдовец; он долго, красноречиво отговаривал меня от моей новой службы, так как знал всю семью Александра Михайловича и был в ужасе от его невоспитанных сыновей-сорванцов. Владыка Арсений¹⁴ прислал мне письмо, в котором сообщал следующее: его хороший знакомый генерал Шильдер, зная близость нашей семьи с преосвященным и узнав о моем назначении, выражал уверенность в том, что владыке удастся отговорить меня ввиду общей тяжелой атмосферы при дворе великого князя и плохого воспитания его детей. Все это огорчало папу, но мы старались быть покойными, так как во всем видели перст Божий: все случилось без единой нашей просьбы, без исканий.

Итак, я вышла из семьи, прожив в ней в полном счастье 32 года. Вся разбитая этой разлукой, отправилась я в Петербург. Многие порывались проводить меня на вокзал, но я отклонила эти проводы, и только моя семья, Эристовы, начальница моего приюта княгиня Друцкая и Николай Сергеевич Сокольский не отходили от меня до отхода поезда.

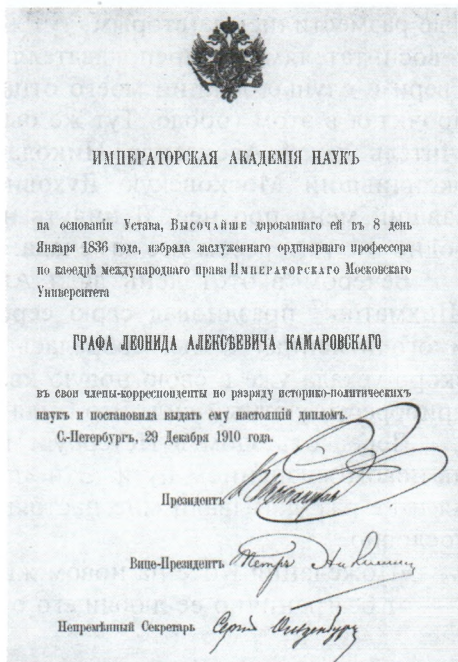
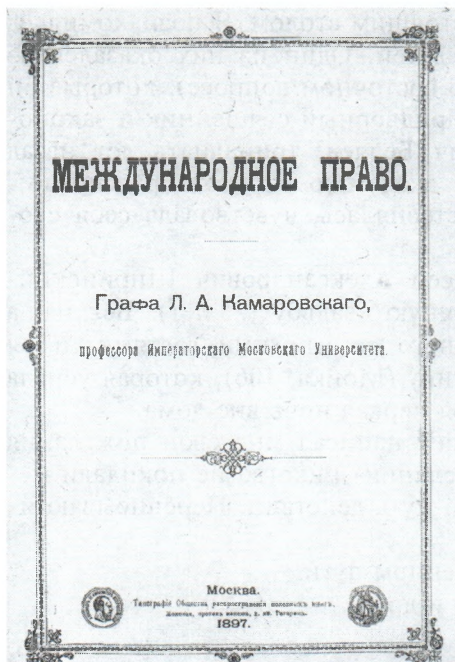
Е.Л.Камаровская в парадном придворном платье. Москва. 1913 г.

Граф Л.А.Камаровский — профессор
Московского университета.
Начало XX в.

Графиня Е.А.Камаровская
(урожд. Ширинская-Шихматова).
Начало XX в.

Николай Сергеевич Сокольский был сын умершего дьякона Храма Христа Спасителя. Мы давно и хорошо знали покойного. После него остались в нужде жена и дети, которых мои родители вырастили и дали хорошее образование. Старший, Николай, в это время был уже студент-юрист и часто навещал нас. Это был исключительно симпатичный молодой человек, владевший прекрасным голосом. Мама устроила его гувернером при двух мальчиках в богатой и хорошей семье, которая тоже оценила Сокольского и стала помогать его семье. Мы были в дружеских отношениях с Николаем Сергеевичем до самой его преждевременной кончины от тифа.

Уезжая из дома, я взяла с собой одну из наших горничных, Таню, очень честную, скромную и неглупую девушку, прожившую у нас уже несколько лет.

В Петербурге мы остановились сначала у дяди Бориса Якунчикова. 12-го января, по приглашению Ксении Александровны, я поехала во дворец на молебен, который служили по случаю дня рождения старшего сына, князя Андрея Александровича, которому минуло 14 лет. Молебен был в небольшой, уютной домовый церкви во дворце, причем вся великокняжеская семья по обыкновению стояла на правом клиросе, певчие же (мужской хор из артистов хора Мариинского театра) помещались на левом клиросе. После молебна все мы перешли в гостиную, где я была представлена императрице Марии Федоровне¹⁵, великой княгине Ольге Александровне¹⁶ и ее мужу принцу Ольденбургскому. Завтрак был сервирован в большой зале на двух круглых столах. За одним сидели все царские особы, управляющий двором В.А.Шателен, фрейлина великой княгини Софья Дмитриевна Евреинова. Все остальные разместились за вторым, тут же стоящим столом. Я познакомилась с воспитателями и преподавателями детей. Один из них оказался из Твери и слушал лекции моего отца (о восточном вопросе), которые он прочитал в этом городе. Тут же был придворный священник и законоучитель детей Александр Николаевич Беляев, тринадцать лет назад окончивший Московскую Духовную академию и много расспрашивавший меня про нее. Я ничуть не стеснялась, чувствовала себя свободно и с интересом все замечала.

Вечером в этот день дядя Алексей Александрович Ширинский-Шихматов¹⁷ праздновал свою серебряную свадьбу (25 лет). Вся наша многочисленная семья собралась у него со многими гостями, но я скоро уехала уже в свою новую квартиру (Мойка, 106), которая успела приобрести уютный вид. Это была моя первая ночь вне дома.

Перед отъездом в Петербург папа¹⁸ написал мне свои пожелания на новом жизненном пути. Эти «пожелания» никогда не покидали меня и не раз указывали мне настоящий путь действий. Переписываю их дословно.

«Пожелания Коте на новом жизненном пути от безгранично ее любящего отца и друга.

Я посылаю вас, как овец среди волков: будьте мудры, как змии, и просты, как голуби (от Матфея, X, 16).

Горячо молю Господа, чтобы он вразумил и подкрепил Тебя быть в Твоей жизни всегда носительницей начал: религиозного, нравственного и того вечного женского элемента, который, по словам поэта, спасает человека.

Все низкое и пошлое да бежит от Тебя.

Москва, 6 января 1911 г.

Гр. Л.Камаровский».

Первые дни службы. — Отношения с княжной Ириной Александровной. — Ее занятия и уроки

13-го января, проснувшись рано, я поспешила к Ирине Александровне, которая еще одевалась, пила с ней кофе, а затем присутствовала на ее уроках.

Я подхожу к одному из самых необъяснимых, решающих моментов моей жизни, всякая подробность которого отпечатлелась на всю мою жизнь. Уроки начинались в 8 ч. 30 м. Ирина Александровна сидела за школьной партой спиной ко мне. Около парты стоял стул, на котором сидел преподаватель лицом ко мне. Я же сидела в глубоком кресле за круглым столом, обыкновенно что-либо вышивая.

Первый урок в этот день был урок русского языка, и скоро вошел Федор Александрович Виноградов¹⁹, тот тверяк, которого я видела за высочайшим завтраком. Он давал уроки русского языка, истории и географии всем детям. Жил он тут же во флигеле с преподавателем-математиком Николаем Владимировичем Юрьевым. Когда вошел Федор Александрович, высокий блондин, вдруг необычайно сильно, ярко я почувствовала повелительный голос внутри себя: «Смотри: вот тот человек, которому ты предназначена и который будет тебе самым близким». И тотчас я как бы вся ошетичилась, обозлилась (на кого — не знаю), гордо выпрямилась, и все мое существо закричало внутри меня: «Нет, никогда! Во имя чего, для кого?» Он церемонно поклонился мне и начал урок. А я весь день была выбита из колеи. Завтракала я у себя, так как все дети кушали лишь своей семьей, и только по воскресеньям и праздникам к высочайшему завтраку приглашали свиту, воспитателей и некоторых лиц.

В этот день у меня перебывали все родные. Вся моя квартира была полна цветами, конфетами, тортами. Мне особенно приятно было видеть маму, тетю Наташу²⁰ и Татушу²¹. Все они всячески старались придать моему жилищу красоту и уют.

16-го числа я проводила маму в Москву, и тут началась уже вполне новая моя жизнь, которая продолжалась почти три года. Но все они были полны столькими событиями, впечатлениями и переживаниями, что ими можно было бы заполнить многие годы. Уже через две недели

я так исстрадалась, что, почувствовав это из моих писем, ко мне при-мчался мой дорогой брат, который провел со мной несколько дней. Правда, мы виделись с ним урывками, когда я была свободна, и особенно поздно вечером.

В первые дни я была прямо потрясена поведением Ирины Александровны. Имея инструкции Махи, я в первый же день за завтраком спросила ее, как хочет она провести два часа своего отдыха: хочет ли гулять в саду, кататься в экипаже, бегать на коньках. Мне казалось естественным исполнить ее желание в этом отношении. «Пойдемте гулять в сад», — получила я ответ. Оделись, вышли. Сад невелик, при дворце, весь, конечно, огорожен. Только что мы вошли в него, Ирина Александровна бросилась вперед, встала лицом близко к дереву и начала точно что-то рассматривать. Удивленная этим, я подошла к ней и, ничего не видя, спросила, что это значит. «Я хочу так стоять и молчать», — угрюмо, исподлобья ответила она мне. Я решила выдержать и, отойдя, стала медленно ходить по аллее, не теряя ее из виду. Так продолжался час. Затем, подойдя к ней, я сказала: «Довольно, пойдемте домой!» — и увела ее из сада.

Программа дня, предложенная Махой, была следующая: с 8.30 до 12.30 — уроки, завтрак с родителями, или, когда их нет, с братьями наверху, или же вдвоем у себя, прогулка, чай, два часа занятий преимущественно рисованием и музыкой, обед с родителями, приготовленные уроков, и в 10 часов — спать, после чего я свободна.

Отличительной чертой Ирины Александровны была лень. Ее нужно всегда тащить учить уроки, и, несмотря на то, что она была умная и способная девочка, в ней отсутствовали стыд, самолюбие, любопытность. Она, так же как почти и все они, была пропитана сознанием собственного превосходства над всеми, без всяких знаний, и чувствовалось, что никто никогда не говорил ей правды. Она держалась со мной волчком, упрямым, злым. Не раз она хотела вывести меня из себя, позлить, сделать неприятное. Будучи при ней целый день, я, конечно, дорожила каждым часом свободы то для писания ежедневных писем семье, то для приема у себя близких родных, то для всевозможных покупок для нее же. А она никогда не задумывалась об этом. Неожиданно вскочит и крикнет: «Иду на минутку к тата или рара» — убежит куда-то, где мне нельзя было появляться без специального вызова, и провалится на час-два. Позднее узнаю, что она сидела одна в ванной отца, и читала какой-нибудь запрещенный ей английский роман. Словом, точно стена какая-то вырастала между нами, пробить которую было не в моих силах, и я прямо изнемогала от гнетущего чувства ложности своего положения.

Частые свидания с Махой не помогали мне, так как я вскоре поняла, что, прожив с ней более пяти лет, Ирина Александровна, в сущности, ее не любила. Единственной радостью этого тяжелого для меня времени были мои ежедневные поездки к любимой бабушке, уже тяж-

ко больной, и к моим тетям, к Татуше и к преосвященному Арсению, только что выбранному от духовенства в Государственный совет и жившему в уютной квартирке в Александро-Невской Лавре. Там я вновь находила себя и мир и покой душе.

В конце января Ксения Александровна дала большой бал (свыше 300 человек). Я должна была присутствовать и могла легко пройти внутренними ходами, но Шателен объявил мне, что это не принято, так как имело бы слишком интимный вид. Поэтому нужно было одеться, выйти и двором дойти до главного парадного крыльца. Я одна из всех жила во дворце, все остальные жили во флигелях. Это указание Шателена было смешно, но я ему подчинилась, так как еще не освоилась с новой жизнью, а позднее поступала так, как сама находила нужным. Бал был блестящий, но у меня не было знакомых, я не танцевала, а за ужином сидела за свитским столом с Фогелем, и оба мы весело многое критиковали: у него острый насмешливый ум.

Однажды, будучи более обыкновенного огорчена поведением Ирины Александровны, я вырвалась утром и поехала к преосвященному Арсению, которого нашла одного. Он, как всегда, принял меня ласково и сразу понял мое настроение. Я горячо ему все высказала, с малейшими подробностями. Он ни разу не прервал меня, а затем вдруг сказал мне: «Что Вас удерживает здесь? Уезжайте завтра же. Чувствуйте себя вполне свободно, пусть Вас ничто не угнетает». Я не забуду этой минуты. Почему я несу этот гнет, эти бессмысленные путы? Брошу все и уеду. Неужели я не найду другого места? Ведь попечитель Московского учебного округа предлагал мне место начальницы женской прогимназии, которая будет открыта весной в Серпухове. Эти мысли промелькнули в моей голове, и я вздохнула свободнее. А владыка тем временем говорил мне, что с нравственной точки зрения нет оснований оставаться при дворе; другое дело — материальная сторона. В конце концов он советовал остаться с полгода при своих обязанностях, вытерпеть все это как послушание Богу, стараться не гореть и равнодушно относиться ко всему. Мысль о возврате в Москву никогда меня не покидала, делая меня независимой и сохраняя меня в том виде, как я была дома.

Подумав несколько раз обо всем, что меня мучило в новом моем положении, я решила сделать последнюю попытку — поговорить с самой Ириной Александровной. Выбрав время, когда мы остались одни и никто не угрожал помешать нам, я спокойно сказала, что хочу серьезно поговорить с ней. Она вся как-то собралась, покраснела и очень смутилась. Наша беседа продолжалась долго, больше двух часов. Она внимательно слушала меня и, мне казалось, все более и более понимала, что я хочу внушить ей.

Вот, вкратце, что было сказано. Она молода, способна (в этом я убедилась) и, имея все блага земные, все возможности учиться, расти духовно, имея возможности интересно заполнить свое время, — она

скучает, не знает, что делать, полна какими-то глупыми шалостями и капризами, дразня близких, ничего им не давая, не любя никого. Только черствый и холодный эгоизм! Я взяла обязанности ее воспитательницы по двум причинам: во-первых, облегчить тяжесть содержания семьи, помочь больному отцу, а во-вторых, постараться сделать все, что только есть в моих силах, чтобы ее жизнь была возможно более счастливой, радостной, интересной. Первое я исполняю свято, второе без ее содействия я сделать не в состоянии. Для этого необходимо полное наше доверие и ее послушание мне при исполнении ее главных обязанностей: учения, отношений к окружающим и т.д. Так как эти две первые недели убедили меня в противном, я решила уйти от нее. Моя жизнь до сих пор была полна и интересна, и я не хочу даром тратить время и силы. Путь она призадумается над моими словами и последит за своими поступками. Под конец я прибавила, что отнюдь не дорожу своим внешним положением, при котором видишь часто в людях лесть, низкопоклонство, заискивание; я дорожу больше всего искренним, сердечным отношением. Пусть она раз навсегда знает, что я не нуждаюсь в ней, как в великой княжне, а подхожу к ней, как к многообещающей девушке. На днях я переговорю с ее матерью и уезжаю в Москву. Она несколько раз менялась в лице и, когда я окончила, тихо сказала: «Прошу Вас, не делайте этого. Я постараюсь измениться и буду Вас слушаться». Я поставила срок — месяц.

С этих пор жизнь потекла для меня легче: не то, чтобы Ирина Александровна круто изменилась, но она стала ближе ко мне, стала с большим доверием относиться ко мне. Как-то раз она сказала мне, что до меня она всегда просила противоположное своему желанию, зная наверное, что поступят именно обратно ее просьбе. Странная метода! Скоро со мной она перестала хитрить, зная наверное, что я сделаю по ее желанию. Найдя ее прогулки скучными, я просила Ксению Александровну позволить нам гулять по улицам, а в случае усталости брать извозчиков, на что получила согласие. И мы начали с ней гулять, делать мелкие покупки, наслаждаться дивным видом набережной Невы и самой красавицей-Невой.

Мать безалаберно давала ей деньги: вдруг даст ей 200 рублей и даже больше; Ирина Александровна сразу просила купить ей ее любимый земляничный торт в известной кондитерской Иванова, и готова была уплетать его чуть ли не сразу. Я, разумеется, положила этому конец, и стала давать ей ежемесячно 25 рублей с полным отчетом в расходах, чтобы приучить ее хоть к маленькому счету и экономии. Перед днями рождений и днями ангела в семье она стала покупать подарки, сама выбирая их. Однажды, обойдя магазины Гостиного двора, она увидела старушку с внучкой, которая что-то соображала, имея в виду три рубля. «Ты не можешь всего купить — мало денег, — твердила бабушка, — нужно отказаться от куклы и купить братцу книжку». Лицо девочки вытягивалось. Я делала вид, что выбираю вещи, но украдкой

наблюдала Ирина Александровна быстро вынула 10 рублей золотом и также быстро сунула в руку девочке, выбежав из магазина. Я последовала за ней и тихо сказала ей: «Молодец!» А затем стала оживленно рисовать картину радости этой девочки: ведь, в сущности, эти 10 рублей для Ирины Александровны были ничто, а в жизни ребенка будут одним из светлых происшествий, которое она никогда не забудет.

Педагоги. — Братья Ирины Александровны. — Придворные

Мало-помалу я втягивалась в новую жизнь, знакомясь все ближе и ближе с окружающими людьми.

У старших трех мальчиков — Андрея, Федора и Никиты Александровичей, было два воспитателя: швейцарец-француз Алоизий Марцеллинович Никкиль и англичанин Герберт Стюарт. Первый был разносторонне образованный человек, культурный, лет уже за сорок. Он прекрасно владел многими языками (русским, польским, немецким, английским), любил науки, искусства, спорт, был фотограф-художник. Словом, это был человек большого внутреннего содержания и человеческого достоинства. Он нисколько не стеснялся сказать правду, как бы она ни была неприятна, высказать свое презрение к высочайшей грубости, и часто его остроты блистали как лезвие ножа. Он не способен был на какую-либо пошлость, тем более низость.

Другого пошиба был второй — англичанин. Не знаю близко англичан, но этот пыжился важностью и преисполнен был гордого сознания, что принадлежит к этой единственной во всем мире нации. Он колотил своих учеников, был часто и несправедлив. Когда уезжал в отпуск на родину, то привозил оттуда детям роскошные подарки, представляя в контору двора великого князя счет для оплаты. Последний это знал, но никогда не делал замечания. Воображаю, что было бы, если бы так поступил русский. Он, Стюарт, был рыболов-художник, страстно любил этот спорт. Где только он ни ловил рыбу разными способами, преимущественно на спиннинг: и в родной Шотландии, и в Австралии, и в реках и озерах около Петербурга, и т.д. Ему дозволялось заниматься этим делом в царских заповедниках, причем он считал своим долгом самую большую рыбу — например, форель фунтов в 10, преподносить в подарок царской семье.

Два старших мальчика, Андрей 14-ти лет и Федор 12-ти лет, были тупые, неспособные, малоразвитые дети; второй, сильно развитый физически, к тому же был груб и невоспитан. Третий, Никита, был полной противоположностью старшим братьям: худенький, бледный, подвижный, как ртуть, всем интересовавшийся, тонко наблюдавший и чувствовавший, он был украшением семьи, и я очень полюбила его, глубоко и нежно. Отец в шутку называл его Егоза Егозович Егозкин. Он был шаловлив и задира. Все это искупалось его чудным сердцем.

Ему было 11 лет, учился хорошо, был способен, а главное, заботлив и добр ко всем. Несмотря на свой малый возраст, многие тяжелые минуты он смягчил для меня.

Младшие братья, Дмитрий (красавец), Ростислав (очень способный и самолюбивый) и маленький Василий 4-х лет, были еще на руках гувернантки-англичанки мисс Костер, которую все они сокращенно называли Нана.

Во главе придворных стоял Владимир Андреевич Шателен — хитрая лиса. Рассчитывая на мою дружбу с его женой Махой, он хотел забрать меня в свои руки и просил держать его в курсе жизни Ирины Александровны. Но он горько ошибся. Я с самого начала держалась на официальной ноге и очень редко бывала у них, несмотря на усиленные приглашения. Фогель подробно рассказал мне о нем. Шателен был давно женат, имел уже большого сына. Бросил жену из-за Софьи Дмитриевны Евреиновой, фрейлины Ксении Александровны, которая безумно его любила. Жена не давала развода для женитьбы на Евреиновой. Он стал тайно ухаживать за Махой и, наконец, женился на ней. Когда Софья Дмитриевна узнала об этом, она тяжело заболела и порвала всякие отношения с Махой, с которой до этого была якобы дружна. Когда Шателен спрашивал позволения у великой княгини на женитьбу, то она, недослушав его, радостно воскликнула: «Как я счастлива, наконец, за Соною!» — и была крайне удивлена, услышав имя Махи. Эта последняя ничего мне не рассказывала раньше, но я сразу заметила их отношения. Если Софья Дмитриевна была у Ирины Александровны, Маха, войдя, тотчас же молча уходила, и наоборот. И то, что я была как бы ставленницей Махи, держало Евреинову далеко от меня. Я же ее прямо не любила.

Кроме всех этих лиц, был еще адъютант великого князя князь Орбелиани. Маленький, некрасивый, страшно богатый, он был адъютантом покойного великого князя Михаила Николаевича, отца великого князя Александра Михайловича (Михаил Николаевич — сын императора Николая I, и, стало быть, брат императора Александра II). Орбелиани знал отлично моего дядю Дмитрия Александровича Ширинско-го-Шихматова и Сергея Петровича Мезенцева, так как все они служили при великом князе Михаиле Николаевиче. Это был циник, пошляк, глупый, беспардонный, тип аристократа, который полагал, что он принадлежит к какой-то особой высшей породе людей и в жилах его течет другая, «синяя» кровь. Я несколько раз сталкивалась с ним, резко сажая его на место. Он был единственный человек в моей жизни, которому я вынуждена была давать почувствовать, что я тоже графиня.

**Первая поездка домой. — Беспорядки в университете. —
Кончина кн. М.Н.Волконской. — Кончина бабушки. —
Приезд в Петербург отца**

Ровно через месяц после своего пребывания при дворе я навестила свою семью, проведя с нею три дня.

Положение в университете было очень напряженное. Заседания Совета, можно сказать, не прерывались. Многие профессора и приват-доценты подали в отставку в знак протеста против неожиданного увольнения администрации в лице ректора Мануйлова с двумя проректорами профессорами Мензбиром и Минаковым в связи с сильными волнениями среди студентов. Отец невольно оказался исполнителем 4-х должностей: ректора, его помощника, проректора и декана. Он предлагал временно закрыть университет, но Совет был против и просил отца временно возглавлять университет. Мануйлов, покидая свою должность, очень тепло простился с отцом, назвав его «рыцарем автономии». Масса работы, волнений, бумаг обрушилась на отца, а тут еще Центральный комитет партии «17 октября» единогласно постановил выдвинуть его кандидатуру в 3-ю Государственную думу. Я переживала сильные волнения и беспокойство, зная, сколь слабое, хрупкое здоровье у отца, и мне неудержимо захотелось его повидать. Эти дни промелькнули, как миг. Я нигде не была и не упускала ни одной свободной у отца минуты, желая побыть около него; я как бы снова вошла в его переживания. От Государственной думы он два раза наотрез отказался, так же как и от должности ректора университета, выборы которого должны были скоро состояться.

Я оставила в Петербурге двух близких и дорогих мне больных: мать Татуши, княгиню Марью Николаевну Волконскую²², которая всегда отличалась крепким здоровьем, но на 57-м году заболела раком пищевода и проболела всего два месяца, и мою любимую бабушку²³, которая медленно умирала от сахарной болезни. Я бывала очень часто у обеих, и сильно волновалось за них.

При возвращении в Петербург, на вокзале меня встретила Таня-горничная, что меня удивило, так как меня ждала карета. Но всю дорогу она настойчиво расспрашивала про Москву, сказав лишь вскользь, что здесь все благополучно. Но когда я вошла к себе, она объявила, что в 1 час ночи сегодня тихо скончалась княгиня Марья Николаевна. Так сжалось мое сердце. Так бесконечно жаль было Татушу и особенно ее младшую сестру Лялю²⁴ (Ольгу Евгеньевну), оставшихся полными сиротами и потерявших такую мать. Она была кротка, смиренна, терпелива и безропотно переносившая горькую долю мужа-деспота, была прекрасной матерью. Это был тип русской женщины, не знавшей своей цены.

Весь этот день душа моя рвалась к ее дочерям, но я была занята, и только после 10 часов вечера смогла к ним поехать. Ее увезли хоро-

нить в Москву на кладбище Донского монастыря, где лежит и князь. Все они остановились у нас.

Через три-четыре дня (14 февраля) тихо скончалась бабушка, окруженная многочисленной семьей. Я была вечером 13-го у нее, но она уже никого не узнавала и не говорила. Мама и Маня²⁵, жена брата, приехали на другой же день; Муся же должна была остаться с отцом. Около гроба бабушки (она умерла 80-ти лет) крепко сомкнулась вся семья, приехали отдать последний долг многие друзья и близкие знакомые. Отпевали ее 17-го февраля в домово́й церкви протопресвитера Желебовского. Отпевал преосвященный Арсений, накануне служивший около нее парастас (погребальную всенощную), после чего вся семья и он положили ее в гроб, в котором перебивали все ее дети и внуки, чтобы, по словам старшего сына, дяди Алексея Александровича, «согреть для нее гроб». Прощание преосвященного Арсения было трогательным и умильным, он произнес прекрасное прощальное слово, которое закончил словами: «Каждому из нас есть чему поучиться у нее». Тело бабушки свезли в небольшое ее имение «Архангельское», где в храме находится усыпальница Ширинских-Шихматовых

За эти дни я поняла и как бы быстро научилась жить двойной жизнью. «Казаться, а не быть!» — часто повторял папа, говоря о Петербурге. Не принято обременять окружающих своими переживаниями, особенно горем: нужно быть оживленной и веселой И должна сознаваться, что это мне скоро удалось великолепно: я все упрятала глубоко, глубоко, а наружно бывала спокойна.

Бесконечно порадовал меня краткий приезд отца с университетской делегацией к министрам Кассо и Столыпину. Я уже многое забыла из этого времени, забыла подробности хлопот отца. Помню, что ни одного профессора не вернули, несмотря на ходатайство всего университета. Единственно, чего добился отец, это то, что впредь полиция самовольно входить в университет не будет. Главная власть в нем ректора, и только по его вызову она может являться. Это устраняло много нежелательных конфликтов между нею и студентами. Столыпин обещал и сделал это, переговорив по телефону с московским градоначальником, но прибавил отцу: «Сообщаю Вам это не для Совета университета и не для печати».

Поездка в Царское Село. — Знакомство с детьми царя. — С.И.Тютчева

19 февраля я, наконец, побывала в Царском Селе. Помнится, что мы не ездили туда из-за карантина: кто-то болел из царских детей. Ехали Ирина Александровна со мной и трое младших мальчиков с мисс Костер. Заранее был заказан вагон, а в Царском нас ждали кареты. Во дворце, скинув внизу шубы, мы по винтовой лестнице поднялись в апартаменты детей, которые были обширны: с одной стороны

коридора столовая, классная-гостиная, спальня двух старших дочерей Татьяны Николаевны и Ольги Николаевны, затем — двух младших Марии Николаевны и Анастасии Николаевны. С другой стороны — комнаты наследника и его няни Марьи Ивановны Вишняковой. При дочерях состоит воспитательницей москвичка, внучка поэта Софья Ивановна Тютчева, с которой я была давно знакома. Она была гораздо старше меня. Ее младший брат кончил Московский лицей вместе с моим братом, и они бывали друг у друга. Софья Ивановна представляла собой тип московской дворянки, тип яркий, вполне законченный. Это — женщина глубоко верующая, искренне преданная Государю и его семье, женщина, которая не пойдет ни на какие компромиссы, которая настолько независима, что, когда нужно, скажет всю правду всем, даже самому Государю. Она встретила меня очень ласково и тепло, называя меня Котей, что было мне очень приятно, и тотчас познакомила меня со всеми детьми.

Старшая, Ольга Николаевна (тогда, кажется, одиннадцати лет), имела что-то общее с отцом. Это была высокая, цветущая девушка; ее манеры, улыбка, обращение привлекали вас к ней: вы чувствовали в ней доброту, желание быть приятной. Способная и умная девушка, она была любознательна, любила учиться, читать, интересовалась всем. Татьяна Николаевна была чем-то неуловимым похожа на Ирину Александровну, но, очевидно, пример старшей сестры многое стусеживал. Третья, Марья Николаевна, самая неразвитая из них, была очень красива: белокурая, с черными бровями, точно нарисованными, с синими дивными глазами, была для своих лет уже высока ростом, и все предвещало в ней редкую красавицу в будущем. Младшая, Анастасия Николаевна, самая развитая из девочек, была умна, наблюдательна и лицом напоминала мать-царицу. Наследник, еще ребенок, удивительно красивый мальчик, избалованный всеми, был весь словно точеный по правильности своих черт; он гордо, прямо носил свою головку, в которой чувствовался характер, ум и сознание «своей воли».

Мы оставались обедать. Обед был сервирован на круглом столе. Я сидела с Софьей Ивановной Тютчевой с одной стороны, по другую имея Алексея Николаевича. Он все время смотрел на меня и несколько раз обращался с кое-какими вопросами. Я была абсолютно со всеми равна, много говорила с Софьей Ивановной и няней наследника Марьей Ивановной. Первая водила меня в свое помещение, много дала мне полезных советов; после свиданья с ней я почувствовала себя сильнее, крепче: она мне всегда поможет, направит. Мы обе тепло, любовно вспоминали Москву и наших некоторых общих знакомых. Было так хорошо, уютно сидеть с ней. Сделали визиты всем фрейлинам императрицы Александры Федоровны. Старшая из них, княгиня Оболенская (гораздо старше меня), высокая, худощавая, очень породистая, с чем-то холодно-непроницаемым в лице, была дружна с Софьей Ивановной и поэтому приняла меня приветливо и приглашала к

себе. Были у бывшей фрейлины императрицы княгини Орбелиани, сестры нашего адъютанта — у нее красивое, милое лицо, но она страдает параличом ног и не покидает кресла, живет всегда во дворце на всем готовом. Императрица о ней заботится, любит ее, часто навещает.

С Марьей Ивановной тоже нашлось немало общих знакомых, преимущественно из монахинь. Она воспитывалась в каком-то закрытом заведении. Говорили, что императрица ее не любит, но терпит из-за сына, который очень к ней привязан. Таковы же чувства, очевидно, были и у Марьи Ивановны. Ее я знала мало, но она меня не очаровала. Во всяком случае, для такого интересного и умного ребенка можно было бы найти человека более подходящего.

**Муся и Марья Игнатьевна в Петербурге. — Мои духовники. —
Протоиерей Ильинский. — Отец Варнава. —
Протопресвитер Шавельский. — Отец Ипполит**

Скоро приехали меня навестить Муся и Марья Игнатьевна²⁶, которые прогостили в Петербурге дней десять. Мне было бесконечно приятно обставить их возможно хорошо. Все свободное время я проводила с сестрой, а когда была занята, она ездила к родным и друзьям. Она познакомилась с Ириной Александровной и представилась Ксении Александровне. Особенную же радость доставила мне возможность побаловать мою дорогую труженицу Марью Игнатьевну, всю жизнь отдавшую нашей семье. До нас она жила в другой семье и вынянчила трех детей. В это время они жили в Петербурге все вместе, и Марья Игнатьевна несколько раз ездила к ним в карете. Это было для нее необыкновенно приятно. Я накупила ей всяких вещей, что ее волновало, и вызывало в ней милое ворчанье: «Вот транжирка! Вот сорит деньгами!» и т.п.

Наступил великий пост, и мне нужно было выбрать себе подходящего духовника. С детства у нас стоял этот вопрос очень серьезно. Первая моя исповедь была у протоиерея Ильинского, который был законоучителем еще у моей матери. Он когда-то блестяще окончил Московскую Духовную академию и был назначен приходским священником в Москве, в Замоскворечье. Он был очень счастлив в супружестве, но, к сожалению, рано овдовел. Его жена скоропостижно умерла в храме в Светлую ночь. Службе в приходе он отдался весь и всех знал. Ему не раз предлагали принять постриг и сделаться епископом, но он всякий раз отказывался, а однажды, когда его не оставляли в покое, к московскому митрополиту отправилась целая депутация прихожан, прося митрополита «не лишать их отца». Просьба была уважена. Часто он проводил у нас вечера, часто родители ездили в его маленький домик-особняк (на Б.Полянке у церкви Успения в Казачьем). Это был живой, блестящего ума человек, с очень мягким, ласковым сердцем, особенно для нас, детей. Мы его все очень любили.

Кроме него, «летним», как мы его называли, был старец отец Варнава, живший в Черниговской обители около Лавры. Но как-то раз, по случаю его отъезда, мы обратились к монастырскому духовнику в Лавре, отцу Ипполиту, строгому аскету-монаху, который направлял нас по своему пути: «Молясь, никогда не высказывай не только требований, мольбы, но даже желаний. Господь все видит, все знает, все устроит сам. Нам лишь нужно верить и подчиняться его святой воле». Отец Варнава и мой папа были совсем другого мнения: «Бог — это высший отец наш небесный, родной и близкий, к которому следует всегда со всем обращаться. Ты можешь и должен просить у него все, что тебе нужно, что тебе хотелось бы иметь».

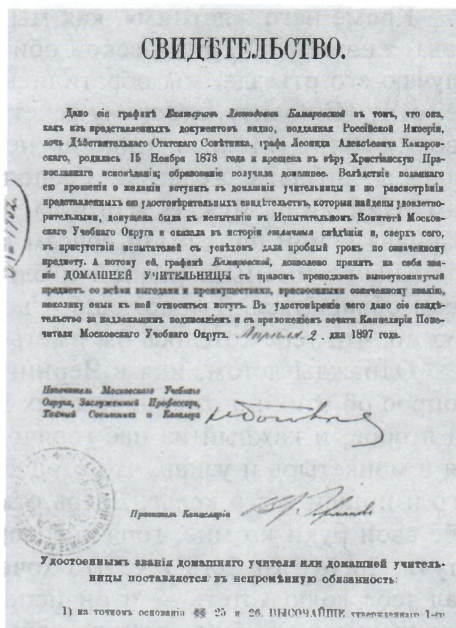
Однажды летом, идя в Черниговскую обитель, отец и я затронули вопрос об этих противоположных мнениях; я стояла за первое, отец — за второе, и каждый из нас горячо отстаивал свою точку зрения. Придя в монастырь и узнав, что отец Варнава дома, мы захотели навестить его и пошли к его келье. Дверь открывается, он на пороге и, протянув обе свои руки ко мне, горячо говорит: «Дерзай, всегда во всем дерзай, стучи, требуй от бога все, что хочешь. Он твой отец, твой Творец, он дал тебе волю хотеть — и он исполнит». Мы были потрясены его ясновидением: это был ответ на наш спор с отцом.

Теперь вопрос о духовнике меня очень заботил. Я входила в новую жизнь, самостоятельную, и слишком много переживала. Хотелось мудрого, хорошего, а главное духовно настроенного руководителя. Решение этого вопроса я предоставила преосвященному Арсению, который обещал «подумать», и, наконец, указал мне на настоятеля маленькой Суворовской церкви при Военной академии, на отца Шавельского. Суворовская церковь — маленькая и уютная церковка, которая когда-то принадлежала генералиссимусу Суворову и которая, для полной ее сохранности, была помещена, как бы в футляр, в другую церковь; она находилась рядом с домом тети Вари²⁷.

Первую неделю великого поста вся великокняжеская семья говела. Все ходили ко всем службам, которые были укорочены донельзя. Пели хорошо, все было чинно, и я даже чувствовала религиозное удовлетворение. Я всегда стояла около Махи с левой стороны. Мужчины почти все стояли справа. Перед исповедью к Ирине Александровне зашел придворный священник А.Н.Беляев, обратившийся к ней со своими наставлениями и назиданиями, которые меня совсем не удовлетворяли. Он поинтересовался, говею ли я, где буду исповедоваться, на что получил ответ, что у меня есть духовник, имени которого я ему не открыла. Вечером я поехала в Суворовскую церковь, где встретила тетю Варю. После очень хорошей службы я исповедовалась. При этом храме устроена исповедальня, где помещалось большое художественно исполненное распятие. Полумрак горят лишь свечи тишина, какой-то мир, покой... все как будто здесь утихает, очищается...

Е.Л.Камаровская. 1897 г.

Е.Л.Камаровская. 1911 г.

Ф.А.Виноградов. 1911 г.

ВЫПИСЬ ИЗ МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ, ЧАСТЬ ВТОРАЯ, О БРАКОСОЧЕТАВШИХСЯ, ЗА 1913 ГОДА.							
Номер свидетельств и дна.	Место рождения и дна.	Звание, имя, отчество, фами- лия и первоначальные имени, и которыми зрелост.	Звание, имя, отчество, фами- лия и первоначальные имени, и которыми зрелост.	Место рождения	Кто из них заявляет.	Кто с ним поручитель.	Поименно свидетели за- писки по закону.
Номер 25	3	Свердловской губернии Калининского уезда, с/поселка Курьяков, имения Чистобру- чичева Степановича Александровича Иванова Николаевича Николаевича сына, Александровича Александровича, православного Вера Александровна, уроженка Луганской губернии, города Краснодара.	Дочь Е.Л. Камаровской Камаровских Волковских, урожен- ки г.Вологда Вологодской губернии, в браке Волконской, уроженка г.Вологда Вологодской губернии, путьем графини.	36	Александрович Елизавета Александровна	Почти всем: Александрович Александрович Камаровский, Николай Александрович Камаровский и Николай Александрович Камаровский. Все дети Волконских Александровича. Александрович Александрович Камаровский, Александрович Камаровский Александрович Камаровский и Александрович Камаровский.	
					До брака эти оба лица состояли в браке. Московской Никольской, на Арбатъ церковь.		
В 201. 1914 года Август 25.							

Е.Ф.Виноградова (Маслова)
дочь Е.Л.Камаровской
и Ф.А.Виноградова. 1917 г.

Е.Л.Виноградова
(урожд. Камаровская)
и А.Е.Маслова
(урожд. Волконская).
Подмосковье. 1957 г.

Отец Шавельский произвел на меня самое лучшее впечатление, и я, удовлетворенная, успокоенная, вышла от него также инкогнито, как и вошла. Он ни разу не спросил меня, кто я, почему к нему пришла. В конце концов дядя Борис, будучи с ним знаком, выдал меня. Он вдовец, жил с дочерью. В его кабинете винтовая лестница наверх, в алтарь, благодаря чему всегда слышна вся служба. Во все время моего пребывания в Петербурге я продолжала его навещать, и наши отношения были самыми хорошими. От меня он впервые услышал о его назначении на должность протопресвитера военного и морского духовенства после смерти протопресвитера Аквилонова.

**Представление великой княгине Милице Николаевне. —
Поездка на Пасху в Москву. — Дядя Филипп Степанов. —
Профессор Соколовский**

По своему новому положению я должна была быть представлена всем великим княгиням и сделать массу визитов придворным и всем фрейлинам, но все это обошлось как-то быстро и незаметно. Имея положение воспитательницы, я не считалась с «жур-фиксами», поэтому почти никого не заставляла дома и просто забрасывала визитные карточки, получая в ответ такие же. У одной великой княгини мне все же пришлось быть. Это была черногорка Милица Николаевна, жена великого князя Петра Николаевича. Она — тип южанки, высокого роста, дородная, лицо умное, немного надменное. Она приняла меня одну, — других дам принимала сразу несколько, — и подробно расспрашивала, как поставлено дело образования детей при нашем дворе. Но, чувствуя отчужденность этих двух дворов и совершенное различие между ними, я отвечала возможно короче, отговариваясь недавним временем моей службы у великой княгини Ксении Александровны. Фрейлиной при ней состояла моя знакомая Анна Александровна Пушкина, внучка поэта, редко неинтересная, даже глуповатая. Она — сестра жены Сергея Петровича, и я с ней раньше неоднократно встречалась.

В великую субботу меня отпустили на три дня домой. Это был для меня действительно светлый праздник! Я почти не расставалась с моей семьей и много бывала в наших любимых московских храмах. За эти дни я должна была представиться великой княгине Елизавете Федоровне, уже настоятельнице московской Марфо-Мариинской обители, которую она основала после смерти своего мужа, великого князя Сергея Александровича²⁸, убитого в Кремле. При ней продолжал еще служить один из моих дальних родственников, дядя Филипп Степанов, тип хитрого придворного, всегда очень далекого от нашей профессорской семьи. Но когда я бывала ранее на балах, он неизменно относился ко мне благосклонно.

Вспоминается мне один случай из наших с ним отношений. На моих любимых вечерах у профессора Алексева я часто встречалась с

профессором римского права Соколовским. Кроме науки, он увлекался спортом, между прочим, верховой ездой. Однажды он путешествовал по Австрии верхом на лошади. Его где-то приняли чуть ли не за шпиона, а так как у него при себе не оказалось документа, удостоверяющего его ученое звание, поэтому его повезли в университетский город и там произвели ему настоящий экзамен. Он сам об этом рассказывал. Наружность его была комичная: сильный брюнет, с длиннейшими усами и эспаньолкой, очень плотный. Он идеально танцевал и любил это. Мы танцевали с ним доупаду, и он всегда уверял всех, что никто так не танцует, как я. Он был профессором университета и лица, когда там служил мой отец.

Как-то в календаре, который издавался ежегодно к 1-му января, появилась его статья; в ней он горячо настаивал на полном расторжении с университетом, как заведением крайне вредным и опасным для студентов-лицеистов. Все профессора, в том числе и отец, заведовавший университетским отделением лица, подали в отставку, и только обещание попечителя учебного округа отложить эту реформу до осени, не ломать зимой учебного года, вернуло их временно в лицей, причем они потребовали удаления Соколовского, который после этого перестал бывать в профессорских кругах. Всех возмущало, что он, будучи сам прежде всего профессором университета, его же топил. Но он продолжал бывать на балах у великого князя. Во время одного из них он подлетел ко мне, приглашая танцевать с ним. Я окинула его ледяным взглядом и сухо отказала. Так было несколько раз. Наконец, мне это надоело и, видя, что он приближается ко мне уже с дядей Михаилом²⁹, я круто повернулась к ним спиной и сразу же пошла танцевать с кем-то другим. Когда я вернулась, дядя Михаил ждал меня и стал резко укорять в «отсутствии воспитания» и пр., но я упорно повторяла: «Я его не знаю, а главное — не хочу». Брат Сергей тоже подлетел ко мне, но я была неумолима. Отец мой порвал с ним, я — его дочь и ничего общего иметь с Соколовским не желаю.

Дядя Михаил сердился на меня и даже жаловался моей матери, но отец, узнав об этом, лишь крепко меня обнял.

Великая княгиня Елизавета Федоровна. —

Смерть великого князя Сергея Александровича. — Дядя

Андрей в Царском Селе. — Занятия Ирины Александровны. —

Поездки в Царское Село. — Ушиб головы

Великая княгиня Елизавета Федоровна приняла меня одну. Живет она при своей обители в небольшом домике. Во всей ее фигуре, облаченной в светло-серое платье, похожее на монашеское, с белым апостольником на голове, на всем ее прекрасном лице, в глазах — главная черта, которая поражает вас, — это изящество, красота и печаль, грусть. Ходило много слухов и рассказов о ней. Прежде всего упорно

говорили, что она была несчастна с мужем. Его брат, великий князь Павел Александрович, женатый на греческой принцессе Александре, влюбился в Елизавету Федоровну. Говорили, что у них будто бы была даже связь. Александра Иосифовна (так звали жену Павла Александровича) с мужем и первым ребенком как-то гостила под Москвой, в Ильинском, имении Сергея Александровича. Она застала такую сцену, после которой, будучи беременной, сразу родила ребенка и скончалась тут же, в имении. Детей взяла к себе и воспитала их бездетная Елизавета Федоровна. Когда убили ее мужа, она настояла на том, чтобы ей предоставлена была возможность свидания с Каляевым, убившим великого князя; при этом свидании в тюрьме никого не было, оно продолжалось долго, и Елизавета Федоровна, говорили, вышла из камеры потрясенная. Благодаря ее просьбе Каляев не был казнен³⁰. Это было в 1905 г. (кажется, в феврале). Боялись волнений. Великого князя отпевали в Чудовом монастыре. Мама и я были при отпевании, получив пригласительные билеты. Прах великого князя долго находился в часовне Чудова монастыря и только спустя несколько месяцев он был перевезен в Петербург.

В эти дни вернулся с войны (японской) дядя Андрей³¹. Он на собственные средства организовал прекрасный санитарный отряд, который все время работал на передовой линии и спас много людей. Дядя приехал на короткий срок по делам. Перед войной он служил при великом князе Сергее Александровиче и в этот приезд в Москву сразу был принят Елизаветой Федоровной, которая поручила ему немедленно ехать в Петербург и лично передать письмо ее сестре, императрице Александре Федоровне. Приехав в Царское Село, Андрей сразу же обратился к князю Путятину, который тогда занимал какой-то пост при дворе. С ним он тотчас же пошел во дворец, где был принят императрицей в ее будуаре. Прочтя письмо, она стала расспрашивать про Москву, про войну, состояние войск и т.д. Андрей, будучи всегда очень самостоятельным и правдивым человеком, горячо любящим Россию, вполне откровенно и ярко описал ей картину нашей армии. «Подождите, — вдруг остановила она его, — я позову Государя», и вышла. Через несколько минут они вошли оба, и Андрей опять принялся без колебаний и без церемонии описывать одну картину ужаснее другой и про то общее настроение, которое там владело людьми.

В конце разговора высочайшая семья поручила дяде специальную миссию посоветоваться с некоторыми видными общественными деятелями в Москве и составить проект конституции. Получив собственноручные письма царя и царицы к Елизавете Федоровне, он вернулся в Москву, и несколько раз бывал у нас, причем приглашалось несколько человек, из которых я помню Шипова. Вскоре Андрей опять отправился в Петербург. Он всегда здесь останавливался в Национальной гостинице, несмотря на то, что тут жили сестра и братья. В этот раз, не успев он войти в номер, как ему подадут карточку какого-то кор-

респондента. Удивленный, он его принимает. Тот начинает с того, что он уже намучился в его поисках, что он был уже у двух братьев. «Что же Вы, собственно, хотите от меня?» — спросил Андрей. Корреспондент развернул номер английской газеты и, показывая какую-то статью, просил «подтвердить все это». К удивлению дяди, оказалось, что все свидание в Царском Селе было описано с его рассказом об армии и с замечаниями царя и царицы. Он был в ужасе! Ведь при этом никого не было. «Пишите! Я Вам буду диктовать», — сказал Андрей и продиктовал, что сообщение газеты — сплошная выдумка, что он никогда не был в Царском и никакой беседы с царем не вел. Все это по секрету сообщил нашей семье Андрей.

Мой визит к Елизавете Федоровне был непродолжительным. Она подробно расспрашивала меня об Ирине Александровне, об ее характере, вкусах, образовании, о моей жизни там, о преосвященном Арсении, о моем духовнике и т.д. С ней интересно было беседовать: она ясно выражает не только свою мысль, но и все оттенки чувств и настроений. Она сердечна, приветлива, а главное, бесконечно добра. Пожелав мне успеха, она рассталась со мной.

По приезде моем в Петербург жизнь моя потекла уже в известной мне колее до 7-го мая, до отъезда великокняжеских детей и нас, воспитателей, в Гатчину. Занятия шли как-то вяло. Ирина Александровна только и думала, как бы увильнуть от работы. Заставить ее учить по вечерам уроки была целая мука. Кроме того, раннее вставание действовало на нее очень плохо, а вечером уложить ее спать в 10 часов было трудно. Я решила хорошенько присмотреться, ничего не менять, и только осенью произвести некоторые реформы. Особенно не по душе было мне преподавание искусств. Учительница музыки, старушка, которая давала уроки еще самой Ксении Александровне, совсем не понимала своей задачи: она заставляла Ирину Александровну выучивать какую-нибудь вещь не по ее силам и принуждала по тактам долбить бесконечно долго каждую музыкальную фразу. От этого всякая охота к музыке была отбита у ученицы, у которой вообще к ней не было способностей. Позднее я заменила ее другою, которая заставляла ученицу главным образом разбирать «с листа», и вскоре Ирина Александровна стала недурно играть легкие вещицы. Ее музыка была только «для себя» и приносила ей некоторое удовольствие. Учитель рисования заставлял ее рисовать лишь с рисунков; ничего — с природы, ничего — живого, интересного. Я пригласила учителя, который занимался с дочерью тети Наташи, и он сразу же сумел увлечь Ирину Александровну, начавшую делать большие успехи, так как она любила рисовать и была способна к живописи.

На праздники мы всегда ездили в Царское Село, и я все больше и больше очаровывалась дочерьми Государя, особенно Ольгой Николаевной и Анастасией Николаевной. При этих поездках мы часто стали кивались с семьей великого князя Константина Константиновича³²,

которая жила в Павловске. Несколько раз ехали с очаровательным Олегом Константиновичем, умным, развитым юношей, который всячески стремился узнать Россию, народ, его нужды и т.п. Он часто вполне инкогнито ездил по деревням под видом охотника со своим лишь камердинером, делая остановки, ночевки, входил в нужды людей, помогал. Раз как-то во время пути, рассказывая о своей поездке куда-то на север, заметил: «Мы, Романовы, должны помогать царю, знать свой народ, его быт, его нужды». Позднее, участвуя в первой мировой войне и будучи на разведке, он был тяжело, смертельно ранен и, говорили, при смерти сказал родителям: «Я счастлив умереть за родину. Пусть народ узнает, что и Романовы проливают кровь за нее». Однажды, войдя в вагон, заказанный для Ирины Александровны, мы узнали, что с нами едет великая княгиня Елизавета Маврикиевна, жена Константина Константиновича. Я еще не была ей представлена, так как она болела. Я тотчас же предупредила Ирину Александровну, что представить меня великой княгине — ее обязанность, от чего она пришла в ужас, но исполнила эту церемонию хорошо. Елизавета Маврикиевна, протянув мне руку, тепло, сердечно сказала: «Я очень сожалею, что не могла вас до сих пор принять. Ваше имя мне всегда бесконечно дорого, любимо». Дело в том, что моя одна тетка была ее первой фрейлиной, когда она, выйдя замуж, стала жить в России. Великая княгиня, немолодая уже женщина, была некрасива, но очень привлекательна своей женственностью. Мать многочисленного семейства, она, видимо, вся дышит, живет ею, думает обо всех, старается сделать так, чтобы все вокруг нее были довольны и счастливы. Всю дорогу мы оживленно беседовали. Она очень интересовалась моей семьей, отцом, матерью. И это было не напускное, а искреннее, сердечное.

В Царском дети, Софья Ивановна и я оживленно играли во всевозможные игры: лото, жмурки, «мнения», прятки, кольцо, монетку и т.д. Я была самая живая, мне хотелось, чтобы всем было весело, и поэтому с детьми у меня установились самые лучшие отношения. Софья Ивановна, часто уставая, не принимала участия в этих затеях. Бывали с нами и мальчики, сыновья Ксении Александровны, то с воспитателем Никкилем, то со Стюартом. Я любила ездить с первым. Это был очень умный человек, самостоятельный, с которым приятно было бывать в обществе, где он оставался всегда самим собою и никогда не терялся. Я любила также и его уроки; он был требовательным и давал много.

Иногда дома мы с Ириной Александровной завтракали с ее братьями, апартаменты которых были над нами. Однажды мне потребовалась какая-то книга у Никиты, которая была у него в шкафу. Когда я хотела открыть дверцу, тяжелую, дубовую, она косяком упала мне на голову, я моментально на несколько секунд потеряла сознание. Ушиб пришелся на лоб, выше левого глаза. Но я скоро оправилась и поехала кататься с Ириной Александровной. Однако на другой день к вечеру у

меня разыгралась сильная боль в голове с рвотой, и когда я приехала к тетям, они вызвали хирурга, который нашел небольшое сотрясение мозга и прописал полное спокойствие на три дня: лежать, не говорить и никого не принимать. Тетя Наташа убедила меня остаться у них, и я слегла в ее постель. Домой я ничего не дала знать, и ежедневно писала открытки по случаю очень «занятого времени». Ежедневно из дворца Ксении Александровны узнавали о моем здоровье. Оказалось, дворца соскочила с петель еще утром, лакей это видел, и приложил ее, надеясь при случае все исправить. После ушиба ко мне пришел дворцовый фельдшер Н.Н.Лукин, который следил за санитарным состоянием всего дворца, человек грубый, чувственный, я бы сказала, грязный, которого я сразу же невзлюбила. Я попросила меня не беспокоить, при его попытках ежедневно являться, чтобы узнать, «как мое здоровье». Пока я лежала у тети Наташи, я была обрадована приездом ко мне преосвященного Арсения, который долго сидел около меня и своим участливым отношением, тревожными вопросами — я это ясно чувствовала — всей душой хотел заменить мне моих родителей. Как он был ласков и мягок, и как все это странно вяжется с его суровой, даже грубой внешностью.

Когда я вернулась во дворец, я нашла Ирину Александровну больной и с радостью начала за ней ухаживать. Правда, это была небольшая простуда. Я с удовольствием почувствовала, что она приручается ко мне и ей приятно, когда я рядом с ней. Мальчики также стали чаще заходить к ней. Я им показала приемы выжигания по дереву, что их очень заинтересовало, и они стали делать всевозможные вещи. Пока они были заняты этим, я иногда читала им всем вслух, помню «Князя Серебряного» А.К.Толстого, «Исторические очерки» Н.А.Полевого и др. Рамки, ножи для разрезывания книг, плато и другие вещицы из дерева они дарили всем окружающим как свою работу.

Личный архив А.М.Маслова.

(Окончание следует)

Примечания

¹ *Ершова Мария Владимировна* — дочь донского атамана В.А.Ершова, замужем за В.А.Шателеном, подруга Е.Л. Камаровской.

² *Романова Ксения Александровна* (1875—1960) — великая княгиня, дочь императора Александра III, сестра императора Николая II.

³ *Камаровская Мария Леонидовна* (1883—?) — сестра Е.Л.Камаровской (Муся).

⁴ *Камаровская (урожд.Ширинская-Шихматова) Екатерина Александровна* — мать Е.Л.Камаровской.

⁵ *Якунчиков Борис Михайлович* — купец и промышленник, был женат на Варваре Александровне Ширинской-Шихматовой, сестре Е.А.Камаровской.

⁶ *Ширинский-Шихматов Дмитрий Александрович* — брат Е.А.Камаровской, полковник, адъютант вел.кн. Михаила Николаевича, был женат на баронессе фон Корф.

⁷ *Юсупова (урожд. Романова) Ирина Александровна* — княжна, дочь великого князя Сергея Александровича Романова и Ксении Александровны Романовой, жена князя Феликса Феликсовича Юсупова, графа Сумарокова-Эльстон, воспитанница Е.Л.Камаровской.

⁸ *Шателен Владимир Андреевич* — управляющий двором великого князя Александра Михайловича, был женат на Марии Владимировне Ершовой.

⁹ *Романов Александр Михайлович* (1866—1933) — великий князь, внук императора Николая I.

¹⁰ *Ширинский-Шихматов Сергей Александрович* (1866—1916) — брат Е.А.Камаровской, контр-адмирал гвардейского экипажа, участник русско-японской войны, был женат на Наталье Борисовне Штиглиц.

¹¹ Вифания — место рядом со Спасо-Вифанским монастырем и Троице-Сергиевой Лаврой, где семья Камаровских на протяжении многих лет снимала дачу.

¹² Е.Л.Камаровская на протяжении ряда лет была попечительницей большого детского (для девочек) приюта в Москве, находившегося под патронажем великой княгини Ксении Александровны (Ксенинского приюта).

¹³ *Мезенцев Сергей Петрович* — младший из братьев Мезенцевых, был женат на Вере Александровне Пушкиной, внучке поэта.

¹⁴ *Арсений (Стадницкий)* — епископ, ректор находившейся в Лавре Духовной академии, являлся духовным отцом Е.Л.Камаровской.

¹⁵ *Императрица Мария Федоровна* — жена императора Александра III, мать императора Николая II.

¹⁶ *Романова Ольга Александровна* (1882—1960) — великая княгиня, дочь императора Александра III, сестра императора Николая II.

¹⁷ *Ширинский-Шихматов Алексей Александрович* (1862—1930) — брат Е.А.Камаровской, гофмейстер, обер-прокурор Святейшего Синода, был женат на Леокадии Петровне Мезенцевой.

¹⁸ *Камаровский Леонид Алексеевич* (1846—1912) — профессор (декан, ректор) Московского университета, член-корреспондент Петербургской Академии наук, основатель Общества мира, член Постоянной палаты международного третейского суда, один из руководителей партии «17 октября» («октябристов»).

¹⁹ *Виноградов Федор Александрович* — один из воспитателей в семье великой княгини Ксении Александровны, муж Е.Л.Камаровской. Впоследствии директор Жиздринской мужской гимназии, в советское время — преподаватель одного из московских вузов.

²⁰ *Мезенцева (урожд. Ширинская-Шихматова) Наталья Александровна* — сестра Е.А.Камаровской.

²¹ *Маслова (урожд. Волконская) Анастасия Евгеньевна* (1879—1967) — дочь Е.Н.Волконского, жена М.Е.Маслова, генерал-майора свиты ЕИВ, командира лейб-гвардии уланского полка, ближайшая подруга Е.Л.Камаровской на протяжении всей ее жизни.

²² *Волконская Марья Николаевна* — жена Е.Н.Волконского, мать Татуши.

²³ *Ширинская-Шихматова* — мать Е.А.Камаровской, жена кн. Александра Прохоровича Ширинского-Шихматова (1822—1884), сенатора, товарища министра народного просвещения, председателя Императорского общества испытателей природы.

²⁴ *Волконская Ольга Евгеньевна* (1894—1974) — дочь Е.Н.Волконского, сестра Татуши.

²⁵ *Камаровская (урожд. Шамшева) Марья Петровна* — жена Сергея Леонидовича Камаровского (1876—?), старшего сына Л.А.Камаровского, брата Е.Л.Камаровской, члена правления акционерного общества Московско-Казанской железной дороги.

²⁶ *Марья Игнатьевна* — в 1883—1912 гг. няня в семье Камаровских.

²⁷ *Якунчикова (урожд. Ширинская-Шихматова) Варвара Александровна* — сестра Е.А.Камаровской.

²⁸ *Романов Сергей Александрович* (1857—1905) — великий князь, сын императора Александра II. Убит эсером И.П.Каляевым.

²⁹ *Мезенцев Михаил Петрович* — генерал-майор, профессор Академии Генерального штаба.

³⁰ *Каляев Иван Платонович* (1877—1905) — с 1903 г. эсер, член «Боевой организации». 4 февраля 1905 г. убил бомбой великого князя Сергея Александровича. Повешен.

³¹ *Ширинский-Шихматов Андрей Александрович* (1867—1927) — брат Е.А.Камаровской, камергер, адъютант вел. кн. Сергея Александровича, Саратовский губернатор, был женат на Людмиле Карловне фон Мекк.

³² *Романов Константин Константинович* (1858—1915) — великий князь, внук императора Николая I.

КНЯЗЬ Г.Е. ЛЬВОВ В ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ТЮРЬМЕ

Обстоятельства ареста и освобождения.
Март—июнь 1918 г.

В октябре 2001 г. исполнилось 140 лет со дня рождения Георгия Евгеньевича Львова (1861—1925) — видного общественного и государственного деятеля России. В его жизни и судьбе ярко отразились сложные, противоречивые, а порой и драматические события, протекавшие в нашей стране в конце XIX и начале XX столетий¹. Выходец из помещичьей семьи, либерал по убеждениям, князь Львов долгое время в интересах обновления страны отстаивал идеи «союза народа с властью», активно участвовал в земском движении, в благотворительной деятельности. В июле 1914 г. был избран главноуполномоченным Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам (ВЗС), а в 1915 г., после объединения этой военно-общественной организации с Всероссийским союзом городов, возглавил объединенный Земгор. Неспособность высших сфер власти успешно управлять страной в условиях мировой войны побудила Г.Е.Львова в последние месяцы перед Февральской революцией 1917 г. встать в открытую оппозицию к правительству. Он, в частности, ратовал за формирование исполнительной власти, ответственной перед Думой и народом. Несомненно, что Львов, не забывая о собственной карьере, проявлял и искреннее беспокойство за судьбу родной страны. Именно этим определялись его позиция и действия во время Февральской революции. До начала июля он возглавлял Временное правительство, правда, сплотить новую власть и народ ему не удалось.

Князь Львов был политическим человеком, имея в виду его активное участие в политической жизни. Но политика как таковая не была непременным атрибутом и условием его бытия. После отставки он отошел от политических дел, пробыв некоторое время для успокоения в Крыму и Оптиной пустыне, затем обосновался в Москве. Октябрь 1917 г. не принял, в прочность большевистской власти не верил, но, в то же время, в антисоветской деятельности, как это подтверждается различными источниками, участия не принимал.

Ниже публикуются документы, хранящиеся в Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) (Ф. 41. Оп. 1. Д. 94). Они уточняют сведения об обстоятельствах ареста князя Г.Е.Львова 12 марта 1918 г. в Тюмени, его пребывания в тюрьме в Екатеринбурге под следствием и освобождения.

В Западную Сибирь Г.Е.Львов, стремившийся «создать совершенно новые условия жизни», выехал вместе с семьей в конце ноября 1917 г., остановился в

¹ См. о биографии Г.Е.Львова: Памяти Львова // Современные записки. Париж, 1925. Т. 24; Полнер Т.И. Жизненный путь кн. Г.Е.Львова: Личность. Взгляды. Условия деятельности. Париж, 1932; Пушкарева И.М. Г.Е.Львов // Россия на рубеже веков: Исторические портреты. М., 1991. Изданы также воспоминания: Львов Г.Е. Воспоминания. Алексинск, 2000.

Тюмени. Из его показаний видно, что он намеревался заняться коммерческой деятельностью, в частности, торговлей пушшиной. Значительный интерес имеют оценки Г.Е.Львовым особенностей колонизации и развития Сибири, ее богатств, которые, расхищались и гибли при «порочном царском режиме» (док. № 11). На следствии, говоря о западносибирском регионе, Георгий Евгеньевич отмечал, что значение его «не только в смысле наличных богатств, но и в общей экономике России громадно».

Планы Г.Е.Львова, связанные с работой на «экономическом поприще», встретили понимание и поддержку знакомых, в том числе его бывших коллег по земскому движению. В Тюмени вместе с ним находились князь А.В.Голицын и Н.С.Лопухин. Что касается поручика кавалерии Н.В.Заболотского, младшего брата земского деятеля П.В.Заболотского, то он был на службе у Львова, помогая в организационных делах.

Публикуемые документы позволяют уточнить обстоятельства ареста П.В.Заболотского, который на допросе назвал адреса проживания в Тюмени Львова, Голицына и Лопухина. Красноармейцы из отряда М.А.Зайпкуса, находившегося в Тюмени с целью реквизиции продовольствия и ценностей у населения, доставили князя Львова и других арестованных 19 марта 1918 г. в Екатеринбург, в распоряжение Уральского областного Совета. Их поместили сначала в 1-ю, а затем, недели через три, во 2-ю Екатеринбургскую тюрьму, где содержалось много «политических». Г.Е.Львов с товарищами находился там под стражей более двух месяцев. История, действительно, не свободна от парадоксов: либерал Львов как глава Временного правительства 7 марта 1917 г. поставил подпись под постановлением об аресте Николая II и его супруги, и вот теперь он сам оказался в заключении в том же городе, что и бывший монарх.

Поскольку публикуемые документы не содержат описания условий пребывания арестованных в тюрьме, отметим, что они были терпимыми, не отличались особой суровостью². Охранники хорошо понимали значимость задержанных фигур, прежде всего Львова. Г.А.Кабанов, один из чекистов, ставший вскоре участником расстрела царской семьи, писал: «Львова, Голицына и Татищева поместили в большую комнату, каждому предоставили хорошие кровати с мягкими матрацами, с новым постельным бельем, новые шерстяные одеяла...»³ В создании режимных послаблений сыграли роль и деньги, они были изъяты при аресте, но некоторую сумму оставили, дабы «аристократы» могли приобретать продукты. Известно, что на деньги Львова арестованные устроили весной даже маленький огород, выращивали зелень.

Отмеченное не должно заслонять того факта, что следствие велось с большим пристрастием. «На допросах главным образом издевались и насмехались над арестованными областной военный комиссар Голошекин и областной комиссар юстиции М.Х.Поляков»⁴, — свидетельствовал один из работников железной дороги, сидевший в той же тюрьме. Следственная комиссия состояла из М.Х.Полякова, областного комиссара народного просвещения, члена коллегии

² Подробнее см.: Плотников И.Ф. Екатеринбургская «квартира» князя Львова. // Уральский следопыт. 1999. № 7.

³ Цит. по: Труд. 1992. 16 февраля. Подлинник воспоминаний хранится в Государственном архиве Хабаровского края. Г.А.Кабанов забыл назвать Лопухина. Генерал И.Л.Татищев был привезен в Екатеринбург из Тобольска 23 мая 1918 г. (вместе с детьми царской семьи) и помещен в ту же тюрьму, где находился Г.Е.Львов с товарищами.

⁴ Сибирская речь. 1918. 18 июля.

облЧК С.Б.Чуцкаева и областного комиссара по снабжению П.Л.Войкова. К работе комиссии подключился руководитель местных большевиков, областной военный комиссар И.И.Голощекин (хотя официально в комиссию он не входил), проявлявший особое рвение. Следствие упорно пыталось доказать участие Львова и других арестованных в контрреволюционной деятельности, или, по крайней мере, в подготовке к ней; с этих позиций оценивались и планы коммерческой деятельности, предполагавшие поездки по городам Сибири. Показательно, что князь Львов, считавший свой арест недоразумением, возможно, вызванным дезинформацией о создании некоего «Нового русского правительства» в Пекине, заявлял на следствии о полной несостоятельности задержания Лопухина и Голицына, которые «никогда и ни к какой политике не были причастны».

После того, как стало известно об аресте Львова, в Москве его родственниками и бывшими земцами были предприняты серьезные усилия по освобождению Георгия Евгеньевича. Их главный аргумент заключался в том, что князь в антисоветской деятельности не участвовал, доказательств таковой у следствия нет и быть не может. Как подтверждают публикуемые документы, особенно активную и, можно сказать, определяющую роль сыграл адвокат Г.И.Хундадзе, который раньше служил в Земском союзе и хорошо знал Львова, Голицына и Лопухина. Он взялся защищать всех, включая и Заболотского. Благодаря связям и настойчивости, ему удалось добиться вмешательства в дело не только руководителей Наркомюста⁵, но и председателя ВЦИК Я.М.Свердлова.

Между тем уральским комиссарам не хотелось выпускать из своих рук «крупную добычу». Даже после телеграфного запроса Я.М.Свердлова от 29 марта о судьбе арестованных (док. № 10), они продолжали затягивать дело. Используя некоторые противоречия в указаниях из Центра, они затеяли дополнительное рассмотрение, но никакого разоблачительного материала собрать не смогли. Лишь 20 апреля М.Х.Поляков, выезжавший в Москву на съезд комиссаров юстиции,

⁵ 17 марта 1918 г. В Тюменский уездный Исполнительный комитет поступила срочная телеграмма из Москвы: «Предлагаю немедленно сообщить [в] Москву [в] Народный комиссариат юстиции основания задержания князя Львова, Голицына, Лопухина. Если обвинения в конкретных преступных действиях не имеются, арестованные должны быть освобождены. Перевоз арестованных [в] Москву излишен, во избежание эксцессов в пути. За Наркомюст Ширвиндт» (ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 11. Заверенная копия).

Отметим также, что на следующий день после ареста князя Г.Е.Львова, 18 марта, в Тюменский уисполком поступило заявление директора Тюменского коммерческого училища В.И.Колокольникова: «Мне, нижеподписавшемуся, князь Георгий Евгеньевич Львов и Николай Сергеевич Лопухин лично известны, и я выражаю готовность взять их обоих на поруки» (Там же. Л. 12), а также письмо руководителей Тюменского Конского запаса: «По поводу ареста Георгия Евгеньевича Львова мы, служащие Тюменского Конского запаса Всероссийского земского союза, считаем своим нравственным долгом настоящим засвидетельствовать, что Георгий Евгеньевич Львов с конца ноября месяца прошлого года проживал непрерывно в бывшей квартире Довлет-Кильдеева, переданной впоследствии г-же Писаревой, каковая квартира находится рядом с канцелярией Конского запаса, в доме Михалева на Базарной площади. Насколько нам известно, Георгий Евгеньевич жил на покое и вел санаторский образ жизни; из посторонних лиц у него никто не бывал, за исключением родного брата Сергея Евгеньевича, бывшего у него раз или два проездом, и сам он, по нашим наблюдениям, нигде не бывал, на основании чего и полагаем, что Георгий Евгеньевич никакими политическими делами в Тюмени заниматься не мог» (Там же. Л. 15).

проинформировал Свердлова и наркома юстиции П.И.Стучку о ходе следствия. Чекисты, как показывают документы, готовы были смягчить обвинение, применив формулировку о «пособничестве» лицам, готовившим вооруженные выступления против Советской власти. Однако в июне Следственная комиссия вынуждена была принять постановление об освобождении арестованных до суда (заболевший А.В.Голицын был отпущен несколько ранее и уехал в Тюмень к семье). Установить точную дату освобождения Г.Е.Львова, Н.С.Лопухина и Н.В.Заболотского по имеющимся источникам не представляется возможным. Как можно судить по док. № 26, это произошло не позже 2 июля 1918 г. Слухи о побеге Г.В.Львова, как и о том, что его освободили белые после занятия ими Екатеринбургa (город был оставлен большевиками 25 июля), представляются несостоятельными.

Получив свободу, князь Львов выехал в Тюмень. Последующие страницы его биографии известны, они выходят за пределы темы настоящей публикации.

Документы публикуются по правилам современной орфографии, с сохранением их стилистических особенностей. Восстановленные слова раскрыты в квадратных скобках. Сведения о ряде лиц выявить не удалось.

Публикацию подготовил доктор исторических наук И.Ф.ПЛОТНИКОВ.

№ 1

Постановление Исполкома Уральского областного Совета о передаче Г.Е.Львова, А.В.Голицына¹, Н.С.Лопухина² и Н.В.Заболотского³ в распоряжение Следственной комиссии при Екатеринбургском ревтрибунале⁴

№ 1572

19 марта 1918 г.

Следственной комиссии

Постановление

Переданных [в] Комиссариат Западной Сибири тов. Запкусом^а в распоряжение Областного Совета арестованных им князя Львова, Голицына, Лопухина и др. Областной Совет постановляет передать в распоряжение Следственной комиссии при Екатеринбургском Революционном трибунале.

Председатель *А.Г.Белобородов*⁵

Секретарь *В.С.Мутных*

Штамп: Следственная комиссия

*Екатеринбургского Совета раб[очих] и солд[атских]
деп[утатов]*

20 марта 1918 г.

Входящий № 1103

ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 18. Подлинник.

^а Так в документе. Следует читать: «Зайпкусом».

№ 2

**Постановление Следственной комиссии о заключении
Г.Е.Львова, А.В.Голицына, Н.С.Лопухина и Н.В.Заболотского
в 1-ю Екатеринбургскую тюрьму**

[20 марта 1918 г.]

Постановление

Следственная комиссия постановляет: граждан Г.Е.Львова, А.В.Голицына, Н.С.Лопухина и Н.В.Заболотского^а подвергнуть в качестве меры пресечения уклонения от суда и следствия содержание под стражей и заключение в Екатеринбургскую тюрьму.

Член Следств[енной] комиссии *Чуцаев*

ЩООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 18. Подлинник.

№ 3

**Копия телеграммы заместителя народного комиссара юстиции
П.А.Красикова^б руководству Уральского областного Совета**

№ 4729

21 марта 1918 г.

Из Москвы. Екат[еринбург]. Срочно.

Копия комиссару юстиции

Примите срочные решительные меры [по] отмене произвольного ареста морским^б карательным отрядом в Тюмени Львова, Голицына, Лопухина, к зачислению их за следственной комиссией и применению меры пресечения, соответствующей деянию их. О результатах срочно сообщите.

За Народного комиссара юстиции *Красиков*

ЩООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 30.

№ 4

**Телеграмма комиссара юстиции Уральской области
М.Х.Полякова Народному комиссару юстиции**

г. Москва

[Не ранее 21 марта 1918 г.]

Народному комиссару юстиции

Задержанные Львов, другие числятся [за] Следственной комиссией Областного Совета. Производятся [в] срочном порядке дознания.

Областной комиссар юстиции [*М.Х.Поляков*]

ЩООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 44. Отпуск.

^а Так в документа. Следует читать: «Заболотского».

^б Так в тексте.

№ 5

**Протокол допроса Следственной комиссией красноармейца
Г.И.Попова об обстоятельствах ареста Г.Е.Львова,
А.В.Голицына, Н.С.Лопухина и Н.В.Заболотского***г. Екатеринбург**22 марта 1918 г.*

Красноармеец Екатеринбургского летучего отряда Григорий Иванович Попов, помощник машиниста на ст. Екатеринбург 1-й, проживающий в г. Екатеринбурге, показал: 9 марта т.г. (нового стиля) на вокзале в г. Тюмени, в 1 классе, к нему днем подошел какой-то неизвестный молодой человек, одетый в штатскую форму, по внешнему виду лет 23, и спросил, указывая на проходящих красногвардейцев, что это за люди, т.е. солдаты или красноармейцы. На это я ему ответил, что это красногвардейцы. На другой день, 10 марта, на той же станции днем ко мне снова подошел тот же самый человек и опять спросил то же самое: что это за люди? На это я ему ответил, что это карательный отряд. Больше таких разговоров с ним я не вел. Через день после этого, т.е. 12 марта, когда мы, как участники манифестации, вследствие годовщины революции, двинулись с вокзала в город, тот самый человек пошел возле отряда с левой стороны вместе с другим собравшимся народом из числа зрителей по направлению к городу же. Долго ли он шел возле отряда и куда в конце концов направился, сказать на могу, т.к. потерял его из виду. После возвращения с манифестации, когда весь отряд наш обедал в буфете первого класса, опять тот же неизвестный человек снова подошел ко мне в то время, когда я сидел за столом и ел, и спросил: кто это такие обедают. Я ответил ему, что это обедают члены революционного отряда. После того, как я кончил есть, я поднялся и отошел в сторону, а на мое место сел один из товарищей по отряду, к которому тот же неизвестный подошел и завел с ним какой-то разговор. Тогда я подошел к неизвестному и заявил ему, что он уже три раза обращался ко мне в разное время с одним и тем же вопросом, и теперь зачем-то спрашивает сидящего товарища, и тут же предложил неизвестному отправиться со мной в штаб отряда, находящийся тут же на станции. Задержал я неизвестного и повел его в штаб потому, что поведение его мне показалось крайне подозрительным. На мой вопрос, кто он такой и не едет ли куда-нибудь, неизвестный ответил мне, что он едет в Омск, где у него находится семейство. После того, как неизвестный был приведен в штаб, я пригласил товарища Зверева, адъютанта карательного отряда, который в моем присутствии производил допрос задержанного мною неизвестного человека, оказавшегося, по имевшимся при нем документам, поручиком кавалерии Николаем Васильевичем Заболотским.

Из допроса Заболотского выяснилось, что в Тюмени находится князь Львов, который часто бывает у Лопухина, имеющего в Тюмени квартиру, а этот Заболотский находится на службе у Львова. Тогда же решили ехать к Лопухину для ареста Львова. По прибытии в квартиру к Лопухину, Львова там не оказалось, и самого Лопухина там не было. О

последнем было семейными сказано, что он куда-то вышел и скоро придет. В то же самое время я заметил одну барышню, направляющуюся выйти из квартиры; она была мною остановлена и возвращена обратно. Спустя некоторое время пришел сын Лопухина; его сейчас арестовали и отправили на вокзал в штаб карательного отряда. Тогда же на улице этими товарищами был замечен один старик, проходящий через площадь недалеко от квартиры Лопухина, который, видимо, заметив стоящих у квартиры Лопухина матросов и красногвардейцев, побежал через площадь. Товарищи мои сейчас сели на извозчика, нагнали этого старика, одетого в черный пиджак, пимы^а и шапку с ушами, и тут-то на вопрос, кто он таковой, старик заявил, что он князь Львов. Его арестовали и увезли на станцию в штаб отряда⁷.

К сказанному добавлю, что при обыске в квартире у Лопухина семейными было заявлено, что один из сундуков принадлежит экономке. При вскрытии сундука обнаружены: мужское белье, гимнастерка с судейскими погонами и, совершенно отдельно, одна пара погонов. Относительно гимнастерки семейные Лопухина объяснили, что она князя Львова.

Настоящее показание сделано в присутствии комиссаров: юстиции и военного Уральского областного Совета

Григорий Иванов Попов

С подлинным верно:

Областной комиссар юстиции [М.Х.Поляков]

ЩООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 6—6об. Подлинник.

№ 6

Акт об изъятых у Г.Е.Львова и Н.С.Лопухина вещах в Тюмени

22 марта 1918 г.

Бывшим военным комиссаром Северного района и Западной Сибири Михаилом Антоновичем Зайкусом⁸ переданы:

вещи, принадлежащие гражданину Георгию Евгеньевичу Львову: а) большой кожаный портфель с письмами и документами, б) брезентовая сумка с записными книжками и в) общая тетрадь.

вещи, принадлежащие гражданину Лопухину Николаю Сергеевичу: а) кожаный красный складной портфель с письмами, б) кожаный черный бумажник с документами и записками и в) три картонных папки с перепиской и бумагами, с надписью на одной из папок — «Личные дела», на другой — «Частная переписка». Все перечисленное в настоящем акте сдано мною.

Зайкус

С подлинным верно:

Областной комиссар юстиции [М.Х.Поляков]

ЩООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 6. Подлинник.

^а Пимы — меховые сапоги у северных народов.

№ 7

**Показания бывшего военного комиссара Северного района
и Западной Сибири М.А.Зайпкуса по делу Г.Е.Львова,
А.В.Голицына, Н.С.Лопухина и Н.В.Заболотского***22 марта 1918 г.*

Какой-то Львов приезжал к князю Львову 12 марта в 1 час вечера, неизвестно, был ли это б[ывший] прокурор Святейшего Синода⁹ или брат князя Львова, крупный заводчик Урала¹⁰. По описанию прислуги и др[угих] лиц, которые видели Львова, я предполагаю, что данное лицо — б[ывший] обер-прокурор (роста выше среднего, полный, маленькая бородка, плешивый). Данный Львов приехал из Камышлова и находился в квартире князя Львова. Мною были обысканы все номера и гостиница, но нигде его не нашли, я предполагаю, что приехавший Львов должен находиться на квартире князя Львова. Мною в два часа ночью был послан отряд для производства обыска в квартире. Приехав, отряд начал стучаться в двери, заявив, что стучится офицер. После некоторого молчания ворота были открыты. Отрядом был произведен тщательный обыск, но никого не нашли. На вопрос, заданный прислуге, кто был, она ответила, что сейчас выбежал господин, приехавший несколько часов и куда-то скрылся. Отрядом был произведен обыск всего двора, конюшен и пр. Но нигде его не нашли. Он, по всей вероятности, перепрыгнул через забор и скрылся. Кроме того, князь Львов жил без всякой прописки (хотя 15/III было объявлено военное положение в приказе № 1 было определено сказано: «Все лица обязаны быть прописаны под страхом наказания до 10 месяцев общественных работ»). Квартира помещалась в канцелярии Конского запаса¹¹, помещающегося на Сенной площади. Все письма были адресованы «Писаревой».

Зайпкус

Настоящее показание дано в присутствии комиссаров Урала юстиции и военного.

С подлинным верно:

Областной комиссар юстиции [*М.Х.Поляков*]

ЩООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 2. Заверенная копия.

№ 8

**Показания адъютанта М.А. Зайпкуса Н.И.Зверева
об обстоятельствах ареста Г.Е.Львова, А.В.Голицына,
Н.С.Лопухина и Н.В.Заболотского***г. Екатеринбург**22 марта 1918 г.*

В 20 часов 15 мин. 13 марта н/ст. ко мне, адъютанту карательного отряда, был приведен арестованный нашими красноармейцами молодой человек лет 23—25 в военной поношенной одежде. При моем опросе

выяснилось: означенный гражданин был офицер кавалерии Николай Васильевич Заболотский^а, сначала он нервничал, говорил сбивчиво относительно своего пребывания в Тюмени; но когда я ему пригрозил и потребовал его записную книжку и письма, он стал более откровенен, между прочим, про кн. Львова он говорил, что он часто бывает в Екатеринбурге, познакомился у Лопухиных и поступил к нему на службу за неимением средств для существования. Местонахождение кн. Львова он долго не говорил, но когда я ему дал слово, что не скажу, кто его выдал, он дал подробный адрес, по которому и арестовали кн. Львова и Лопухина. Что же касается знакомства с Лопухиным, то он был еще знаком в 1912 г. в Москве, вместе вращались в высшем обществе. Все переписки арестованных переданы военному комиссару. Больше показать не могу.

Адъютант *Зверев Ник[олай] Ив[анович]*

Настоящее показание дано в присутствии комиссаров: юстиции и военного Уральского областного Совета.

С подлинным верно:

Областной комиссар юстиции

ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 3. Подлинник.

№ 9

Протокол допроса Н.В.Заболотского в Следственной комиссии

23 марта 1918 г.

Протокол допроса
гражданина Николая Васильевича Заболотского,
из мещан г. Лепецка^б

22 лет окончил Московскую гимназию и Тверское кавалерийское училище и ушел добровольцем на войну с 1-го февраля 1915 года, служил в 6[-м] гусарском полку. Эвакуирован из-под Проскурова в 1917 году в ноябре. Воспитывался сначала на средства отца, а затем старшего брата комиссионера в Москве¹². Арестован, как показал, в Тюмени за знакомство с князем Львовым, с которым познакомился в Тюмени, хотя и ранее видел князя Г.Львова и брата, с которым князь имел торговые дела. У брата же встретился с Ник. Сем.^в Лопухиным. Брат предложил мне поехать с Лопухиным в Сибирь, так как я по возвращении с военной службы, до поступления в университет, желал заняться торговым делом. При посылке в Сибирь в г. Тюмень брат просил Лопухина ввести меня в торговое дело. По приезде в Тюмень я прежде всего старался приискать квартиру, так как брат меня просил об этом, намеревался переехать туда. В Тюмень приехал числа 15 февраля вместе с Лопухиным, пробыл там я с неделю времени и по совету Лопухина

^а Так в документе. Следует читать: «Заболотский».

^б Имеется в виду г. Липецк.

^в В протоколе допущена неточность: отчество Лопухина — «Сергеевич».

отправился на лошадях в Ялуторовск к тамошнему крестьянину Истюдетскому Луке Андреевичу, чтобы познакомиться с бытом сибирских крестьян. В Ялуторовске пробыл один день и вернулся с поездом в Тюмень. Явившись вечером, в день приезда в Тюмень, в квартиру Лопухина, я застал там князя Львова, с которым и познакомился, причем князь говорил Лопухину, не брат ли я Заболотского (у Лопухина встречал также кн.Голицына раза два). На другой день Лопухин командировал меня в Екатеринбург, сказав, что это он делает, посоветовавшись с князем Львовым, чтобы узнать цены на пушнину в магазине Алина и Ионнова. Делалось это, как предполагалось, для того, чтобы развязаться с товаром, цены на который начали падать. Намеревались также узнавать об американской, английской, шведской фирмах. По приезде в Екатеринбург ночевал на вокзале и заходил в магазин. Фирма посоветовала мне товар продавать, если есть покупатели, но сама от покупки отказалась. В магазине пробыл минут 20. После этого гулял по городу, смотрел, между прочим, как учили Красную армию. Уехал из Екатеринбурга в тот же день вечером с тов[арно]-пассажирским поездом, потому что пассажирский прозевал. Все время провел на вокзале, где встретил одну барышню с ее отцом, с которым я ехал вместе до Екатеринбурга из Москвы. На вокзале познакомился с торговцем евреем Цейтлин[ым] и с предста[ви]телем иностранной шведской или датской фирм, с которым вел переговоры относительно продажи пушного товара. По приезде в Тюмень (вместе с Цейтлиным я ехал в одном поезде) был у Лопухина, которому передал об исполнении поручения в Екатеринбурге и о предложениях Цейтлина, но Лопухин продать пушнину отказался, находя цены не подходящими. На другой день вечером Лопухин сказал, что, посоветовавшись с князем Львовым, он решает послать меня в Тавду по лесным делам. Но видя большую потерю времени и неудобства, связанные с этой поездкой, а также ввиду моей связанности личными делами, поездку мою на Тавду отменили. На Тавду был командирован В.Н.Авдеев, я же, Заболотский, получил поручение поехать в Омск с целью найти покупателя на пушнину. В Омск я поехал тем охотнее, что я намеревался в Омске также поискать квартиру и в случае неудачи поехать для этой же цели, а также чтобы поискать покупателей на пушнину в Томске, Иркутске. За исполнение поручения мне был дан готовый проезд в Иркутск, мне давали письмо Марии Николаевны Колокольниковой к Пустонину (книжный магазин) с просьбой оказать мне содействие. В эту поездку я намеревался отправиться 28 февраля^а. Но был арестован на вокзале с вещами (подушка, чемодан). История ареста такова: Ник[олай] Сер[геевич] дал мне три телеграммы в Москву в имение и до[мой]. Отправляясь для сдачи телеграммы, я просил одного старика похранить мои вещи. Старику этому я показался, видимо, подозрительным своим костюмом, телеграммами и тем, что писал письма. Арестован был я после того, как спрашивал красногвардейцев, из какого они отряда: карательного или железнодорожного. Об организации последнего я слышал в Екатеринбурге.

^а Имеется в виду — 12 марта по новому стилю. События в данном документе датируются то по старому, то по новому стилю.

На вопрос почему, несмотря на то, что все поручения давал Лопухин, Заболотский в письмах от 21 и 27 февраля пишет о поручениях кн. Львова, Заболотский объяснил, что Лопухина он считал лишь передатчиком той инициативы в ведении дела, которая исходила он кн. Львова.

На вопрос в письме от 27 февраля Заб[олоцкий] пишет, что он едет по поручению кн. Львова в Иркутск, в показании же объяснил, что первой целью поездки был г. Омск, до которого и намеревался взять билет. Заболотский разъяснил, что Иркутск предполагал конечным пунктом поездки, а Омск ее первым этапом.

На вопрос в письме от 27 февраля указывается, что командировка в г. Иркутск оказывается очень серьезной, важной для меня. Чем же эта поездка серьезнее поездки на Тавду, о которой говорится в этом же письме, Заболотский объяснил, что поездка на Тавду — эта поездка для будущего, туманного будущего; считая себя не знающим лесное дело, полагал, что добытые сведения не покроют расходов по поездке. Поручение же на счет цен и сбыта мехов и заинтересованность американского рынка в сбыте мехов и вместе с тем связанного сильно с материальной стороной командировавших меня лиц представлялось мне более серьезной, как услуга по отношению интересных в моем будущем лиц. Упоминание в моем письме, что мои поездки могут последовать до Владивостока — была рисовкой перед знакомой барышней, а м[ожет] б[ыть], я предполагал в начале поездки и в Владивосток.

На вопрос участвовал ли в демонстрации 12 марта, Заболотский объяснил, что часть шествия видел из окна вокзала, где ожидал поезда, сам никакого участия не принимал.

Н. Заболотский

При допросе присутствовали члены Следственной комиссии:
Чуцкаев, М. Поляков, Голощекин

С подлинным верно:

Областной комиссар юстиции *[М.Х. Поляков]*

ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 7—8. Подлинник.

№ 10

**Телеграмма председателя ВЦИК Я.М. Свердлова¹³
Уральскому областному Совету**

29 марта 1918 г.

г. Екатеринбург. Срочно. Совдепу

Сообщите немедленно [о] судьбе арестованных Львова, Лопухина, Голицына.

Председатель ЦИК *Свердлов*

ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 127. Подлинник.

№ 11

Письменные показания Г.Е.Львова Следственной комиссии

7 апреля 1918 г.

От напряженной работы в течение 3-х лет, все увеличивавшейся сперва на посту Главноуполномоченного Всер[оссийского] зем[ельного] союза, а затем Министра-Председателя Временного правительства, я захворал от переутомления. Доктора нашли у меня значительное расширение сердца и аорты и определили необходимость продолжительного отдыха и полного покоя. В июле 1917 года пробыл около месяца в санаториях, затем поехал в Ялту, где пробыл также около месяца, пока грело солнце, и в октябре вернулся в Москву. Однако к тому времени я не чувствовал никакого улучшения в своем состоянии здоровья. Д[окто]р Воробьев указал мне, что недельные отдыхи недостаточны для восстановления сил и что если я хочу еще быть способным к работе, необходим радикальный продолжительный отдых и полное спокойствие не неделями, а целые полгода или год. Пробыв в Москве до конца ноября и чувствуя, что общая слабость меня не покидает, я решил, следуя советам докторов, выехать из Москвы и изменить условия жизни, которые [ранее] исключали возможность полного спокойствия.

Имея в виду необходимость создать совершенно новые условия жизни, после некоторого исследования вопроса, я избрал для жительства гор. Тюмень, в котором раньше не бывал, по следующим общим соображениям. Сибирь и сибирская жизнь мне близко знакомы, давно интересуюсь ею и люблю ее. Десять лет тому назад, состоя Главноуполномоченным общеземской организации, в год усиленного переселенческого движения мною была предпринята экспедиция на Амур и Дальний Восток для помощи переселенцам и изучения условий нашей колонизации Восточной Сибири. В экспедиции этой принимали участие более 100 человек интеллигентных работников, и в результате, кроме непосредственного облегчения переселенцам и достигнутых крупных улучшений в переселенческом деле вообще, получился литературный коллективный труд «Приамурье» в виде объемистого тома в 800 с лишком страниц по изучению Амурской и Приморской областей. Данные по изучению были собраны опытными статистиками, научно обработаны и вскрыли всю официальность правительственной политики, не только в переселенческом деле, но и в общей политике по отношению к нашей богатой окраине. Лично меня работа эта связала с Сибирью, привлекла меня к ее жизненным интересам, грубо пренебрегавшимся правительством, и подвинула на дальнейшее изучение вопросов колонизации вообще, для чего я ездил в Америку и в Канаду.

К сожалению, политическая жизнь отвлекла меня в другую область общественной работы, мне не удалось закончить начатой работы, но все вопросы, связанные с колонизацией и Сибирью, остались мне очень близкими и захватывающими мой интерес. Вот почему, когда мне потребовалось подумать о создании новых условий жизни и новой воз-

возможности для моей работы, я невольно и естественно обратился мыслью к Сибири. Западная Сибирь мне была знакома лишь теоретически, но я имел представление о ней, благодаря непосредственному знакомству моему с условиями края и быта также переселенцев на Амуре и Дальнем Востоке. Непосредственная географическая близость ее к Европейской России, более старая колонизация ее и не меньшие, хотя и иного рода, природные богатства ее, заслуживают внимания и изучения, может быть, в большей степени, чем крайние наши восточные области. Перед ней, перед Западной Сибирью, в смысле изучения ее, мы несем еще большие недоимки, чем перед Дальним Востоком, постоянно привлекающим внимание центра своими блестящими богатствами. Западная Сибирь, более однообразная и менее блестящая, успела приобрести обычные формы примитивного экономического быта самого экстенсивного типа сельскохозяйственной промышленности, столь обычной у нас, и не вызывала ни в правительственной, ни в общественной среде никаких экономических беспокойств и интересов. Между тем значение ее не только в смысле наличных богатств, но и в общей экономике России громадно. Особенное значение имеют ее леса, не только по их количеству, определяемому более 110 мил. десятин, но и по их значению на внутреннем и мировом рынке. Их качество и их положение на лучших водных бассейнах давно уже привлекали внимание мирового рынка, нашего же внимания до сих пор они не заслужили. Я не буду касаться здесь возмутительного пренебрежения к природным богатствам Сибири старого правительства и преступного хищнического отношения к ним, не буду касаться и простительного, но безжалостного хищнического хозяйства сибирского крестьянства, уничтожавших общими усилиями народное достояние. Я отмечу только самый факт гибели колоссальных богатств, котор[ый] взывает к культурным силам страны, чтобы они стали на стражу интересов не только местных сибирских, но и всей России. Всему свету через [...]а, и надо надеяться, что закрытая для приложения интеллектуальных сил, заглушаемая порочным царским режимом, не только политическая, но и экономическая жизнь Сибири получит, наконец, возможность приложить свой труд на пользу родине и в Сибири. Эта естественная мысль и законное желание применить свой жизненный опыт и свои силы при новых изменившихся личных условиях жизни в новых общих условиях и легли в основу моего решения уехать в Сибирь, в надежде, если вернутся мне силы, в будущем приложить их в той области, в которой я имею накопленный опыт.

Когда, уезжая из Москвы, я сообщил о своих планах некоторым близким, у них возникли мысли, что многие могли бы приложить свои силы в Сибири не только в изложенном смысле, но и чисто в практических целях — найти заработок в деятельности на экономическом поприще. Несколько лиц решили тогда же, не ожидая выяснения этих возможностей, переехать тотчас же в Западную Сибирь, ввиду тяжелых жизненных условий в Москве: страшной дороговизны и невозможности

^а Далее неразборчиво.

пропитать в ней свои семьи. Было решено прежде других выехать мне, выяснить на месте путем осмотра, в каком из городов окажется удобнее и дешевле жить, и тогда же выехать из Москвы другим. Принципиально при мне в Москве окончательно было принято решение ехать семьями Лопухина и Голицына. В конце ноября, после предварительного запроса телеграммами заведующих отделениями Земгора, разбросанных в разных городах Западной Сибири, я выехал прямо в Тюмень и, выяснив возможность найти в ней квартиры и благоприятные условия в смысле продовольственном, сообщил об этом Лопухину. Через 2 недели приехали в Тюмень семьи Лопухина и Голицына и с ними моя тетка Писарева, в семье которой я живу более 12 лет. Много времени было употреблено на поиски квартир и устройство жизни, ибо общие условия ее и в Тюмени быстро осложнялись. Но, так или иначе, все устроились и были довольны. Я лично получил полную возможность отдыха. Совершенно отрезался^а от внешнего мира, ни с кем не сносился письмами, ни с кем не виделся и даже редко читал газеты. Одним словом, создал условия, которые были предписаны мне врачами. За все время я выезжал из Тюмени 4 раза — и все 4 раза поездки эти имели для меня значение отдыха и знакомства с условиями экономического быта. Первый раз я ездил с Лопухиным в Ялуторовск, на лошадях, познакомиться по пути с сибирской деревней и повидать в Ялуторовске некоего Городецкого, торговца пушшиной, и выяснить с ним положение этого товара на рынке. Мы решили, чтобы сохранить имеющиеся у нас незначительные средства, не держать их в денежных знаках, а обратить в товар. Таким образом, эта поездка имела и некоторое практическое значение для нас лично.

Вторую поездку я сделал с Голицыным на Тавду и Иксу¹⁴. Знакомимся с положением лесной промышленности. Лопухин, между прочим, обратился к лесопромышленнику Шестаеву, который, объясняя условия эксплуатации лесов, предложил нам поехать с ним на место, на его собственную выработку в Пальшинском участке по р. Иксе, и там познакомиться с характером тавдинских лесов и работой в них. Лопухин должен был со дня на день ехать в Москву в Земсоюз, и я поехал с Голицыным. Поездка эта имела для нас большой интерес, так как мы имели возможность не только видеть леса и расспрашивать местных крестьян об их хозяйстве, но и осмотреть подробно эксплуатируемый Шестаевым участок и узнать ход этой разработки не только в освещении крестьян, но и в освещении опытного лесопромышленника. Впоследствии оказалось, что Шестаев желает продать свой участок, но дело нам совершенно не подходило.

Третью поездку я сделал в Осипово-Суерское на ярмарку, где Городецкий покупал пушнину. Кроме прямого интереса в процессе этой покупки, меня интересовала сибирская ярмарка вообще и пушное дело в первых его стадиях. Я вынес из этого знакомства с ярмаркой много поучительного и рисующего положение пушшиной торговли и пушного промысла.

^а Так в тексте.

Наконец, четвертую поездку я сделал с Голицыной в с. Исетское¹⁵, где мы хотели найти квартиры, или, вернее, дачные помещения на лето. Мы знали, что там можно было найти дачи для всех наших семей и поехали осмотреть местность. Действительно, мы удостоверились в полной возможности поселиться там и вынесли о местности самое лучшее впечатление. Но решение этого вопроса откладывали до возвращения Лопухина из Москвы для обсуждения, найдет ли он возможным перевезти свою многочисленную семью за 70 верст в глухую местность. Мы надеялись, кроме того, что обнаружится возможность найти дачу где-нибудь и ближе. Однако Лопухин не встретил препятствий к переезду и всей семьи на лето в Исетское, нигде больше подходящего места не находилось, и мы все вместе решили ехать на лето в Исетское.

Вместе с Голицыным я ездил также в с. Малая Балда для поиска дачи, но эта поездка была нескольких часов, и мы там ничего подходящего не нашли. Вот в чем выражалась за все мое время пребывания в Тюмени моя связь с внешним внетюменским миром. Правда, с самого начала, даже еще в Москве, я намечал себе план поездки в Омск, Томск и в Иркутск, дабы повидаться там с знатоками Сибири, надеясь найти среди профессоров и общественных деятелей не только сочувствие и помощь, но и прямые практические указания и советы. Однако ни состояние моих сил, ни условия путешествия по ж[елезным] дорогам не располагали меня к такому путешествию, и я никуда не поехал. Во всяком случае, я не решился бы по состоянию здоровья ехать куда-либо одному. Когда вернулся из Москвы Лопухин и рассказал мне об образовавшемся там Обществе, кот[орое] дало ему прямые, конкретные поручения, и он должен был ехать в Новониколаевск, я стал рассчитывать на совместную с ним поездку. Но рассказы об условиях переезда по ж[елезным] дорогам меня пугали и удерживали, и я вновь откладывал и откладывал это путешествие и так и не поехал.

Поручив Заболотскому проехать в несколько городов по линии ж[елезной] д[ороги] для собирания сведений о положении на рынке пушнины, мы поручили ему также выяснить, насколько возможно вообще путешествие по ж[елезной] д[ороге]. Я полагал, что простой личный опыт поездки Заболотского даст нам верные данные, кот[орые] и определят нам, ехать или не ехать. Но он был арестован на вокзале в Тюмени, а затем и мы, т.е. я, Лопухин и Голицын. Чем был вызван этот арест, для меня абсолютно непонятно. Дня за 2 до нашего ареста в газетах была помещена телеграмма из Владивостока о том, что в Пекине образовалось, якобы под моим главенством, новое русское правительство. Явная ложь меня мало смутила, однако слова, обращенные ко мне членами отряда Запкуса^а, арестовавшего меня, ясно свидетельствовали о непосредственной связи моего ареста с этим известием. Может, абсурд этой связи был ясен для меня, ушедшего от политической жизни и неизвестно проживавшего почти 4 месяца в Тюмени, но для посторонних, не знавших моей жизни, одновременное мое фактическое пребывание в

^а Так в тексте. Следует читать: «Зайпкуса».

Тюмени и известие о пребывании в Пекине, не исключало возможности подозрений, вызванных этим известием. Но выяснение полного отсутствия всякой связи этого известия с истинной действительностью столь одинаково легко, как с того, так и с другого конца, что я надеялся на выяснение этого недоразумения с течением нескольких дней. Но вот уже четвертая неделя, как я лишен со своими товарищами свободы, и это дает мне повод предполагать, что на почве одного недоразумения выросло какое-либо новое.

Я не могу сосредоточиваться на догадках о поводах к такого рода недоразумениям. В моем фактическом прошлом нет никаких поводов, но мне особенно прискорбно и мучительно, что со мной вместе лишены свободы мои друзья, может быть, и даже, наверное, только за то, что они мои друзья. Если не в настоящем, то в моем прошлом имеется несомненная политическая деятельность, о характере и значении кот[орой] я скажу несколько слов ниже. Друзья же мои Лопухин и Голицын являются поистине жертвами недоразумения только потому, что они мои друзья, что жили в Тюмени вместе с кн. Львовом и вместе с ним выехали из Москвы. Ни тот, ни другой, ни в настоящем, ни в прошлом, ни к какой политике не были причастны, и вся работа их на общественном поприще была далека от политики. Лопухин всю жизнь работал в области чисто практической хозяйственной, а Голицын был земским врачом, и общественная деятельность его не выходила за пределы родного уезда, которому [он] посвятил свои силы. Что касается Заболотного^а, то я увидел его первый раз в Тюмени, совершенно не зная его, но достаточно самого беглого десятиминутного разговора с ним, чтобы понять, что этот юноша не может быть причастен ни к какой политической жизни. Меня гнетет сознание, что люди, обремененные своими семьями, ни в чем решительно неповинные, страдают только за то, что близки мне.

Что же касается лично меня, то недоразумение, жертвой кот[орого] я стал, усугубляется психологическим моментом. Внешняя сторона недоразумения меня мало смущает. Фактическая часть его будет выяснена, и недоразумение рассеется, но психологическая сторона, кот[орая], несомненно, для меня лежит в основе, остается для меня неясной и тяжелой. С этой точки зрения для меня тяжело сопоставление всего моего прошлого с мотивами моего ареста, кот[орые] могут вытекать за отсутствием состояния настоящего революционного момента. Вся моя прошлая 30-летняя общественная деятельность, по существу своему, была непосредственным служением народу, на почве не специфически политической, а на почве деловой строительной работы. Она проходила в непрестанной борьбе с царским бюрократическим режимом за освобождение. В разных стадиях, соответственно исторической эволюции народной борьбы за свободу, она принимала разные формы и различалась разной интенсивностью, но неуклонно она шла всегда к одной цели — к свободе. Начиная с 1891 г., я стоял во главе широких общественных

^а Следует читать: «Заболотского».

организаций по борьбе с голодом. Одиннадцать голодных кампаний я провел в упорной борьбе с царским правительством. В японскую войну я был Главноуполномоченным общеземской организации, сыгравшей столь значительную роль в освободительном движении 1905 г. Затем я был во главе упомянутой мною выше помощи переселенцам на Дальнем Востоке и, наконец, 3 года войны Главноуполномоченным Всер[оссийского] зем[ского] союза, выполнившего колоссальную государственную работу и имевшего крупное и решающее значение в подготовке Февральской революции и свержении царя. Вся эта работа служила постепенному росту общественных сил в чисто деловой общественно-строительной сфере и создавала тем особенно трудные условия борьбы с ними для правительства. Применяя по отношению к этой деятельности всевозможные репрессии, оно не в состоянии было запустить и прекратить ее, как служащую истинным нуждам народа, — в государственно-хозяйственной области. На этой деловой почве росло и политическое значение, и политическая сила общественных организаций и завоевывалась свобода работы и ее влияние. Деятельность Зем[ского] союза во время войны захватила уже все отрасли государственного управления и обнаружила в самых разнообразных сферах сверху донизу всю численность государственного хозяйства и полную несостоятельность его управления. Правительство было уже не в силах бороться с разрастанием организации Зем[ского] союза, уступало ему по всей линии работы и прибегало к мерам борьбы с ним, как местом политической организации. Но было уже поздно. Зем[ский] союз внес уже со своей государственной работой должную силу и влияние в политическую борьбу и вместе со всем народом свергал царя и старый режим.

Революция поставила меня во главе первого революционного правительства, и внешняя и внутренняя связь этого момента с моим прошлым ясна. Но развитие революции имеет свои законы. В своем поступательном движении вперед, она вошла в новые фазы своего развития. Каждый находит в общем движении место, соответствующее его прошлому и его миропониманию и убеждениям. Не все находятся на одних и тех же ступенях революционной лестницы и многие из них, кто в свое время вступил на первые ее ступени, не дошли [и] не могли дойти до следующих. Я лично сошел с нее в момент, кот[орый] определялся моим прошлым и моей ответственностью перед моей совестью. Я ушел от всякой политической деятельности, но именно в этот момент я и подвергся лишению свободы, и я спрашиваю себя, в чем же моя вина перед родиной и народом, которому я служил всю жизнь, — в том, что я служил ему, когда у меня были силы и когда они были нужны и полезны ему, или в том, что я устранился от всякого участия в политической работе, когда у меня их не стало и когда они ему были не нужны.

Я глубоко верю, и никогда ни на одну минуту не утрачивал веры, в совесть и правду русского народа, и уверен, ни в том, ни в другом он меня не обвинит. Арест мой не имеет никакой связи ни с моим прошлым, ни с моим настоящим и не вытекает из истинного положения вещей. Вот почему, в сопоставлении с этим истинным положением ве-

щей, он для меня тяжел, и вот почему я отношу его за счет исключительной психологической атмосферы настоящего революционного момента^а.

Г. Львов

ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 70—71об. Рукопись. Подлинник.

№ 12

Запись показаний Г.Е.Львова на допросе в Следственной комиссии

7 апреля 1918 г.

Георгий Евгеньевич Львов, бывший министр-председатель Временного правительства, родившийся в 1861 году, в присутствии членов Следственной комиссии Областного Совета комиссаров Урала — военного комиссара, комиссара юстиции и [...]б^б управления дал следующие показания, после того, как комиссией было заслушано письменное объяснение Г.Е.Львова касательно причины переезда его в Тюмень и целей поставленных им, вызвавших его отъезд из Москвы, на заданные ему, Г.Е.Львову, вопросы:

— Я не прописывался в Тюмени потому, что при посадке в вагоны при выезде из Москвы паспорт был у меня похищен, а затем, когда новый паспорт был получен мною в Тюмени, я не торопился с пропиской. При разрешении вопроса о поездке в Тюмень мною велись предварительные переговоры с П.В.Глебовым¹⁶, Н.С.Лопухиным, Михайловым, А.В.Голицыным, Сухотиным и другими. Все они отнеслись очень сочувственно к мысли о поездке в Сибирь, причем некоторые из них решили сейчас же выехать из Москвы. Предварительно Глебов, как заведывавший отделом Земконя в Главном союзе (Всероссийском земсоюзе), навел справки о том, какой из городов Сибири является наиболее удобным для поселения в нем. С Николаем Заболотским я познакомился лишь в Тюмени, куда Заболотский приехал вместе с Лопухиным. Брата же Заболотского Пантелеймона знал и раньше, так как он был одним из работников в Земском союзе, проживая постоянно в Москве. Идея образования Общества, которое должно было поставить себе целью эксплуатацию природных богатств Сибири, носилась в умах среди работников Земского союза, но только уже после переезда моего в Сибирь в Москве стали приниматься меры для практического осуществления этой идеи. Весь этот план по созданию Общества осуществился без моего участия, так как меня в Москве в то время не было. В осуществлении этого плана принимали участие Лопухин, Глебов, Голицын, Михайлов, Заболотский Пантелеймон (уже упомянутый мною выше) и некоторые другие. Насколько мне известно, Общество это, как таковое, еще не

^а Документ завизирован И.И.Голошекиным как «членом Следственной комиссии».

^б Далее два слова неразборчивы.

было сконструировано: пока ограничивались лишь предварительным обсуждением. Из товарищей моих, по работе в составе Временного правительства, никто никакого участия в Обществе не принимал, но о предполагающейся организации Общества знали Леонтьев и Щепкин¹⁷.

Никаких собраний не было, кроме обсуждения вопросов, связанных с организацией Общества, шестью, семью лицами, указанными мною. Что же касается заявления, имеющегося в письме Писарева из Эссентуков от 4 января 1918 года, о собрании с участием Щепкина и Леонтьева и происшедшем расколе с Заболотским, то должен сказать, что все же и Щепкин, и Леонтьев активного участия в организации Общества не принимали и сразу же к идее о создании Общества отнеслись отрицательно, и в отношении к Заболотскому полагали, что он, как человек не своего круга^а, должен быть вообще отстранен от всякой работы в Обществе.

Что касается организации в Москве под названием «Русское дело», то по этому вопросу мне абсолютно ничего неизвестно. Уехав из Москвы, я порвал связь и со всеми московскими деятелями, в том числе и с Леонтьевым. За все время пребывания моего в Тюмени я виделся лишь с А.А.Эплером, приехавшим в Омск по поручению Народного банка. С инженером Ладыженским в Сибири я не виделся, знал лишь, что он приезжал в Тюмень, но причина его приезда мне неизвестна. Ничего также я не знаю, виделся ли Ладыженский с Голицыным, Лопухиным. Леонтьев написал мне только письмо с упреками по моему адресу за то, что я совершенно отстранился от политической деятельности (копия рукописи)^б. Н.Заболотскому никаких серьезных поручений не было дано, он был послан сначала в Екатеринбург, а затем в Сибирь с целью выяснения вопроса о том, существует ли спрос на пушнину и какая существует на нее цена. Поездка в Екатеринбург осуществилась, поездке же в Сибирь помешал его арест. Маршрут при поездке Заболотского в Сибирь [был] намечен через крупные города Сибири, но во всяком случае не дальше Иркутска. Сам я намечал поездку в Сибирь, а затем в Америку, но поездка в Америку предполагалась в отдаленном будущем. Я должен категорически заявить, что во всех своих действиях с момента переезда в Сибирь я не преследовал абсолютно никаких политических целей: я хотел работать в области чисто коммерческих вопросов, имеющих, конечно, и широкое общественное значение. У меня до ареста моего никаких обысков не было, у Лопухина же в Тюмени было несколько обысков. При задержании меня я никуда не убежал. Я был остановлен, будучи нагнан извозчиком, каким-то военным, сидевшем в извозничьих^а санях.

Г.Львов

Члены комиссии: *М.Поляков, Чуцкаев*

ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 83—84. Подлинник.

^а Так в тексте.

^б Так в тексте.

№ 13

Обращение М.Е.Львовой к адвокату Г.И.Хундадзе¹⁸

8 апреля 1918 г.

Милостивый государь, Гавриил Иванович!

Прошу Вас принять на себя труд по ведению от моего имени дела, касающегося брата моего Георгия Евгеньевича Львова.

Доверенность эта дана гражданину Гавриилу Ивановичу Хундадзе.

Мария Евгеньевна Львова

Москва. Тысяча девятьсот восемнадцатого года апреля восьмого (марта 26-го) дня. Документ этот явлен в нотариальном отделе 4-го Калужского района, правоспособного к совершению актов, лично отделу известною гражданкою Марией Евгеньевной Львовой, живущей в Москве, по Поварской улице, в доме № 10, подписавшею доверенность эту собственноручно. По реестру № 277.

Штамп:

Народный нотариус

Секретарь

ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 102—102об. Подлинник.

№ 14

Заявление адвоката Г.И.Хундадзе в наркомат юстиции

[Вторая половина апреля 1918 г.]¹⁹

В Народный комиссариат юстиции защитника
Георгия Евгеньевича Львова, Николая Сергеевича
Лопухина, Александра Васильевича^а Голицына
и Николая Васильевича Заболотского
Габриеля Ивановича Хундадзе^б, жив[ущего] по Пет-
ровскому бульвару, дом 2, кв. 6, телефон 5-52-91

ЗАЯВЛЕНИЕ

В ноябре 1917 года ряд прежних руководителей земской и городской России, в том числе бывший председатель Временного правительства кн. Львов, доктор кн. Голицын и мировой судья Лопухин организовали в Москве «Общество содействия торгово-промышленному развитию России», поставившее своей целью производительное использование естественных богатств Северной России и Западной Сибири и имеющее свое пребывание по Кузнецкому мосту в доме № 15.

Задача, поставленная себе Обществом, потребовала изучения местных богатств по реке Оби и ее притокам и выяснения условий разра-

^а Отчество Голицына указано неправильно. Надо: «Владимирович».

^б Фамилия адвоката искажена.

ботки их на месте, и часть учредителей Общества, именно Г.Е.Львов, Н.С.Лопухин и А.В.Голицын, переехали в Тюмень, взяв с собой в качестве сотрудника Н.В.Заболотского. Незадолго до ареста моих подзащитных в Тюмени появился некий Зайпкус, поставленный во главе отряда, который должен был сопровождать продовольственные грузы, идущие из Сибири. Зайпкус своим образом действий возбудил большое недовольство у местного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, и он, покидая Тюмень, захватил с собой Львова, Голицына, Лопухина и Заболотского. Куда вез Зайпкус арестованных, неизвестно, но по прибытии в Екатеринбург областной Совет решил, что жизнь арестованных не гарантирована и перевел их в тюрьму, зачислив за собой. Впоследствии образованная при областном Совете специальная следственная комиссия для расследования дела кн. Львова и др. предъявила к этим последним обвинение в принадлежности [к] преступному сообществу, поста[ви]вшему целью ниспровержение Советской власти. Из материала предварительного следствия, с которым я ознакомился, будучи несколько времени назад в Екатеринбурге, явствует, что следственная комиссия контрреволюционным сообществом считает вышеуказанное «Общество содействия торгово-промышленному развитию России».

Мои политические убеждения хорошо известны многим представителям Совета Народных Комиссаров, не исключая тов. Ленина, и мой нравственный долг не покрывать, а разоблачать контрреволюционеров, но объективное исследование организованного Львовым и др[угими] Общества, детальное ознакомление с товарищеским договором, с уставом Общества и протоколами заседаний этого последнего, привели меня к убеждению, что означенное Общество не преследует никаких политических целей и вся деятельность его не выходит за пределы чисто коммерческих задач. Независимо от сего, большинство членов рассматриваемого Общества никогда не занималось политикой, и те из них, которые занимались ей, как князь Львов, настолько далеко ушли от политической арены, что вызывают сильное недовольство среди своих политических единомышленников. Однако мы не будем распространяться по вопросу о существовании настоящего дела, так как в данном конкретном случае нас интересует вопрос о подсудности.

Все обстоятельства настоящего дела не оставляют никакого сомнения в том, что оно подсудно не Екатеринбургскому, а Московскому революционному трибуналу. Ни в Екатеринбурге, ни в Екатеринбургской области мои подзащитные никогда не проживали [...]а. Возражением против моего положения, что дело Львова и др[угих] подсудно Московскому революционному трибуналу не может служить то обстоятельство, что обвиняемые продолжали свою деятельность в Тюмени. В самом деле, прежде всего в Тюмени у моих подзащитных была работа, чисто техническая — разработка материала для функционирования Общества по поручению этого последнего. Независимо от сего, поскольку они об-

^а Далее в документе содержится несколько слов, логически не связанных с текстом. Очевидно, опечатка.

виняются как члены коллектива, [они] должны судиться по месту нахождения коллектива, т.е. в Москве. Далее, в Екатеринбургскую область входят Пермская, Уфимская, Вятская и Оренбургская губернии. Тюмень же входит в Тобольскую губернию. Наконец, если возникает вопрос о подсудности дела кн. Львова и др. Тюменскому революционному трибуналу, то известно, что Тюменский Совет рабочих депутатов, где т[оварищи] большевики имеют подавляющее количество членов, не только не нашел дело моих подзащитных подсудным местному трибуналу, но заявил протест против их ареста.

Чтобы исчерпать все возражения, я обращаю внимание Народного комиссариата юстиции еще на одно обстоятельство. Газетные сведения, что кн. Львов и др[угие] обвиняются в организации Дальневосточного правительства, оказались ложными, такого обвинения им до сих пор еще никто не предъявлял, но если бы даже такое обвинение возникло, дело должно быть рассматриваемо в Москве по тому основанию, что местопребывание Дальневосточного правительства, если даже таковое когда-либо имело реальное бытие, никому неизвестно, по газетным же сведениям оно организовалось в Пекине²⁰. Следовательно, подсудимость должна определяться местопребыванием центральной власти или, во всяком случае, там, где найдет удобным центральная власть. Наконец, передача дела кн. Львова и др. Московскому революционному трибуналу вызывается практической целесообразностью. В самом деле: все лица, которые могли бы оказать содействие как защите, так и обвинению, проживали в Москве; далее, такая передача значительно сократила бы время производства дела. Следственная комиссия в Екатеринбурге все справки по делу наводит в Москве, мало этого, здесь же производятся важные следственные акты. Так, например, недавно приехавший в Москву комиссар по делам юстиции Екатеринбургской области снял допрос с целого ряда лиц, имевших отношение к существующему в Москве Обществу.

На основании изложенных соображений, прошу Народный комиссариат юстиции распорядиться о передаче дела Г.Е.Львова, Н.С.Лопухина, А.В.Голицына и Н.В.Заболотского Московскому революционному трибуналу. При этом прошу, в случае признания дела кн. Львова и др. подсудным Московскому революционному трибуналу, освободить обвиняемых до суда под мое поручительство, или заменить содержание под стражей какой-либо другой мерой пресечения²¹.

Если это мое последнее ходатайство не может быть удовлетворено, то прошу, в случае признания дела кн. Львова и др. подсудным Московскому революционному трибуналу, одновременно с извещением об этом Следственной комиссии в Екатеринбурге, предложить до отправления обвиняемых в Москву поставить на обсуждение вопрос о смягчении принятой против них меры пресечения, чтобы избежать этапного перевода.

№ 15

Письмо заведующего уголовным отделением Народного комиссариата юстиции комиссару юстиции Урала М.Х.Полякову*г. Москва, Ильинка, 21**25 апреля 1918 г.*

№ 2969

Екатеринбургскому комиссару юстиции

Уголовное отделение Комиссариата юстиции просит Вас срочно сообщить, доставлены ли в Екатеринбург арестованные в Перми б[ывший] князь Г.Львов и др., которые, как видно из имеющейся в Народном комиссариате юстиции переписке, ночью 16 марта с.г. Пермским карательным отрядом²² должны были быть увезены в Екатеринбург.

Независимо от сего, [прошу] сообщить о причинах их ареста и, в случае невиновности, принять незамедлительные меры к освобождению их из-под стражи.

Заведующий уголовным отделением
Народного комиссариата юстиции^а

За делопроизводителя^а**ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 123. Подлинник.**

№ 16

Протокол показаний уполномоченного Главного комитета по снабжению Красной армии коммуниста Н.М.Терешковича²³*30 апреля 1918 г.*

Уполномоченный Главного по снабжению армии Комитета Всер[оссийского] Зем[ельного] и гор[одского] союзов и земств, заведующий отделом связи и транспорта Глав[ного] комитета Николай Миронович Терешкович; 38 лет, проживающий в Москве, Пречистен[ка]. № 24, показал: я знаком с Г.Е.Львовым около трех лет, со дня образования Главного Комитета Земгора, во главе которого он стал²⁴. Будучи приглашен им в Земгор для заведывания крупным подотделом транспорта, я почти ежедневно встречался с ним по делам службы. За время совместной работы с Георгием Евгеньевичем у меня установились с ним довольно близкие деловые и личные отношения, благодаря чему я имел неоднократно возможность убедиться в [его] исключительной политической терпимости. Приглашая сотрудников в Земгор и в Земсоюз, он подходил к ним исключительно с деловой стороны, а не с точки зрения «как веруешь». Принимая во внимание гонения со стороны царской власти на общественные учреждения, нужно было известное граждан-

^а Подпись неразборчива.

ское мужество приглашать на ответственные должности членов подпольных тогда партий с[оциал-] д[емократов], с[оциалистов-] р[евolucionеров], и Львов это сплошь и рядом делал. Так, например, он знал, что я старый партийный работник с[оциал-]д[емократ], у нас работали Винниченко²⁵, находившийся в то время на нелегальном положении, Черлунчакевич и т.д.

За время нахождения Львова на посту министра я с ним не встречался. Но по возвращении его в Москву, я виделся несколько раз. Его трудно было узнать, так он изменился. Из крепкого, жизнерадостного человека он превратился в разбитого, истерзанного нравственно старика. Единственным его стремлением было уйти от водоворота политической жизни, отдохнуть в глухой провинции, чтобы переварить пережитое. Над своей политической карьерой он определенно ставил крест. Он говорил, что людям его направления мысли, его склада ума и характера, т.е. внепартийным и исключительно деловым, долго не будет места на общественно-политической арене. И поэтому он уходит в частную жизнь.

За несколько дней до отъезда в Тюмень он был у меня на дому и заявил, что едет на Урал, где думает заняться коммерческой деятельностью. Он говорил, что Россия — непочатый край для проявления частной творческой инициативы в деле возрождения хозяйственной мощи страны; интересуясь тем, что я буду делать после ликвидации Земгора, предложил он мне принять участие в организуемом им коммерческом предприятии, куда он привлекает своих товарищей по работе в Земгоре и Земсоюзе. Вообще я могу засвидетельствовать, что все, [что] я видел и слышал при встречах с Г.Е.Львовым, совершенно исключает для меня возможность представить его стоящим во главе или в центре какого-либо контрреволюционного движения и вообще политического действия.

Член Соц[иал]-Дем[ократической] Раб[очей] парт[ии]
Терешкович

С подлинным верно:

Уральский Областной комиссар юстиции *Поляков*

ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 131—132об. Заверенная копия.

№ 17

**Записка комиссара 2-й Екатеринбургской тюрьмы М.Г.Кабанова
комиссару юстиции Уральской области М.Х.Полякову**

13 мая 1918 г.

Препровождаю Вам расписку № 2 о получении от Вас 127 руб. и 45 коп. на расход А.В.Голицыну и копии инструкций для караула и надзирателей для просмотра, а также письмо епископа Гермогена и отправить его по адресу.

Комиссар тюрьмы № 2 *Кабанов*

ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 171. Подлинник.

№ 18

Препроводительная записка к переписке Г.Е.Львова,
А.В.Голицына, Н.С.Лопухина и В.А.Долгорукова²⁶

№ 292

16 мая 1918 г.

Екатеринбургская Чрезвычайная комиссия
по борьбе с контрреволюцией

Областному Комитету юстиции

Препровожаем при сем переписку князя Голицына, Львова, Лопухина и Долгорукова, взятую при обыске в камерах 14/V с/г. Обыск сделан по распоряжению тов. Голошекина.

Препровожаем их в Ваше распоряжение^а.

Председатель *Зотов*

Секретарь^б

ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 170. Подлинник.

№ 19

Протокол показаний Г.Е.Львова Следственной комиссии

г. Екатеринбург

16 мая 1918 г.

Георгий Евгеньевич Львов дал следующие показания по существу поставленных ему вопросов. В том случае, если бы состоялась моя поездка в Америку, я полагал обратиться там к компаниям Мак Кормик, вообще к представителям машиностроительных заводов, главным образом корчевальных машин и тракторов. Я имел намерение при посещении Америки побывать у Вильсона²⁷. В беседе с Эплером, при проезде его через Тюмень в Омск, я расспрашивал о Москве, [о] всех наших и о Леонтьеве и его деятельности, но никаких разговоров о какой-либо организации, в которой принимает участие Леонтьев, не было. Инженера Ладыженского я вообще мало знаю. Ладыженский проезжал через Тюмень, но я его там не видел, так как меня в это время в Тюмени не было. Мне ничего неизвестно о том, какие разговоры вел Ладыженский в Тюмени. Полагаю, что и Писарева с Ладыженским не виделась. Разговоров о цели поездки Ладыженского в Сибирь у меня с Н.С.Лопухиным не было. Об организации под названием «Русское дело» я ровно ничего не знаю. При командировке Н.Заболотского из Тюмени в Сибирь ему было поручено выяснить вопрос о положении дела с пушниной в Омске и, если возможно, в Иркутске, а также и вопрос о возможности поездки по сибирским железным дорогам, т.к. я предполагал поехать по некоторым городам Сибири. Разговоры о широких планах американских, о ко-

^а Переписка в деле отсутствует.

^б Подпись неразборчива.

торых идет речь в черновых набросках для дневника, сделанных Е.П.Писаревой 26 февраля, имели в виду лишь экономические вопросы Западной Сибири в связи с делами Общества. Что касается заметки о том, что «вчерашние разговоры окончились решением послать человека в Томск, Иркутск и дальше для информации. Решили также выписать З», то должен сказать, что, насколько я припоминаю, речь могла идти о посылке только одного человека, а не двух, а именно о поездке Н.Заболотского.

Г.Львов

Члены комиссии Областного Совета *М.Поляков, С.Чуцаев*
ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 163. Подлинник.

№ 20

**Телеграмма комиссара юстиции Уральской области
М.Х.Полякова адвокату Г.И.Хундадзе**

*Москва, Петровский бульвар 2,
квартира 6, Хундадзе*

17 мая 1918 г.

Дело следствием заканчивается.

Уралюстиция Поляков

ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 169. Отпуск.

№ 21

**Из телеграфного запроса заведующего уголовным отделением
Наркомата юстиции комиссару юстиции
Уральской области М.Х.Полякову**

18 мая 1918 г.

Срочно сообщите, в чем обвиняется Г.Е.Львов [...], в каком положении находится в настоящее время дело о Г.Е.Львове [...]^a

ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 174. Подлинник.

№ 22

**Сообщение комиссара юстиции Уральской области
М.Х.Полякова руководству уголовного отделения Народного
комиссариата юстиции о ходе следствия**

г. Екатеринбург

18 мая 1918 г.

№ 2339

В уголовное отделение Народного комиссариата юстиции

Сообщается, что гр. Г.Львов, Н.С.Лопухин и А.В.Голицын числятся за Областным Советом комиссаров Урала, о чем был поставлен в из-

^a Документ завизирован Я.М.Юровским как «заместителем комиссара юстиции».

вестность председатель Центрального Исполнительного Комитета тов. Свердлов телеграммой за № 1989 от 8/26 апреля. Об этом же лично докладывал при поездке моей в Москву на съезд комиссаров юстиции 20 апреля тов. Свердлову и народному комиссару юстиции тов. Стучке²⁸.

Следствие по делу указанных выше лиц заканчивается, и вопрос о дальнейшем направлении дела и о возможности изменения меры пресечения будет поставлен на разрешение по окончании следствия.

Областной комиссар юстиции *[М.Х.Поляков]*

Секретарь

ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 172—172об. Отпуск.

№ 23

Протокол Следственной комиссии об освобождении из заключения и выезде в Тюмень А.В.Голицына

19 мая 1918 г.

Протокол

Имея в виду, что расследование дела Н.С.Лопухина, Г.Е.Львова и др. в настоящее время находится в такой стадии, когда задержание всех обвиняемых под стражей не вызывается интересами дела, и имеются основания к изменению меры пресечения по уклонению от суда в отношении некоторых из них, член Следственной комиссии С.Е.Чуцкаев определяет: гр[аждани]на А.В.Голицына, обвиняемого в пособничестве лицам, принимавшим участие в подготовке вооруженных выступлений против Советской власти, из-под стражи освободить и взять с него подписку в том, что он, Голицын, не уклонится от суда и что немедленно по освобождении из тюрьмы выедет в Тюмень, откуда без разрешения Следственной комиссии выезжать не будет²⁹.

Член Следственной комиссии *Чуцкаев*

Читал *А.Голицын*

ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 180. Подлинник.

№ 24

Постановление Следственной комиссии по делу Г.Е.Львова

г. Екатеринбург

4 июня 1918 г.

Ознакомившись с материалами, добытыми расследованием по делу Н.С.Лопухина, Г.Е.Львова, А.В.Голицына и Н.В.Заболотского, и считая вполне доказанными попытки некоторых лиц начать активную борьбу с большевиками путем создания по городам Сибири добровольческих дружин, Следственная комиссия, образованная при Уральском Областном Совете раб[очих], крестьянских, армейских депутатов, определяет:

Гражданину Георгию Евгеньевичу Львову предъявить обвинение в пособничестве лицам, принимавшим участие в подготовке вооруженных выступлений против Советской власти, пособничестве, выразившемся в ознакомлении и обсуждении сообщений непосредственных участников подготовки добровольческих дружин, в оказании этим лицам содействия для выполнения их планов и в командировании людей по городам Сибири для информации и разведки.

Члены Следственной комиссии:

*Чуцаев
Войков
Поляков*

Настоящее постановление мне объявлено июня дня 1918 года.

Г.Львов

ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 194. Подлинник.

№ 25

**Из постановления Следственной комиссии
с обвинением Н.В.Заболотского**

4 июня 1918 г.

[...] Не создается убеждения в том, что [он] не уклонится от следствия и суда. Комиссия определяет: мерой пресечения избрать для гражданина Заболотского содержание под стражей в Екатеринбургской тюрьме.

ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 189. Подлинник.

№ 26

**Сообщение отдела юстиции Областного Совета Урала
первому (уголовному) отделению
Народного комиссариата юстиции**

2 июля 1918 г.

**В Народный комиссариат юстиции
Отдел первый уголовный**

Вследствие запроса Вашего от 18 мая с.г. за № 3659 сообщаю, что согласно постановлению Следственной комиссии от 4-го июня [19]18 г. Голицыну, Львову, Лопухину и Заболотскому предъявлено обвинение в пособничестве лицам, принимавшим участие в подготовке вооруженных выступлений против Советской власти, пособничестве, выразившемся в ознакомлении и обсуждении сообщений непосредственных участников подготовки добровольческих дружин, в оказании этим лицам содейст-

вия для выполнения их планов и в командировании людей по городам Сибири для информации и разведки.

В настоящее время мера пресечения к вышеназванным лицам изменена, они освобождены до суда.

За областного комиссара юстиции
Секретарь

ИДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Л. 197—197об. Отпуск.

Примечания

¹ *Голицын Александр Владимирович* (1876—?) — земский врач. Осенью 1918 г. эмигрировал в Китай.

² *Лопухин Николай Сергеевич* (1879—?) — юрист, состоял на судебных должностях и участвовал в земском движении, занимался и хозяйственными делами, был близким сподвижником Г.Е.Львова. Позднее эмигрировал в Китай.

³ *Заболотский Николай Васильевич* — молодой офицер, участник Первой мировой войны. Судьбу его после освобождения проследить не удалось.

⁴ В административном центре Урала — г. Екатеринбурге был создан Революционный трибунал, а при нем — Следственная комиссия, именовавшиеся «Екатеринбургскими». Однако на деле они являлись областными. Председателем Следственной комиссии (как и заместителем областного комиссара юстиции, затем областного военного комиссара) являлся Яков Михайлович (настоящие имя Янкель Хаимович) Юровский. Он имел личное касательство к следствию по делу кн. Г.Е.Львова и других. Но непосредственно этим занялись более высокопоставленные чиновники Уральской области: областной комиссар юстиции Михаил Харитонович Поляков, областной комиссар народного образования, председатель Екатеринбургского Совета, член президиума облЧК Сергей Егорович Чуцкаев, областной комиссар продовольствия Петр Лазаревич Войков (настоящее имя и фамилия Пинхус Лазаревич Вайнер), Филипп Исаевич (настоящее имя Исай Исакович) Голощекин.

⁵ *Белобородов Александр Георгиевич* (1891—1938) — советский государственный и партийный деятель. В 1918 г. председатель исполкома Уральского областного Совета.

⁶ *Красиков Петр Ананьевич* (1870—1939) — один из старейших социал-демократов. В 1908 г. окончил (экстерном) юридический факультет Петербургского университета. С марта 1918 г. заместитель наркома юстиции, одновременно был председателем комиссии по вопросам культа при ВЦИК. В деле Г.Е.Львова и его товарищей практически с самого начала, как и нарком П.И.Стучка и Я.М.Свердлов, проявил гуманность.

⁷ Показания Г.И.Попова подтверждают, что князь Г.Е.Львов был арестован 12 марта 1918 г.

⁸ В документах фамилия данного лица значится в самых различных вариантах («Зайпус», «Зайкус», «Закус» и т.п.). Настоящая фамилия — Зайпкус Михаил Антонович. Ему в то время было 20 лет.

⁹ Бывший обер-прокурор Святейшего Синода — член Временного правительства В.Н.Львов в 1918—1919 гг. находился на Урале и в Сибири, в Тюмени с кн. Львовом не встречался. Эмигрировал через Японию во Францию.

¹⁰ Князя Г.Е.Львова навещил его родной брат Сергей. С.Е.Львов (1859—1937) был крупным предпринимателем, владельцем и главой фирмы «Пожевские

заводы» (в районе Перми). Остался с семьей в Советской России, был разорен, в дальнейшем репрессирован.

¹¹ Речь идет об одной из разветвленных организаций бывшего Всероссийского земского союза.

¹² Брат Заболотского — Пантелеймон Васильевич Заболотский — вел коммерческие дела в системе земских организаций.

¹³ *Свердлов Я.М.* (1885—1919) — советский государственный и партийный деятель. С 8 ноября 1917 г. председатель ВЦИК.

¹⁴ Реки: первая (приток Тобола) протекает в Северном Зауралье, вторая — приток Оби, протекает в Западной Сибири, северо-западнее Томска.

¹⁵ Село Исетское находится между городами Шадринск и Ялуторовск, близ Тюмени.

¹⁶ *Петр Владимирович* — видный земский деятель, во Всероссийском земсоюзе заведовал «Земконом» (системой коневодства). Зимой 1917—1918 гг. стал председателем созданного с участием Г.Е.Львова, А.В.Голицына, Н.С.Лопухина «Общества содействия торгово-промышленному развитию России».

¹⁷ *Леонтьев Сергей Михайлович* и *Щепкин Николай Николаевич* (внук актера М.С.Щепкина) были видными членами Партии народной свободы (кадеты), второй из них — член ее ЦК всех составов. В прошлом были сподвижниками Г.Е.Львова по земскому движению. Власть большевиков не приняли, позднее первый из них проявлял к ней лояльность. Весной 1918 г. участвовали в формировании нелегальных антибольшевистских организаций, в частности, «Правого центра». Об этом руководителям Урала было известно, и Следственная комиссия особенно усердно добивалась доказательств связи Г.Е.Львова, А.В.Голицына и Н.С.Лопухина, как и Н.В.Заболотского, с ними на политической почве. 29 августа 1919 г. Щепкин был арестован органами ВЧК и в сентябре расстрелян. Не исключено, что речь шла о Щепкине Дмитрие Митрофановиче — другом общественном деятеле, входившем во Временный совет Российской республики (Предпарламент).

Леонтьев, имевший генеральское звание, с февраля 1920 г. — профессор. Неоднократно арестовывался, заключался в тюрьмы, отбывал ссылку в 1930-е годы.

¹⁸ *Гавриил* (так звали его при общении; настоящее имя — Габриель) *Иванович Хундадзе* был влиятельным и талантливым адвокатом. По прошлой деятельности он был связан и с Земсоюзом. В защите Г.Е.Львова и его товарищей сыграл исключительно большую роль.

¹⁹ Копия документа, отправленного из Москвы в Екатеринбург, в Следственную комиссию, не датирована. В Екатеринбурге (и в Тюмени) Г.И.Хундадзе находился в середине апреля, 15-го подал «В Следственную комиссию при Народном комиссариате юстиции Екатеринбургской области» (так он неточно именовал Уральскую область с центром в Екатеринбурге) заявление. Затем уехал в Москву. Содержание заявлений во многом сходное. Приводится одно из них, как более обстоятельное с указанием на реальное положение о ходе следствия.

²⁰ Были газетные сообщения о формировании в Пекине какого-то «Дальневосточного правительства во главе с Г.Е.Львовым». Источником для домыслов явились следующие факты. 27 января (9 февраля) 1918 г. в Томске было сформировано подпольное «Временное Сибирское правительство» под председательством эсера П.Я.Дербера. Часть его членов, включая Дербера, в марте уехала в Харбин, после включения в свои ряды новых лиц из местных деятелей стало именоваться «Дальневосточным правительством». Причисление кн. Львова к

правительству на Дальнем Востоке было связано, видимо, с реальными известиями отъезда его из Москвы на Восток.

²¹ Усилия Г.И.Хундадзе о перемещении Г.Е.Львова и других в Москву и передаче их дела в ведение Московского революционного трибунала, где, очевидно, не без основания, он надеялся на более благоприятное его течение, успехом не увенчались.

С изменением меры пресечения екатеринбургских узников дело, с активным вмешательством в него высших должностных советских чинов «выгорело», а в итоге вылилось в фактическое его прекращение. Первым шагом к благоприятному исходу дела явился перевод Следственной комиссией Г.Е.Львова и его товарищей из 1-й Екатеринбургской во 2-ю тюрьму и создание сносных условий содержания. Случилось это в середине апреля.

²² Вопрос о том, из какого города прибыл в Тюмень отряд М.А.Зайпкуса и куда выбыл из Екатеринбурга, выяснить не удалось. Вполне возможно, что он был именно «Пермским», из Перми.

²³ *Терешкович Н.М.* называл себя социал-демократом, однако, скорее всего, он был членом РКП(б). Не исключена, однако, его меньшевистская принадлежность.

²⁴ Имеется в виду земская организация, созданная с началом Первой мировой войны для помощи армии, больным и раненым воинам, главноуполномоченным которой был кн. Г.Е.Львов.

²⁵ *Винниченко Владимир Кириллович* (1880—1951) — украинский писатель и политический деятель. В 1917—1919 гг. один из руководителей Центральной Рады и Украинской Директории.

²⁶ *Долгоруков Василий Александрович*, князь, находился в заключении в Тобольске, был доставлен в Екатеринбург в конце апреля 1918 г. и заключен во 2-ю Екатеринбургскую тюрьму, некоторое время находился в одной камере с Г.Е.Львовым и другими, но большую часть сидел в одиночке. В июле 1918 г. был расстрелян.

²⁷ *Вильсон Томас Вудро* (1856—1924) — президент США в 1913—1921 гг.

Следует отметить, что после освобождения, Г.Е.Львов действительно побывал в США и имел встречу с В.Вильсоном (См.: «Россия теперь больна». Документы о встрече князя Г.Е.Львова с президентом США В.Вильсоном. Ноябрь 1918 г. / Публ. О.В.Теребов // Исторический архив. 1994. № 1. С. 102—108).

²⁸ *Стучка П.И.* (1865—1932) — советский государственный и партийный деятель, юрист. С 1918 г. нарком юстиции. С 1919 г. заместитель наркома юстиции, с 1923 г. председатель Верховного суда РСФСР.

²⁹ Тогда же, 19 мая, идентичные обвинения были предъявлены всем остальным товарищам А.В.Голицына, но текста об их освобождении по подписке в «их протоколах» не было и их в то время продолжали содержать в тюрьме.

МАТЕРИАЛЫ К РОДОСЛОВНОЙ В.М.ЧЕРНОВА

Жизненный путь В.М.Чернова (1873—1952), одного из крупных политических деятелей России начала XX века, был тесно связан с Саратовской землей: он родился 25 ноября (7 декабря) 1873 г. в городе Хвалынске Саратовской губернии¹, детские годы провел в Камышине, учился в саратовской мужской гимназии, где и состоялось его первое знакомство с революционными идеями и деятельностью народнических групп².

В силу целого ряда объективных и субъективных обстоятельств многие страницы жизни и деятельности В.М.Чернова до сих пор остаются непроясненными, практически не изучены его генеалогическая линия и родственные связи. Между тем выяснение этих вопросов немаловажно для полной разработки научной биографии теоретика и идеолога самой крупной и влиятельной политической партии России начала XX века — партии социалистов-революционеров. В этой связи небезынтересно было провести дальнейший поиск сведений о В.М.Чернове и его родственниках по фондам Государственного архива Саратовской области (ГАСО), в частности, по документам Саратовского дворянского депутатского собрания (Ф. 19), Саратовской казенной палаты (Ф. 28) и по метрическим книгам (Ф. 637). В итоге был выявлен ряд документов, дающих довольно полное представление не только о служебной деятельности отца В.М.Чернова, но и о его предках и родственниках по материнской линии. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, особенно важно, поскольку, судя по воспоминаниям Виктора Михайловича³, он имел довольно смутное представление о роде Булатовых, к которому принадлежала его мать.

Приводимые документы позволяют проследить жизненный путь и служебную карьеру И.П.Булатова (прадеда В.М.Чернова), Н.И.Булатова (деда В.М.Чернова), М.Н.Чернова (отца В.М.Чернова), а также выявить некоторые сведения о прабабке, бабке и матери Виктора Михайловича.

Судя по архивным данным, Булатовы принадлежали к одному из старинных, хотя и мелкопоместных родов Саратовской губернии. Прадед Виктора Михайловича, Иван Петрович Булатов, родился в Дмитриевске (Камышине) в середине XVIII века. В 1770 г. он был зачислен в Апшеронский пехотный полк, в котором

¹ См.: Когда и где родился В.М.Чернов? / Публ. А.И.Аврус, З.Е.Гусакова, А.П.Новиков // Исторический архив. 1998. № 3. С. 211—212.

² См.: Аврус А.И., Новиков А.П. Виктор Михайлович Чернов в саратовской гимназии // Освободительное движение в России. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1999. Вып. 17. С. 107—114; они же. Саратовский период жизни В.М.Чернова // Саратовское Поволжье. История и современность. Материалы научной конференции, посвященной 200-летию Саратовской губернии. Саратов, 1999. С. 91—97; они же. От Хвалынска до Тамбова (Путь в революцию В.М.Чернова) // Освободительное движение в России. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2000. Вып. 18. С. 127—138.

³ См.: Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. М., 1993.

прослужил до марта 1783 г. (док. № 1). Выйдя в отставку, И.П.Булатов вернулся в родной Камышин и в течение трех лет занимался, по всей видимости, восстановлением подорванного здоровья. В 1786 г. поступил на гражданскую службу, на которой оставался до самой смерти (док. №№ 2, 4). Умер он в 1808 г., оставив на руках жены трех малолетних детей — Николая, Дмитрия и Александру.

Жене его, Екатерине Давыдовне, в это время не было и тридцати — родилась она в 1781 г., в Камышине в дворянской семье. После смерти мужа Е.Д.Булатова до конца своих дней оставалась вдовой — вся ее жизнь была посвящена детям. Николай и Дмитрий успешно окончили Камышинское уездное училище, а Александра получила хорошее домашнее образование. Именно стараниями матери оба сына оказались включенными в родословную книгу дворян Саратовской губернии (док. №№ 4—6).

Дед В.М.Чернова, Николай Иванович Булатов, родившийся в 1801 г. (док. № 3), на службу поступил шестнадцати лет от роду — в 1817 г. В течение первых семи с половиной лет местом его службы были Камышинский уездный суд и Камышинская дворянская опека, где он исполнял соответственно должности канцеляриста и протоколиста. В последующие 22 года Н.И.Булатов занимал разные должности в Камышине, Петровске, Аткарске и Саратове (док. № 9). В апреле 1847 г. он был назначен уездным казначеем в город Новоузенск Саратовской губернии⁴, где прослужил до своей отставки в 1864 г.

Николай Иванович был женат дважды. Первая его жена, Надежда Ивановна, умерла в возрасте 35 лет во время эпидемии холеры 1848 г. (док. № 7). Спустя три с половиной года, он вступил в новый брак (док. № 8), от которого у него было трое детей. От первого брака остались две дочери: Екатерина и Анна.

Анна Николаевна, мать В.М.Чернова, вышла замуж в возрасте 19 лет за Михаила Николаевича Чернова (док. № 10), который в это время служил контролером в Самарской казенной палате, а с августа 1864 г. занял место своего тестя, вышедшего в отставку. А.Н.Булатова была второй женой М.Н.Чернова. Первый его брак оказался кратковременным — супруга умерла, не родив ни одного ребенка.

В Новоузенске семья Черновых жила восемь лет. Летом 1872 г. Михаил Николаевич Чернов по семейным обстоятельствам вышел в отставку, однако уже через месяц вновь поступил на службу, на этот раз в Саратове. В 1873 г. его перевели уездным казначеем в город Хвалынский. Здесь родился его второй сын — Виктор. Всего у четы Черновых было восемь детей, трое из которых (Александра, Клавдия и Владимир⁵) умерли в младенчестве, Ольга после перенесенной болезни страдала душевным расстройством, Софья долгое время учительствовала в Камышине и окрестных селах, а Владимир, Виктор и Надежда стали революционерами.

Частые роды подорвали и без того слабое здоровье Анны Николаевны Черновой. Летом 1875 г., когда у нее родился восьмой ребенок (Владимир-младший), она умерла (док. № 11). Осенью того же года Михаила Николаевича перевели казначеем в Камышин, где проживали многочисленные родственники его покойной жены. Здесь он женился в третий раз и имел от этого брака пятерых дочерей (док. № 12).

Документы публикуются с сохранением стилистики оригиналов. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

⁴ С 1851 г. город Новоузенск стал входить в состав Самарской губернии.

⁵ У Черновых было два сына по имени Владимир.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), грант № 01-01-25-004 а/ В.

Публикацию подготовили доктор исторических наук А.И.АВРУС, заслуженный работник культуры РФ З.Е.ГУСАКОВА, кандидат философских наук А.П.НОВИКОВ.

№ 1

Указ Государственной военной коллегии об увольнении в отставку И.П.Булатова

Санкт-Петербург

31 марта 1783 г.

По указу Ея Величества Государыни императрицы Екатерины Алексеевны самодержавицы всероссийской и прочия, и прочия, и прочия, из Государственной военной коллегии отставному от воинской службы подпоручику Ивану Булатову, которой, как по списку, представленному в коллегию от команды с его челобитною, показано: находился в Апшеронском пехотном полку¹ в службе с 770-го, из дворян, за ним мужеска полу душ нет, от роду ему 25 лет, прапорщиком 779-го сентября 22-го, был в походах в Польше и в минувшую с турками войну², в штрафах не бывал, к повышению достоин, а челобитную просил об отставке его за имеющимися болезнями от воинской службы на его пропитание; что ж он впредь об оном просить не будет, подпискою обязался. Того ради по определению Государственной военной коллегии, учиненному сего марта 8-го дня оной Булатов по прошению его за имеющимися болезнями, засвидетельствованными по аттестату лекарскому, от воинской службы отставлен по достоинству с награждением подпоручичья чина, и с сим ея императорского величества указом отпущен на его пропитание.

Дан в Санкт-Петербурге марта 31-го дня 1783 года.

Подлинной подписали: генерал-поручики и ковалеры Михаила Ковховский, Карл фон Гонтвиг, генерал-майоры Федот Веригин, Василей Чертков, обер-секретарь Иван Говоров, скрепил секретарь Иван Петухов, справил прапорщик Иван Тимофеев. У того указа Государственной военной коллегии печать сургучовая приложена. Данной об отставке указ подпоручику Булатову с подлинным читал титулярный советник Андрей Петров.

ГАСО. Ф. 19. Д. 451. Л. 3. Рукописная заверенная копия.

№ 2

Аттестат о службе И.П.Булатова в Саратовской соляной конторе

Саратов

15 января 1804 г.

По указу Его Императорского Величества из Саратовской соляной конторы³ находившемуся при Камышинских горных запасных соляных магазинах надзирателем титулярному советнику Ивану Петрову сыну

Булатову в том, что с начала определения его в помянутую должность 1786 года октября с 6 числа отправлял оную с рачительным успехом, за что 1794-го года декабря 31-го числа награжден титулярным советником с заслугою одного года; а прошлаго 1802 года декабря 19-го числа от оной должности за прошествием трехгодичнаго срока переименован другим; имеющуюся в ведомстве его в знатном количестве казенную соль в расход выпустил сходственно; во свидетельство чего сей [аттестат] ему, Булатову, за подписанием и с приложением казенной печати дан генваря 15-го дня 1804-го года.

Подлинный подписали присутствующия: Сергей Анохин, Петр Иванов, скрепил секретарь коллежский ассессор Гаврилов, справил губернский секретарь Никулин. У подлиннаго аттестата его императорскаго величества Саратовской соляной конторы печать приложена.

Верно: дворянства секретарь Калантаев.

С подлинным читал титулярный советник Андрей Петров.

Аттестат для доставления принял коллежский секретарь Андрей Броницкий.

ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 451. Л. 3об. Рукописная заверенная копия.

№ 3

Справка о рождении, выданная Н.И.Булатову Саратовской духовной консисторией

Саратов

30 октября 1851 г.

По указу Его Императорскаго Величества Саратовская духовная консистория⁴ слушала прошение из дворян титулярнаго советника Николая Иванова Булатова о выдаче ему метрическаго свидетельства о рождении и крещении его; рожден же он в декабре месяце 1801 года от титулярнаго советника Ивана Булатова с Екатериною Давыдовою и крещен в Камышинской Успенской церкви; и справку, по коей оказалось, в метрических тысяча восемьсот перваго года книгах Камышинской Успенской церкви, в первой части о родившихся под № 17 записанным значится: у титулярнаго советника Ивана Петрова Булатова сын Николай рожден и крещен шестаго декабря, восприемником ему был майор Яков Иванов Роговский. Определили и его преосвященство утвердил: просимое титулярным советником Булатовым о рождении и крещении его метрическое свидетельство на основании справки и 274 ст. Устава духовных консисторий, заготовя, выдать. Каковое из вышеозначенной консистории за надлежащим подписанием и за приложением казенной печати и выдается октября 30 дня 1851 года.

Подлинное подписал член консистории священник Василий Жуков. Скрепил за секретаря Белов, справил столоначальник Иван Волков и печать приложена.

ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 451. Л. 45 — 46. Рукописная копия.

№ 4

**Прошение Е.Д.Булатовой о внесении ее детей
в Дворянскую родословную книгу Саратовской губернии***Камышин**11 ноября 1823 г.*

Всепресветлейший, державнейший, великий Государь — император Александр Павлович, самодержец всероссийский, Государь всемилостивейший.

Просит Камышинской округи сельца Мостоваго, Цеттелеровка тож, помещица из дворян, вдова, титулярная советница Екатерина Давыдова дочь по муже Булатова, о чем мое прошение, тому следуют пункты:

Покойной супруг мой из дворян Иван Булатов в воинскую Вашего Императорского Величества службу вступил в Апшеронский пехотной полк в 1770 году, служил в оном в действительной службе прапорщиком, а в 1783 году отставлен с награждением подпоручичьяго чина, и продолжал служение при Камышинских горных запасных соляных магазинах, где дослужился до титулярнаго советника, а потом по выбору дворянства служа в Камышинском земском суде дворянским заседателем, в 1808 году помер; после коего остались прижитыя со мною в законном супружестве дети, сыновья, служащия ныне в Камышинском уездном суде, старший сын Николай коллежским регистратором, а младший Дмитрий канцеляристом, и дочь девица Александра; в оставшихся же после его бумагах грамоты о дворянстве, данной предкам его, не оказалось и он сам в Дворянскую по Саратовской губернии книгу⁵ по не прошению его о том не внесен, и грамоты ему выдано не было, который имел за собою по городу Камышину и уезду онаго дворовых людей и крестьян, а я имею доставшихся мне по наследству после покойной тетки моей коллежской советнице Цеттелеровой написанных за нею по 7-й ревизии Камышинской округи при сельце Мостовом крестьян, всего 16 душ, и 600 десятин земли, и по городу Камышину состоит за мною в написании по последней ревизии дворовых людей, оставшихся после мужа моего две души и благоприобретенных мною 2 же души, что все по наследству принадлежит помянутым детям моим, почему дабы более не лишались они присвоенных благородному дворянству высочайше жалованную оному Грамотою⁶ преимущества и по желанию их записаться в дворяне по Саратовской губернии по случаю служения их и нахождения имения нашего в оной губернии, объясня о сем и представляя о дворянстве сверх выше писанаго доказательства, ниже писанныя подлинныя документы, как-то: данной покойному супругу моему об отставке из воинской службы из военной коллегии указ, аттестат о последнем его служении при Камышинских соляных магазинах, семейный список и выданное детям моим от камышинских дворян свидетельство, а о службе сыновей послужной список — всеподданнейше прошу:

И дабы высочайшим Вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение в Саратовском дворянском собрании⁷ с

приложением выше писаных доказательств принять и на основании высочайше жалованной благородному российскому дворянству Грамоты род наш внести в родословную книгу и дать надлежащую грамоту; представленные ж при сем документы, указ и аттестат, по списании с них копий возвратить сыну моему, коллежскому регистратору Николаю Ивановичу Булатову, на имя коего под его расписку и оную грамоту выдать, и о том учинить, как Вашего императорскаго величества законы повелевают. Всемилостивейший Государь! Прошу Вашего императорскаго величества о сем моем прошении решение учинить.

К поданию надлежит в Саратовское дворянское собрание.

Прошение сие со слов просительницы вчерне сочинял и набело переписывал сын ея родной, коллежский регистратор Николай Иванов сын Булатов.

К сему прошению из дворян вдова титулярная советница Екатерина Давыдова дочь по муже Булатова руку приложила, которое велю подать и хождение по оному иметь сыну моему, коллежскому регистратору Николаю Булатову.

ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 451. Л. 1 — 2. Рукопись. Подлинник.

№ 5

Выписка из дворянской родословной книги Саратовской губернии о достоинстве дворянского рода Булатовых

Саратов

1822—1825 гг.

№ 18.

1. Чин, имя и прозвание дворянина, его лета и при какой должности, а буде в отставке, то где пребывание имеет.

Коллежский регистратор Николай Булатов, 26 лет, службу продолжает в Камышинском уездном суде.

Канцелярист Дмитрий Булатов, 23 лет, службу продолжает в Камышинском уездном суде.

2. Холост или женат или вдов, много ли детей мужеска пола с показанием их имен и лет, и буде из них кто в службе, то в какой.

Холост.

3. Буде имеет деревни, то сколько за ним по последней ревизии состоит крестьян.

По 7-й ревизии состоит за матерью их, титулярною советницею Екатериною Давыдовою дочерью по муже Булатовою, дворовых 2 и доставшихся ей по наследству после покойной тетки, коллежской советницы Цеттелеровой, записанных за нею Камышинской округи при сельце Мостовом, Цеттелеровка тож, мужеска пола 16 душ.

4. Ежели герольдиею доказательства о благородстве признаны будут недостаточными, то показать, когда именно сие последовало.

Указом правительствующего Сената по департаменту герольдии от 30 марта 1856 года № 2402 утвержден в достоинстве.

Указом правительствующего Сената по департаменту герольдии от 11 января 1850 года № 136 утвержден в дворянстве.

Родословная и доказательства о дворянстве рода Булатовых

№ 1 в военную службу вступил с 770-го [года] в Апшеронский пехотный полк, прапорщиком с 779-го [года] сентября 22-го дня, был в походах и по прошению его за имеющимися болезнями от воинской службы отставлен с награждением подпоручичья чина с 783-го [года] марта 31-го, потом находился при Камышинских горных запасных соляных магазинов надзирателем 786-го [года] октября с 6-го и отправлял оную с рачительным успехом, за что 1794-го [года] декабря 31-го награжден титулярным советником с заслугою одного года, а 1802-го года декабря 19-го числа от оной должности за прошествием трехгодичного срока переименован другим и именован из дворян.

№ 2 и № 3 служат в числе канцелярских служителей Камышинского уездного суда.

Все сие доказывается подлинными: указом государственной военной коллегии об отставке покойнаго отца просителей от воинской службы, аттестатом ему ж данным из бывшей Саратовской соляной конторы, свидетельством благородных г[оспод] дворян, списками о службе их, просителей, и по форме в грамоте изображенной.

По рассмотрении каковых доказательств о внесении их, г[оспод] Булатовых, в сию вторую часть дворянской родословной книги дворянского депутатского собрания определение последовало 1823-го года декабря 1-го числа, каковое указами правительствующего Сената от 11 января 1850 г. за № 136 и 30 марта 1856 г. за № 2402 утверждено.

Дворянский секретарь *Калантаев*

ГАСО. Ф.19. Оп. 1. Д. 436. Л. 34об. — 35. Рукопись. Подлинник.

№ 6

Грамота

Саратовской губернии от губернского предводителя дворянства и уездных дворянских депутатов, собранных для составления дворянской родословной книги, данная дворянину г-ну коллежскому регистратору Н.И.Булатову

Саратов

1824 г.

Рассмотрев на основании Всемиловнейше в 1785-м году апреля 21-го дня пожаловавшей и 1801-го года апреля 2-го Высочайше утвержденной российскому дворянству Грамоты предъявленные от него, г. Булатова, о дворянском его достоинстве, признали оныя согласными с предписанными на то правилами; вследствие коих по силе 78-ой статьи объявленной Грамоты он и род внесен в дворянскую родословную Саратовской губернии книгу во 2-ю ея часть. Во свидетельство чего мы, губернский предводитель дворянства и депутаты, во исполнение Высо-

чайшаго Его Императорскаго Величества соизволения дали ему сию Грамоту за подписанием нашим, утвердив оную печатью Дворянскаго собрания Саратовской губернии марта 22-го дня 1824-го года.

Подлинную грамоту подписали: Саратовской губернии предводитель дворянства полковник и кавалер Александр Панчулидзе, и депутаты дворянства: коллежский советник и кавалер Николай Иванов, надворный советник Лев Рославлев, кавалер Николай Харин, коллежские ассессоры кавалер Николай Григорьев, Леонтий Веденяпин, Петр Неключов, титулярный советник Павел Яковлев. Скрепил дворянства секретарь Калантаев, и печать Саратовскаго дворянскаго депутатскаго Собраниа под бланком приложена по записной книге № 45.

ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 451. Л. 13. Рукописная копия.

№ 7

Запись о смерти Н.И.Булатовой в метрической книге Новоузенского Покровного собора

Новоузенск

1848 г.

1. Счет умершим

№ 19

2. Месяц и день смерти, погребение

Июнь 19, 21

3. Звание, имя, отчество и фамилия умершего

Титулярнаго советника жена Надежда Иванова Булатова

4. Лета умершего

35

5. От чего умер

От холеры

6. Кто исповедовал и приобщал

Священник Никифор Смирнов

7. Кто совершал погребение и где погребены

Священник Марк Островидов с пономарем Иваном Елшанским, на отведенном кладбище.

ГАСО. Ф. 637. Оп. 1. Д. 1230. Л. 179 об. — 180. Рукопись. Подлинник.

№ 8

Запись о браке Н.И.Булатова и Е.Н.Москвитиновой в метрической книге Новоузенского Покровского собора

Новоузенск

1852 г.

1. Счет браков

№ 15

2. Месяц и день

Генварь, 30

3. Звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание жениха и которым браком

Коллежский ассессор Николай Иванов Булатов, православного вероисповедания, вторым браком

4. Лета жениха

49

5. Звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание невесты и которым браком

Из дворян Евгения Никитина Москвитинова, православного вероисповедания, первым браком

6. Лета невесты

33

7. Кто совершал таинство

Проторией Хрисанф Рождественский с диаконом Иваном Лебедевым, дьячком Ермолаем Красновым и пономарем Иваном Елшанским

8. Кто были поручители

Со стороны жениха: штабс-ротмистр Иван Игнатьев Бурков, губернский секретарь Николай Захаров Воронин и писец 1-го разряда Григорий Яковлев, со стороны невесты: надворный советник Михаил Осипов Мещеевский, коллежский регистратор Петр Постников и писец 2-го разряда Василий Новиков.

ГАСО. Ф. 637. Оп. 1. Д. 1236. Л. 108об. — 109. Рукопись. Подлинник.

№ 9**Формулярный список о службе уездного казначея коллежского ассессора Н.И.Булатова**

Новоузенск

1854 г.

1. Чин, имя, отчество, фамилия. Должность, лета от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание.

Коллежский ассессор Николай Иванович Булатов, новоузенский уездный казначей, пятидесяти одного года, православного исповедания. Жалованье 294 р. Стол. 148 р. 50 к. (442 р. 50 к.).

2. Из какого звания происходит?

Из дворян.

3. Есть ли имение: у него самого и у родителей.

Родовое: Саратовской губернии в Камышинском уезде две души крестьян и у матери его в Камышине деревянный дом.

Благоприобретенное: Саратовской губернии в Камышинском уезде 20 десятин земли и 3 души дворовых людей и Самарской губернии в городе Новоузенске деревянный дом.

У жены, буде женат.

Родовое: нет.

Благоприобретенное: Самарской губернии в городе Новоузенске деревянный дом.

4. Где получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук, когда в службу вступил, какими чинами, в каких должностях и где проходил оную; не было ль каких особенных по службе деяний или отличий; не был ли особенно, кроме чинов, чем награждаем и в какое время; сверх того, если находясь под судом или следствием, был оправдан или признан невинным: то когда и за что именно был предан суду и чем дело кончено.

По окончании курса в Камышинском уездном училище в службу вступил в Камышинский уездный суд канцеляристом 1817 года июля 31 дня.

Перемещен в Камышинскую дворянскую опеку протоколистом 1820 года декабря 31 дня.

Произведен в коллежские регистраторы со старшинством с 1820 года декабря 31 дня.

Перемещен обратно в уездный суд 1823 года января 13 дня.

Произведен в губернские секретари со старшинством с 1823 года декабря 31 дня.

По выбору дворянства поступил на трехлетие в Камышинский земский суд 1825 года января 25 дня.

По окончании трехлетия по выборам же дворянства поступил в Петровский земский суд дворянским заседателем 1828 года января 27 дня.

По окончании трехлетия по выборам же дворянства поступил в Петровский уездный суд дворянским заседателем 1831 года 31 дня.

Произведен в коллежские секретари со старшинством с 1834 года января 1 дня.

Перемещен в таковой же должности в Камышинский земский суд 1836 года августа 7 дня.

По прослужении трехлетия по прошению определен, не прерывая службы, секретарем в Камышинский городской магистрат 1837 года июля 12 дня.

Сверх того по выбору дворянства был депутатом Камышинской квартирной комиссии, в каковой должности находился с 27 апреля 1837 г.

Произведен в титулярные советники со старшинством с 1838 года декабря 31 дня.

Во время служения в магистрате привел в порядок запущенные дела. По прошению перемещен в Саратовскую палату государственных имуществ столоначальником 1839 года октября 1 дня.

Перемещен обратно в Камышинский городской магистрат секретарем 1840 года июля 27 дня.

По выбору дворянства с исправлением 1-й должности в Камышинскую квартирную комиссию от дворян депутатом [был избран] 1841 года января 24 дня.

От секретарской должности по прошению уволен 1844 года января 3 дня.

Перемещен в штат Саратовского губернского правления 1844 года февраля 26 дня.

Определен в Камышинскую градскую полицию письмоводителем 1844 года апреля 17 дня.

Перемещен в Новоузенск уездным казначеем 1847 года апреля 1 дня.

Произведен в коллежские асессоры со старшинством с 1850 года июня 15 дня.

Случаям, кои могли были права на получение знака отличия [лишить], не подвергался.

5. Был ли в походах против неприятеля и в самых сражениях и когда именно?

Не был.

6. Был ли в штрафах, под следствием и судом; когда и за что именно предан суду; когда и чем дело кончено?

Не был.

7. Был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени; являлся ли на срок и если просрочил, то когда именно явился и была ли причина просрочки признана уважит[ельной].

Был в 1832 году на 3 месяца, в 1851 году на 28 дней и 1853 году на 25 дней и явился на срок.

8. Был ли в отставке с награждением чина или без оногo, когда и с которoгo по какое именно время.

Не был.

9. Холост или женат: на ком, имеет ли детей, кого именно, год, месяц и число рождения детей; где они находятся и какого вероисповедания?

Женат вторым браком на Евгении Никитиной, у него дочери от первого брака: Екатерина, родившаяся 1842 г. февраля 2 и Анна, родившаяся 1844 г. февраля 1, сын Николай — 1854 года апреля 23 дня.

ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 451. Л. 48—52. Рукописная копия.

№ 10

Запись о браке М.Н.Чернова и А.Н.Булатовой в метрической книге Новоузенского Покровского собора

Новоузенск

1864 г.

1. Счет браков

№ 4

2. Месяц и день

Генварь, 8

3. Звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание жениха и которoгo вторым браком

Самарской Казенной Палаты исправ[ляющий] д[олжность] контролера, коллежский регистратор Михаил Николаев Чернов, православный, вторым браком

4. Лета жениха

25

5. Звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание невесты и которoгo вторым браком

Титулярного советника, ныне коллежского асессора Николая Иванова Булатова дочь девица Анна, православная, первым браком

6. Лета невесты

19

7. Кто совершал таинство

Священник Андрей Орлов с диаконом Иваном Воронцовым и дьячком Федором Кесаревым

8. Кто был поручителем

По жениху: канцелярский служитель Илья Николаев Святухин и коллежский асессор Андрей Николаев Варганов, по невесте: канцелярский служитель Петр Мартимианов Алексеев и титулярный советник Николай Петров.

ГАСО. Ф. 637. Оп. 1. Д. 1268. Л. 165об. — 166. Рукопись. Подлинник.

№ 11

**Запись о смерти А.Н.Черновой в метрической книге
Хвалынской Николаевской церкви**

Хвалыньск

1875 г.

1. Счет умерших

№ 7

2. Месяц и день смерти, погребение

Июнь 8, 10

3. Звание, имя, отчество и фамилия умершего

Анна Николаева коллежского асессора Михаила Николаева Чернова жена

4. Лета умершего

30

5. От чего умер

От родов

6. Кто исповедовал и приобщал

Священник Николай Богородицкий

7. Кто совершал погребение и где погребены

Священник Николай Богородицкий с и[сполняющим] д[олжность] псаломщика Любомировским, на приходском кладбище.

ГАСО. Ф. 637. Оп. 1. Д. 2166. Л. 49 об. — 50. Рукопись. Подлинник.

№ 12

**Формулярный список о службе камышинского казначея
коллежского советника М.Н.Чернова**

Камышин

1903 г.

1. Чин, имя, отчество, фамилия, должность, лета от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое жалованье

Коллежский советник Михаил Николаевич Чернов, Камышинский казначей, шестидесяти четырех лет, православного вероисповедания,

имеет знаки отличия: Св. Владимира 4 ст., Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 3 ст., Св. Станислава 3 ст. и серебряную медаль в память императора Александра III-го на Александровской ленте. Жалования 740 р. Столовых 740 р. Квартирных 320 р.

2. Из какого звания происходит

Из обер-офицерских детей.

3. Есть ли имение: родовое, приобретенное (у него самого и у родителей)

Благоприобретенное: 2-х этажный дом на Набережной улице.

У жены, буде женат

Нет.

4. Где получил воспитание и окончил ли полный курс наук в учебном заведении; когда вступил в службу, какими чинами, в каких должностях и где проходил оную; не было ли каких особенных по службе действий или отличий; не был ли особенно чем-либо награждаем, кроме чинов

По окончании курса наук в Пензенском уездном училище в службу вступил в Тамбовскую казенную палату 1856 года июля 23.

По распоряжению палаты перемещен в Борисоглебское уездное казначейство 1857 года марта 26.

По распоряжению той же палаты согласно пожеланию перемещен в отделение казначейства писцом 1858 года апреля 28.

По прошению перемещен в Пензенскую казенную палату 1858 года ноября 28.

Указом Правительствующего Сената от 1861 года мая 26 за № 98 произведен за выслугу лет в коллежские регистраторы со старшинством с 1860 года июля 23.

Согласно прошения уволен в отставку за болезнью 1861 года июля 15.

Согласно прошению определен в штат Самарской казенной палаты по отделению питейного сбора 1861 года ноября 15.

Постановлением палаты определен помощником столоначальника 1861 года декабря 13.

Постановлением палаты 1863 года марта 26 перемещен помощником бухгалтера по отделению казначейств.

Постановлением Палаты допущен к исправлению должности контролера по отделу контрольному 1863 года октября 7.

Постановлением палаты командирован к исправлению должности новоузенского уездного казначея 1864 года августа 1.

Определен новоузенским уездным казначеем 1864 года октября 26.

Указом Правительствующего Сената от 1865 года июля 16 за № 32650 произведен за выслугу лет в губернские секретари со старшинством с 1863 года ноября 12.

Указом Правительствующего Сената от 1869 года апреля 16 произведен за выслугу лет в коллежские секретари со старшинством с 1866 года ноября 12.

За усердную службу Всемилостивейше награжден 250 р., как это видно из предписания департамента государственного казначейства от 1871 года марта 12 № 5433.

Указом Правительствующего Сената от 1871 года марта 5 за № 54 произведен за выслугу лет в титулярные советники со старшинством с 1869 года ноября 12.

Согласно прошению, постановлением палаты, состоявшимся 1872 года июля 12, уволен в отставку по домашним обстоятельствам.

Согласно прошению, определен счетным чиновником Саратовской контрольной палаты 1872 года августа 23.

Определен хвалынским уездным казначеем 1873 года марта 1.

Указом Правительствующего Сената от 1873 года апреля 23 за № 35 произведен за выслугу лет в коллежские асессоры со старшинством с 1873 года января 23.

Перемещен на должность камышинского уездного казначея 1875 года октября 25.

Указом Правительствующего Сената от 1878 года января 25 произведен в надворные советники со старшинством с 1877 года января 23.

Высочайше пожалован орденом св. Станислава 3 ст. 1880 года декабря 19.

Произведен за выслугу лет в коллежские советники со старшинством с 1882 года января 23.

Высочайше пожалован орденом св. Анны 3 ст. 1885 года марта 15.

Высочайше пожалован орденом св. Станислава 2 ст. 1895 года апреля 2.

Высочайше пожалован орденом св. Владимира 4 ст. 1896 года сентября 22.

Высочайше награжден серебряной медалью в память императора Александра III-го на Александровской ленте.

Согласно прошению, уволен по болезни от службы в отставку с 1904 года декабря 24.

5. Холост или женат, на ком; имеет ли детей, кого именно, год, месяц и число рождения детей, где они находятся и какого вероисповедания

Женат третьим браком на Любви Михайловой, имеет детей от второго брака: сыновей Владимира, родившегося 12 марта 1866 года, Виктора, родившегося 25 ноября 1873 года, и дочерей — Ольгу, родившуюся 19 апреля 1867 год, Софью, родившуюся 10 октября 1869 года, и Надежду, родившуюся 24 августа 1871 года; от третьего брака: дочерей Веру, родившуюся 11 января 1878 года, Лидию, родившуюся 18 декабря 1884 года, Елену, родившуюся 27 августа 1886 года, Галину, родившуюся 26 августа 1888 года и Нину, родившуюся 29 июля 1892 года.

ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 7138. Л. 8—8об., 11—18. Рукопись. Подлинник.

Примечания

¹ Апшеронский 81-й пехотный полк принадлежал к числу самых славных и боевых полков русской армии. Он был сформирован в 1724 году, а название свое получил в 1732 году.

² Имеются в виду военные действия против польских конфедератов 1768—1772 гг. и русско-турецкая война 1768—1774 гг.

³ Саратовская соляная контора — административный орган, созданный в 1747 г. в связи с началом разработки Эльтонского соляного промысла. Ведала добычей, отпуском, перевозкой и хранением соли. В ряде мест, в том числе и в Камышине, содержала соляные склады — запасные соляные магазины.

⁴ Духовная консистория — административно-судебный орган, существовавший при епархиальном архиерее.

⁵ Имеется в виду дворянская родословная книга Саратовской губернии, содержащая сведения о происхождении, родственных связях и службе дворянских родов Саратовской губернии.

⁶ Речь идет о «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» от 21 апреля 1785 г.

⁷ Речь идет о Саратовском дворянском депутатском собрании — одном из выборных органов губернского дворянского самоуправления, состоявшем из губернского предводителя дворянства и дворянских депутатов. Главным его назначением было ведение дворянской родословной книги и выдача дворянам свидетельств (грамот) о дворянском звании.

«ВСЯКОЙ МИНИСТР ПРИВОЗИЛ ДЕЛА С СОБОЮ»

Записка Ф.Ф.Гежелинского о деятельности
Комитета министров. 1826 г.

Публикуемый источник — записка управляющего делами Комитета министров Ф.Ф.Гежелинского¹ «Сведения о Комитете министров с начала учреждения оного по настоящее время» от 20 декабря 1826 г. — имеет несомненную историческую и историко-юридическую ценность, т.к. в обобщенном виде отражает развитие этого важного государственного органа в первой трети XIX в. Документ лишь косвенно упомянут в фундаментальном труде С.М.Середонина², в «Журналах Комитета министров...»³ и в журналах Комитета от 6 декабря 1826 г.⁴ В трудах советских историков сведений о записке Ф.Ф.Гежелинского нет⁵, что объясняется отсутствием специального научного исследования, посвященного истории Комитета министров первой половины XIX в.

Записка Ф.Ф.Гежелинского — это краткая историческая справка о Комитете министров с момента его учреждения по 1826 г., составленная по поручению Николая I. Записка является составной частью материалов, представленных управляющим делами Комитета министров по повелению императора. Перечень этих материалов дается в сопроводительном письме Ф.Ф.Гежелинского от 22 декабря 1826 г. к статс-секретарю Н.Н.Муравьеву:

«Милостивый Государь Николай Назарьевич!

Во исполнение Высочайшего повеления, объявленного мне Вашим Превосходительством в отношении от 14-го сего декабря за № 2478, имею честь препрово-

¹ Гежелинский Федор Федорович (? — после 1831) — действительный статский советник, исполняющий должность управляющего делами Комитета министров в 1822—1825 гг., управляющий делами Комитета министров в 1825—1830 гг. В 1831 г. за мошенничество приговорен к лишению чинов и дворянства с разжалованием в солдаты. Дальнейшая судьба неизвестна.

² См.: Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 2. Ч. II. С. 11.

³ См.: Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I. СПб., 1888. Т. 1. С. 16, 27, 29; Т. 2. С. 28, 107.

⁴ См.: Сборник РИО. СПб., 1891. Т. 74. С. 62.

⁵ См.: Парусов А.И. Административные реформы в России в первой четверти XIX века в связи с экономической и социально-политической обстановкой. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1967; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978; Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века). М., 1981; Казанцев С.М. Реформы высших и центральных государственных органов Российской империи в начале XIX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Л., 1981.

дить при сем к Вам, Милостивый государь, для предоставления Его императорскому Величеству.

Во-1-х, составленную мною записку с объявлением сведений как о первоначальном образовании в 1802 году Комитета министров, так и о всех происшедших с того времени переменах. При сей записке прилагаются: а) выписка из Общего Наказа министрам, поданного при Высочайшем Манифесте 25 июня 1811 года, и б) переплетенная книга, под заглавием — правила по Комитету министров с 1808 по 1827 год.

Во-2-х, подлинные журналы Комитета министров 1802 и 1803 года в двух переплетенных книгах и при оных реестры о делах, рассмотренных в те годы.

В-3-х, подлинные журналы и мемории Комитета министров за генварь месяц 1824 года, в двух книгах.

В-4-х, краткие мемории Комитета министров за весь 1824 год, в одной книге.

И в-5-х, реестры заседаний Комитета министров 1824 года, объясняющие кратко содержание тех дел, какие поступили и рассмотрены Комитетом в том году.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга Федор Гежелинский⁶.

В настоящее время запись Ф.Ф.Гежелинского хранится в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге (РГИА), в фонде 1263 (Комитет министров), опись 1, дело 4а — «Постановления Комитета министров, состоявшиеся с 1805 по 1827 год и сведения о разных распоряжениях, последовавших с Высочайшего утверждения насчет производства дел по Комитету». Документ публикуется по современным правилам правописания, с сохранением стилистических особенностей оригинала.

Публикацию подготовил Н.И.ЗУЕВ.

Сведения о Комитете министров с начала учреждения оного по настоящее время^а

При образовании в 1802 году министерств назначено учреждение Комитета министров. В Манифесте 8-го сентября 1802 года между прочим сказано: «Есть ли в каком-нибудь деле власть министра, которой пределы ясно означены будут в инструкции, не позволяет ему разрешить сомнения мест, или чиновников, в ведомстве его состоящих, или отвратить какие-нибудь по вверенной ему части могущие встретиться неудобства, влекущие за собою потерю времени, излишние издержки, беспорядок в производстве, или такие последствия, кои преграждают путь к приведению чего-либо в лучшее состояние, в таких случаях министр, придумав удобное средство к преодолению таковых затруднений, входит к Государю Императору с докладом, из которого бы ясно можно было видеть, в чем состоит предлагаемый им способ, причину, заставившую его предложить оный и, наконец, пользу, от того произойти должествующую. Каждый министр, прежде поднесения такового доклада, должен предварительно предложить его прочим министрам для надлежащего соображения со всеми государственными частями, в веде-

⁶ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4а. Л. 121—121об.

^а Заголовок документа.

нии их находящимися; в случае же нарушения узаконяемого порядка всякий министр имеет право сделать Государю Императору о том свое представление».

Собрания Комитета министров составлялись по два раза в неделю в присутствии Государя Императора и все дела, министрами представляемые, решительно оканчивались в самом заседании Высочайшим подписанием апробованных Комитетом проектов указов, или конфирмациею^а утвержденных докладов.

При таком образе производства дел Комитет не имел у себя никакой канцелярии. Всякой министр привозил дела с собою, сам читал их в Комитете, принимал рассуждения или разрешения к исполнению, а не доложенные дела брал с собою обратно. Словом, по Комитету не было с министрами никакой переписки. Весь круг канцелярского производства в Комитете ограничивался единственно составлением самого краткого журнала о предметах, в каждое заседание рассуждаемых и сие поручено было от Его Величества сперва действительному камергеру Новосильцеву¹, потом товарищу министра просвещения Муравьеву², а после статс-секретарю Молчанову³.

Товарищи министров присутствовали в Комитете министров и занимали места каждый позади своего министра; но они в суждении по делам не участвовали и журналов Комитета не подписывали. Впоследствии однако же сие изменилось.

Было время, что Комитет несколько месяцев сряду, особенно в 1807 и в начале 1808 года, вовсе оставался без действия и не собирался.

31-го августа 1808 года, пред отбытием Государя Императора в Эрфурт⁴, даны первоначальные правила Комитету, в которых с 9 по 22 § означено, какого рода дела должны были поступать на разрешение Комитета. Правила сии соделали занятия Комитета пространнейшими; председательство учреждалось между членами Комитета по очереди, начиная с старшего. Министры докладывали в Комитете дела свои сами и сами же принимали разрешение; журналы Комитета составлялись под наблюдением занимающего место председателя и от него подносились Государю Императору.

По возвращении Его Величества в столицу 11-го ноября того же 1808 года сделаны в правилах Комитета некоторые перемены; ему назначено было собираться в неделю один раз, образ председательствования оставлен в прежнем порядке; но журналы велено подносить на Высочайшее рассмотрение чрез управляющего делами Комитета, которым был тогда статс-секретарь Молчанов.

В сем виде существовал Комитет министров до 1812 года, и действия его все еще были не обширны, потому что министры большую часть дел докладывали Его Величеству лично.

При издании в 1811 году общего Учреждения министерств и Наказа министрам было, кажется, предположение, чтобы Комитет министров

^а Конфирмация (лат. *confirmatio*) — утверждение; в данном контексте — утверждение императором докладов министров.

вовсе уничтожить и соединить оный с 1-м департаментом Сената, ибо в Наказе министрам, из коего прилагается при сем выписка, постановлено, что те самые дела, которые входили в круг занятия Комитета, должны были поступить в Правительствующий Сенат, а о Комитете уже ничего упомянуто не было; но предположение сие осталось без исполнения.

В марте месяце 1812 года благоугодно было Его Императорскому Величеству, пред отбытием в армию, присвоить Комитету, Высочайше подтвержденным 20 марта 1812 года учреждением, особенную власть и поручить оному все вообще дела государственного управления; в сие время назначен особый председатель Комитета и кроме министров и управляющих министерствами велено присутствовать в оном всем председателям департаментов Государственного совета.

Вследствии сего начал Комитет иметь постоянно по два заседания в неделю; занятия оного сделались весьма обширными и введен новый порядок делопроизводства. С умножением дел надлежало уже иметь при Комитете нарочитую канцелярию; но ее не было особенно определено никаким штатным положением, а употреблялись чиновники из состоящих при статс-секретаре Молчанове.

Во все сие время с издания в 1812 году нового учреждения Комитета министров, по делам оного представляемы были к Высочайшему рассмотрению подлинные журналы, в которые вписывались поступающие от министров представления слово в слово и по утверждению оных Государем Императором подлинные представления при выписках из журналов возвращались к министрам; в канцелярии же Комитета оставались одни только журналы.

В декабре месяце 1815 года по увольнении статс-секретаря Молчанова назначен на его место статс-секретарь Марченко⁵; при сем случае отделены были все чиновники, по Комитету употреблявшиеся, числом 23, и составили собственно канцелярию Комитета.

Между тем в первых числах того же декабря месяца по возвращении Государя Императора в С.-Петербург, бывший в то время председатель князь Салтыков⁶ испросил словесно Высочайшее дозволение представлять дела Комитета Его Величеству мемориями^а. Мемории сии составлялись из журналов Комитета со всевозможною краткостью и по ним объявляемы были Высочайшие разрешения.

При увольнении статс-секретаря Молчанова Высочайшим рескриптом, на имя князя Салтыкова данным 24-го декабря 1815 года, Его Величество изволил назначить для доклада и надзора по делам Комитета генерала от артиллерии графа Аракчеева⁷.

Мемории Комитета подписывались председателем, потом графом Аракчеевым, а с мая месяца 1819 года повелено подписывать оные управляющему делами Комитета.

^а Мемория (от лат. *memoria* — память) — в государственном делопроизводстве России XVIII—XIX вв. памятная записка, выписка, представленная на утверждение.

В августе месяце 1818 года на место статс-секретаря Марченко назначен управляющим делами Комитета действительный статский советник Колосов⁸. При сем случае высочайшим рескриптом от 26 августа 1818 года канцелярия Комитета подчинена была непосредственно генералу графу Аракчееву.

Обратив внимание на течение дел в Комитете и удостоверясь из опыта, что внесение в журнал Комитета министерских представлений слово от слова умножает только письмоводство до чрезвычайности без всякой нужды, не обеспечивая впрочем нимало ответственности, по причине возвращения министрам подлинных их представлений, граф Аракчеев в октябре месяце 1818 года счел нужным с Высочайшего соизволения переменить форму журналов и представления оставлять при делах Комитета. О сем распоряжении изъяснено в докладной записке генерала графа Аракчеева, Высочайше подтвержденной 26 апреля 1819 года. При сей перемене установлено, чтобы мемории, подносимые Государю императору, писаны были слово в слово с журналами Комитета.

Спустя несколько времени после сего приказано было сверх установленных меморий прилагать, при оных, краткие извлечения вроде реестра с изложением и резолюций Комитета.

Но как сии краткие мемории не могли быть достаточны для Высочайшего рассмотрения, то оные некоторое время были вовсе отменены; потом дана им новая форма, а в 1820 году по назначению управляющим делами Комитета действительного статского советника Сухопрудского⁹, велено составлять их таким образом, чтобы они совершенно заменяли подробные мемории; в сем виде краткие мемории были ведены постоянно, но наиболее только в то время, когда Государь Император изволил находиться в отсутствии.

По смерти Сухопрудского в ноябре месяце 1822 года место его занял управляющий ныне делами Комитета действительный статский советник Гежелинский.

С 1821 года мемории комитета подносились Государю Императору уже совершенно единообразно, т.е. вдвойне подробные и краткие. Государь Император изволил всегда читать сии последние и на них изъявлял свои разрешения; особые же журналы представлялись в оригинале с приложением при них кратких выписок.

В сем виде дела Комитета министров, быв обрабатываемы управляющим делами Комитета, представлялись генералу графу Аракчееву, он докладывал их Государю Императору и объявлял Комитету Высочайшие разрешения.

По увольнении графа Аракчеева от заведывания делами Комитета¹⁰, царствующий ныне Государь Император Высочайше повелеть изволил, дабы мемории и журналы Комитета подносимы были Его Величеству управляющим делами Комитета и им же объявлялись Комитету Высочайшие разрешения.

С сего времени в производстве дел по канцелярии Комитета министров не было делаемо никакой перемены и установленный по Высочайшей воле порядок исполняется во всей точности.

Высочайшим указом, данным Комитету министров 20 декабря 1825 года, канцелярия Комитета подчинена непосредственно управляющему делами оного, а 20 февраля 1826 года удостоен Высочайшей конфирмации штат для канцелярии Комитета министров и определены обязанности чиновников, канцелярию оного составляющих.

Копии со всех постановлений и указов, о коих упоминается в настоящей записке, представляются при сем в особо переплетенной книге под заглавием «Правила по Комитету министров с 1808 по 1827 год».

Подлинное подписал управляющий делами Комитета министров действительный статский советник Гежелинский.

Декабря 20 дня 1826 года.

РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4а. Л. 122—127об. Копия.

Примечания

¹ *Новосильцев Н.Н.* (1768—1838) — граф (1833), государственный деятель. Член Негласного комитета. С 1832 г. председатель Государственного совета и Комитета министров.

² *Муравьев Михаил Никитович* (1757—1807) — действительный тайный советник, сенатор, товарищ министра народного просвещения в 1802—1807 гг., попечитель Московского университета.

³ *Молчанов Петр Степанович* (1770—1831) — тайный советник, статс-секретарь, сенатор, управляющий делами Комитета министров в 1808—1815 гг.

⁴ Имеется в виду поездка Александра I в Эрфурт на встречу с Наполеоном I осенью 1808 г.

⁵ *Марченко В.Р.* (1782—1840) — государственный деятель, действительный тайный советник (1840). В 1815—1818 гг. статс-секретарь Е.и.в. и управляющий делами Комитета министров.

⁶ *Салтыков Николай Иванович* (1736—1816) — князь, сенатор, генерал-фельдмаршал, президент Военной коллегии в 1796—1802 гг., председатель Государственного совета и Комитета министров в 1812—1816 гг.

⁷ *Аракчеев А.А.* (1769—1834) — граф (1799), государственный и военный деятель, генерал от артиллерии (1807). В 1808—1810 гг. — военный министр, в 1810—1812 и 1816—1826 гг. — председатель Департамента военных дел Госсовета. С 1815 г. фактически руководил Госсоветом, Комитетом министров, Собственной е.и.в. канцелярией.

⁸ *Колосов Иван Петрович* (1774—1820) — действительный статский советник, управляющий делами Комитета министров в 1818—1820 гг.

⁹ *Сухопрудский Иван Федорович* (?—1822) — действительный статский советник, управляющий делами Комитета министров в 1820—1822 гг.

¹⁰ Граф А.А.Аракчеев был «уволен в отпуск по болезни» в 1826 г.

ИЗ ИСТОРИИ УЧРЕЖДЕНИЙ ПРИДВОРНОГО ВЕДОМСТВА

Вторая половина XVIII в.

История учреждений придворного управления XVIII — начала XX вв. исследована явно недостаточно. По сути, основой современного изучения учреждений придворного управления продолжают оставаться (наряду с документальными фондами РГАДА и РГИА) дореволюционные юбилейные ведомственные издания, посвященные Департаменту уделов¹, Капитулу российских императорских и царских орденов², Кабинету его императорского величества³, учреждениям по управлению придворной охотой⁴. Что же касается истории придворных канцелярий и контор, а также дворцовых правлений XVIII — начала XX вв., то до сегодняшнего дня эти сюжеты не получили достойного освещения в специальном научном исследовании. Подобное положение объясняется рядом причин: в дореволюционное время — конфиденциальностью и малодоступностью информации об учреждениях придворного ведомства, сложностью систематизации исторического материала; в советское время — длительной закрытостью темы, ее неактуальностью. Лишь с середины 90-х гг. прошлого столетия произошел определенный всплеск интереса к истории придворных учреждений XVIII — начала XIX вв. Пока, правда, только на уровне статей⁵.

Публикуемый архивный источник «Об управлении придворного ведомства в царствования: Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I» позволяет, в определенной степени, восполнить существующий пробел. Документ хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), в фонде знаменитого дореволюционного историка Н.К.Шильдера⁶. Исследование представляет собой писарский список, сделанный, очевидно, по заказу Н.К.Шильдера, в пери-

¹ Столетие уделов 1797—1879. СПб., 1897; История уделов за столетие их существования. 1797—1897. СПб., 1902, Т. 1—3.

² Из истории Капитула орденов. Столетие 1797—1897. СПб., 1897.

³ 200-летие Кабинета его императорского величества 1704—1904. СПб., 1911 (Далее: Кабинет е.и.в.).

⁴ Царская охота на Руси. Исторический очерк Николая Кутепова. СПб., 1896—1911. Т. 1—4 (Издание Н.И.Кутепова не было приурочено к определенному юбилею).

⁵ Государственность России. Словарь-справочник. М., 1996—2001. Кн. 1—4. Справочные статьи М.В.Бабич, А.Н.Ерошкиной и др.; Бабич М.В. Кабинет императорского величества в XVIII веке: традиция и перспективы изучения. // Вестник Челябинского университета. Серия 7. 1998. № 1. С. 35—45; Несмеянова И.И. Управление императорским двором в XIX веке // Там же. С. 59—65; Новицкая Т.Е. Императорский двор, придворные управления и ведомства, чины и служители // Законодательство Екатерины II. М., 2000. Т. 1. С. 84—92.

⁶ Шильдер Николай Карлович (1842—1902) — военный инженер, генерал-лейтенант, историк, историограф, член-корреспондент АН, директор Императорской публичной библиотеки в 1899—1902 гг.

од его работы над историческими исследованиями, посвященными Павлу I, Александру I и Николаю I⁷. К сожалению, список не содержит данных об авторе этого исследования и источнике, с которого он сделан⁸.

Хронологически исследование охватывает период, ориентировочно, с 1762 по 1861 г. Последняя дата является, очевидно, и датой его написания. Отсылки в тексте источника к различным периодам истории развития придворных учреждений (первый, примерно, со времени Ивана III до Петра I; второй — с Петра I до учреждения Министерства императорского двора и уделов; третий — после учреждения Министерства императорского двора и уделов) позволяют предположить, что данный архивный источник является копией лишь части другого, значительно более обширного исследования. Причем, временные рамки этой копии были обусловлены специфическими научными интересами Н.К.Шильдера, относящимися ко 2-й половине XVIII — 1-й половине XIX вв.

Выявление подлинной и, вероятно, более полной рукописи данного исследования, как и определение его авторства, является делом будущего. Но и в сокращенном виде публикуемый источник имеет определенную научную ценность, поскольку охватывает период, недостаточно исследованный в исторической литературе. В первую очередь это касается временного отрезка 1802—1826 г., поскольку ни манифест от 8 сентября 1802 г. «Об учреждении министерств»⁹, ни «Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г.¹⁰ не затронули учреждений придворного управления, они продолжали действовать, сохранив свое коллежское организационное устройство и порядок делопроизводства в практически неизменном виде. И только учреждение Министерства императорского двора и уделов¹¹ положило начало централизации придворного управления.

Не меньшее значение имеют выводы и обобщения, сделанные автором этого источника:

отсутствие у Придворной канцелярии в 1796—1801 г. функции организационного центра придворного управления¹²;

продолжение деятельности Егермейстерской конторы после 1796 г.¹³;

отсутствие единства действий и даже «некоторый антагонизм», существовавший между учреждениями придворного управления до 1826 г.¹⁴;

исторически давно назревшая необходимость объединения всех учреждений придворного управления в одном — Министерстве императорского двора и уделов¹⁵;

известная автономность деятельности Кабинета е.и.в. и Департамента уделов в составе Министерства императорского двора и уделов¹⁶.

⁷ Император Павел Первый. Историко-библиографический очерк. СПб., 1901; Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1897—1898. В 4-х т. 2-е издание. — СПб., 1904—1905; Император Николай Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1903. В 2-х т.

⁸ Это обстоятельство не характерно для Н.К.Шильдера, который очень пунктуально относился к работе с источниками. Можно предположить, что источник, находившийся в его распоряжении не был подписан.

⁹ ПСЗ-1. Т. 27. № 20406. С. 243—248.

¹⁰ Там же. Т. 31. № 24686. С. 686—719.

¹¹ ПСЗ-2. Т. 1. № 541. С. 896—897.

¹² ОР РНБ. Ф. 859. Оп. Т. 16. К. 19. № 5. Л. 22об.

¹³ Там же. Л. 23.

¹⁴ Там же. Л. 14 об; 20; 30 об — 31об.

¹⁵ Там же. Л. 22—23об.

¹⁶ Там же. Л. 24.

Таким образом, это историческое исследование, вместе с упомянутыми выше юбилейными ведомственными изданиями, позволяет в целостном виде взглянуть на систему учреждений придворного управления 2-й половины XVIII — 1-й половины XIX вв.

Документ публикуется по правилам современной орфографии. Слова, подчеркнутые в тексте, выделены курсивом.

Публикацию подготовил М.А.ПРИХОДЬКО.

Об управлении придворного ведомства в царствования: Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I

Царствование императрицы Екатерины II

Царствование императрицы Екатерины II было весьма обильно различными изменениями в придворном ведомстве; поэтому следует вкратце указать, в каком виде застала она придворные учреждения.

Во-первых, существовала *Дворцовая канцелярия с Конторою в Москве*, заведывавшая доходами с дворцовых волостей и заготовлявшая, на доходы с оных, разные запасы для императорского двора.

Во-вторых, *Придворная контора*, в ведении которой был императорский двор и все придворные чины и служители, коим она и производила жалованье из сумм на сей предмет из Штатс-конторы.

В-третьих, мы находим *Обер-егермейстерскую канцелярию*, ведавшую императорскую псовую и птичью охоту.

В-четвертых, *Конюшенная канцелярия с особым повытьем¹ для придворной конюшни*, состоявшая под управлением обер-штальмейстера или штальмейстера, заведовавшая как придворной конюшной и ее служителями и принадлежащими к ней заведениями, так и конюшными волостями и государственными конюшными заводами.

Наконец, в-четвертых, *Канцелярия строений с подчиненным ей гоф-интендантом*, заведывающим царскими дворцами и садами, их строением и ремонтом.

В первые годы царствования императрицы Екатерины II до 1773 года не было особо важных повелений по ведомству *Дворцовой канцелярии*. Мы перечислим вкратце распоряжения этого времени. Печальное состояние Сената, отягченного множеством поступающих в оные дел, до того, что превосходит силы человеческие «все оныя дела решить в надлежащее время», вызвало меру разделения Сената на Департаменты².

Таких департаментов учреждено было шесть, из них четыре в Петербурге, а два в Москве. Между этими 6-ю департаментами распределены были внутренние дела государства, не исключая и придворного ведомства. При этом распределении дела Главной дворцовой, Егермейстерской и Конюшенной канцелярий; дела по Канцелярии от строений, по Мастерской Оружейной конторе отнесены были к ведению 3-го Департамента Сената (Манифест 15 декабря 1763 г.³).

Коснемся теперь изменений, в пределах ведомства Дворцовой канцелярии до 1773 г. В пограничные губернии России, со степями закаспийскими, часто выбегали из плена киргиз-кайсацкогие пленные рабы — персияне или азиатцы других народностей. Об обращении этих азиатцев в христианство прилагались особые попечения и об устройстве новокрещенных весьма много заботились. В 1753 г. приказано было таких новокрещенных селить в волостях дворцовых, по их выбору и Дворцовой канцелярии предписано снабжать их всем необходимым и приучать их к хозяйству и земледелию. Расходы на содержание и снабжение новокрещенцев пищей и одеждой выписывались в казенный расход безвозвратно⁴. Несколько позже таких новокрещенцев велено посылать лишь в те дворцовые волости, которые находятся в губерниях: Казанской, Оренбургской и Астраханской⁵. В 1763 году таких выходцев по спискам числилось 43 и 45 человек. Правление ее⁶ присоединено к Главной дворцовой канцелярии, для того вся дворцовых наших общин экономия должна быть общей; как сказано в указе Сенату⁷, по всем делам, касавшимся бывшей Вотчиной канцелярии, повелено обращаться в Главную дворцовую канцелярию. С другой стороны, из ведомства Главной дворцовой канцелярии изъяты были питейные сборы, именно сборы с отдачи кабаков на откуп в дворцовых волостях и вотчинных ее величества селлах. Эти сборы переданы были в ведомство Камер-коллегии. Затем возбужден был вопрос о производстве в чины и увольнении в отставку служащих в придворном ведомстве. Один из служивших в Дворцовой канцелярии обратился в Герольдмейстерскую контору Сената с прошением о совершенном увольнении его от службы с награждением чином. Обсудив это ходатайство, Сенат определил, что не может вмешиваться в дела о производстве и увольнении придворных чинов, а по сему предписал Дворцовой канцелярии, чтобы она увольняла сама служащих обер-офицерского чина, о высших же должностях представляла бы ее величеству от себя докладами; а в Герольдмейстерскую контору об отставленных от службы служащих сообщала бы лишь для сведения. В 1773 году обнародован был штат⁸ Главной дворцовой канцелярии с ее конторами дворцовыми в Москве и управительскими в разных губерниях. По штату этому председательствовал в оной обер-гофмаршал в чине генерал-аншефа, товарищ коего был гофмейстер в чине генерал-поручика, затем в ней числилось 8 советников, 2 экзекутора и 4 секретаря. 1-й при вотчинных делах, 2-й при отчетных, 3-й при приходе и расходе и 4-й при отпуске припасов и при подрядах.

В заведовании канцелярии состояло также заготовление припасов ко двору, для чего по штату полагались разные мастеровые по сытному двору, так и по хлебному, усмотрению восковых свеч, «у приходу и расходу дров и угольев». Затем при дворцах Красносельском и Екатерининском состояли управители. При подмосковных селлах — Коломенском, Измайловском и Покровском состояли также управители. В губерниях учреждены были управительские конторы; их было 7: в Тамбове, в Белгороде, Смоленске, Нижнем Новгороде, в Казани — для губерний Казанской и Астраханской, в Архангельске и Новгороде. Сенатским указами

зом от 5 марта 1774 года⁹ определены были обязанности Главной дворцовой канцелярии и ее контор по отношению к управлению дворцовыми волостями.

Во-первых, Дворцовой канцелярии строжайше воспрещено принимать к своему ведению дела тяжёбые дворцовых крестьян с людьми других ведомств, а также дела по преступлениям дворцовых крестьян, как-то: дела о воровстве, разбоях, корчемстве и убийствах. В случае жалоб посторонних на дворцовых крестьян, канцелярия должна была лишь принять меры к миролюбивому соглашению сторон, а если бы такого не состоялось, — отсылать жалобщиков к надлежащему суду. В случае исков от крестьян дворцовых на лиц посторонних ведомств, крестьяне должны были первоначально обращаться в свою контору с изложением основания своих исков и если иск признавался основательным, то крестьянам давался стряпчий для ведения дела в подлежащем суде. Стряпчие же оберегали интересы дворцовых крестьян при производстве в судебных местах по искам посторонних людей с дворцовых крестьян; обязанности управительских контор в губерниях были также подробно изложены. Конторы эти были учреждены на подобие контор Коллегии экономии, они должны были стараться о размножении хлебопашества и о своевременном сборе оброков и доставлении оных в канцелярию. Они вели точную отчетность приходам и расходам и должны были удерживать дворцовых крестьян от междоусобных ссор и нахального с соседями житья, а также чтобы крестьяне разбирались между собой через выборных посредников в присутствии голов или старост, на подобие третейского суда. Далее на обязанности управительских контор лежало наблюдение за размежеванием земель дворцовых сел и деревень и определение количества принадлежащей им земли, для чего при них должны были состоять особые землемеры.

Под ведением управительских контор крестьяне обязаны были выбирать себе в головы лучших из миру людей под именем старост и выборных, которые не отягощали бы мир излишними поборами (здесь намек на злоупотребления бывших управителей), а собирали бы без лишнего обременения крестьян государственные доходы и оклады дворцовые и отвозили их в свои конторы. В случае же недоимок конторы должны были посылать в неисправные волости, состоящих при них экзекуторов. По отношению к расходам перемен не воспоследовало, за исключением возложенной на Дворцовую канцелярию обязанности отпускать на содержание обер-гофмейстерской команды по 68 197 руб. 55 коп. в год по полугодно, взамен сумм, которые отпускались на эту команду из Штатс-конторы и из Кабинета ее величества.

Обязанность наблюдения за надлежащим обмежеванием земель дворцовых волостей была подтверждена указом 23 августа 1776 года¹⁰, коим предписано Дворцовой и Конюшенной канцеляриям посылать для присутствия при обмежевании земель дворцовых и конюшенных сел и деревень особых депутатов.

Учреждение в 1775 году в губерниях Казенных палат¹¹ отняло от Дворцовой канцелярии заведование дворцовыми властями и сборами с них.

В управление помянутых палат, учрежденных для домостроительных дел и заведывания казенными доходами, поступило собиране всех окладных и неокладных сборов по всему государству и, следовательно, с дворцовых волостей, заведывание коими поручено было состоявшим при Казенных палатах директорам домоводства.

В 1781 году из ведомства Дворцовой канцелярии были изъяты дворцовые винокуренные заводы и переданы директору экономии; но суммы, вырученные за поставку оными вина, должны были поступать по прежнему в доходы Дворцовой канцелярии. Таким образом, все существенные предметы ведения Дворцовой канцелярии были поручены Казенным палатам; в ее заведовании осталось лишь заготовление припасов для двора на дворцовые сборы, присылаемые из Казенных палат, словом, расхождение сумм на содержание высочайшего двора.

Придворная контора заведывала также расхождением сумм на содержание двора, вся разница между обоими учреждениями заключалась лишь в предметах, на которые расходовались поступающие в оба эти учреждения суммы. В сущности же Дворцовой канцелярии оставались дела, единообразные с Дворцовой конторою. Поэтому именным указом Сенату 2 ноября 1786 г.¹² повелено было упразднить Дворцовую канцелярию, соединив течение бывших в ней дел с Придворной конторой. Засим дворцовые доходы поступали в Придворную контору, к которой должны были обращаться все места и лица по делам, касающимся бывшей Дворцовой канцелярии. Вместе с Дворцовой канцелярией, упразднена была и Контора ее в Москве. Все дела по заготовлению съестных и других припасов и по денежным выдачам были возложены на Придворную контору, которой дан по сему поводу новый штат¹³. «Подав Придворной конторе столь значительное пособие и отворотя по возможности все затруднения, кои в течении дел ее могли причинять ей изменения заботы отягощения»¹⁴. Императрица указала конторе подробную инструкцию о порядке действий «Уповаем мы, заключает императрица инструкцию, что Придворная наша контора преложит всевозможные попечения к сбережению казны, при наблюдении пристойного благолепия»¹⁵. Несмотря, однако, на точную и подробную инструкцию, данную Придворной конторе 2 ноября 1786 года, вскоре оказались в конторе «приметные беспорядки и несовершенное исполнение высочайших указов». Поэтому признано было нужным дать еще некоторые разъяснения относительно порядка, присутствия и решения дел в конторе, причем указано в этом отношении следовать правилам, содержащимся в Генеральном регламенте для присутственных мест и частью в Учреждении о губерниях. Вообще же повелено «при наблюдении пристойного двору нашему благолепия, Придворной конторе, имея в подчиненности своей всех разными должностями обязанных и ливрейных служителей, прекращать беспорядки и прилежно стараться о делах ей порученных».

Надежды императрицы, что Придворная контора хозяйственным попечением и прилежным наблюдением за подчиненными будет всегда иметь остаточную сумму, далеко не оправдались. В 1795 году, из поданной императрице ведомости, оказалось, что за Придворной конторой за

десятилетие со времени первой инструкции накопился долг более чем на два миллиона рублей. Поэтому именным указом Придворной конторе было предписано, чтобы она, исправно получая определенную ей сумму, производила точно и верно платеж частным лицам за поставки и покупки, и отнюдь долгов делать не отваживаться; в чрезвычайных же случаях, требующих больших издержек, докладывала бы сколько и на что именно ей нужны деньги. Затем, чтобы еще более ограничить произвол конторы, повелено составить примерный штат всякого рода чинов и служителей по ведомству придворному с назначением окладов и расписанием по комнатам, также учинить расписание о всех домах по двору, как во время пребывания императрицы в С.-Петербурге, так и при отсутствии двора за городом, с означением кому на сколько особ и во сколько блюд оные полагаются, с тем, что по утверждении штата и расписания, контора не могла уже выходить из размеров оными определенных. Что касается до накопившегося долга, то повелено было к 1-му января 1796 года представить обстоятельную ведомость о долгах конторы генерал-прокурору Самойлову¹⁶, которому дан особый указ о платежах сего долга. Затем для облегчения Придворной конторы Камерцельмейстерская должность¹⁷ отделена была от конторы в ведомство Кабинета, а также не производилось расхода из Придворной конторы на содержание Петергофской гранильной мельницы, состоящей в ведомстве Кабинета.

При императоре Петре III, как мы видим, уже придворное конюшенное ведомство было в заведывании Конюшенной канцелярии, в которой было учреждено для придворной конюшни особое повытье.

Одним из первых распоряжений по этому ведомству императрицы Екатерины II было, как это замечено уже выше, подчинение дел Конюшенной канцелярии вместе с делами других придворных учреждений ведению 3-го Департамента Сената.

Императрица Екатерина II недолго оставила порядок, введенный Петром III по конюшенному ведомству; уже с 1765 года¹⁸ повелено было «для лучшего и порядочного с успехом дел исправления, конюшенным правлениям быть на прежнем основании каждому месту особо, как до 1762 года оные были»¹⁹. Таким образом, в Петербурге осталась Придворная конюшенная контора, а Дворцовая конюшенная канцелярия должна была состоять в Москве, как то было положено по штату 1733 года²⁰. Оба эти учреждения должны были состоять под усмотрением и орденами одного главного командира. В следующем 1766 году был издан новый штат Придворной конюшенной конторы²¹, по коему в одной заседал обер-шталмейстер ранга генерал-аншефа и шталмейстер ранга генерал-поручика, при одном секретаре и потребном числе канцелярских чиновников. При денежной казне состояли: казначей, комиссар и бухгалтер, у счета и рассмотрения книг — комиссар капитанского чина, при казенной богатой ливрее — комиссар в чине поручика, и при фураже — фуражмейстер в чине капитана и его помощник в чине поручика, при шатрах — шатерничий в чине поручика. Затем в штате зна-

чится обер-берейтор премьер-майорского чина, берейтор — капитанского чина; 2 унтер-берейтора чина подпоручика; 6 рейт-пажей и 6 берейторских учеников. Кроме того, по штату полагалось 2 унтер-шталмейстера (премьер-майорского чина); 2 экипажмейстера в ранге секунд-майора; 2 ясельничих, именовавшихся прежде футермаршалами, в чине капитана; шорных надзирателей 2-их и т.д. На содержание Придворной конюшенной конторы положено было по штату 100 т. руб. сереб. с отдачей в заведование Казенных палат. Поэтому в марте 1786 года последовало распоряжение об отдаче и этих крестьян в управление Казенных палат. Сама же Конюшенная канцелярия с 1 января 1786 года была закрыта²², а управление подведомыми ей казенными конскими заводами передано Придворной конюшенной конторе, которая снабжена была на сей предмет нужным числом чинов и особой инструкцией²³. Состав ее был увеличен двумя чиновниками или советниками, при одном секретаре и потребном числе канцелярских чиновников. Председательствовал в конторе по-прежнему обер-шталмейстер, за вице-президента был шталмейстер. Придворной конюшенной конторе предоставлено было уменьшать в одном заводе число лошадей, переводя их в другой, наблюдая чтобы только не выходить из числа лошадей, назначенного по штату, вообще же цель ее забот по заведыванию конскими заводами обозначена в инструкции так: «Стараться содержание конских заводов ее ведомства, так поставить, дабы они не только придворную нашу конюшню снабжали достаточно потребным числом лошадей, но еще продажей излишних, с одной стороны выручала бы издержки казенные, на завод употребленные, а с другой — дюже продажей способствовала размножению в государстве доброй породы лошадей»²⁴.

8 мая 1795 года был издан новый штат придворной конюшни²⁵, взамен штата 1766 года. Штат же заводской, изданный в 1786 году²⁶, повелено было оставить без перемены²⁷. Вместе со штатом дан был Придворной конюшенной конторе указ²⁸: 1) укомплектовать положенное по штату число нижних чинов из детей конюшенных служителей здешних заводских, годных к службе. Если же тех и других не будет достаточно, то донести императрице; 2) комплектом лошадей снабдиться из казенных заводов; 3) определенные по штату мастерства завести немедленно при помощи на первый случай мастеровых из армии или из тульских заводов, при этом предписано стремиться к тому, чтобы свои мастеровые не только исправляли разные починки, но и делали новые экипажи; 4) императрице представлять ежегодные краткие ведомости о приходе и расходе суммы, а в Кабинет представлять подробный отчет. На содержание конюшен велено отпускать ежегодно 302545 руб. и 25000 руб. на провиант конюшенных служителей. Как видно, Конюшенная контора вела дела свои аккуратнее и законнее, чем Придворная. Указ заканчивается словами: «Впрочем, мы, будучи довольны настоящим правлением Придворной конюшенной конторы, надеемся, что она добрыми своими распоряжениями, отвращением излишних расходов и неусыпным наблюдением всего ей порученного потщится еще более заслужить наше благоволение»²⁹. Издание нового штата было вызвано

увеличением императорской фамилии. По штату прибавлено несколько канцелярских служителей в Придворную конюшенную контору. Взамен бывших комиссаров учреждена должность пристава обер-офицерского чина, для проверки счетов и ежегодного свидетельствования вещей, и при нем канцелярия из нескольких канцелярских служителей. Учреждена должность квартермистра у счета и рассматривания книг в ранге поручика. Затем увеличено вдвое число унтер-шталмейстеров, ясельничих и т.д. Некоторым чинам увеличено жалованье.

Затем, согласно начертанному нами плану, следует перейти к рассмотрению распоряжений по егермейстерскому ведомству. Выше сказано, что дела Егермейстерской канцелярии были переданы при распределении всех дел государственных в заведывание 3-го Департамента Сената. В 1767 году сумма, отпускавшаяся на придворную птичью охоту по докладу³⁰ обер-гофмейстера Нарышкина³¹ была увеличена; с увеличением окладов служителям птичьей охоты жалованье им кроме начальника охоты, капитана Ивана Рыкунова, производилось из Дворцовой канцелярии по представлениям Обер-гофмейстерской канцелярии. При охоте, кроме высших чинов капитана, статейничего и статейщика (все эти лица были из одной семьи Рыкуновых) состояло 37 человек егерей, трех статей, комиссар кубучешник и колоколешник с двумя учениками и 5 человек конюхами для хождения за казенными при птичьей охоте лошадьми. В 1773 году внесен был на усмотрение императрицы доклад Обер-егермейстерской канцелярии о новом штате егермейстерского корпуса. Штат этот был значительно увеличен против существовавшего при императрице Елизавете Петровне. По штату полагалось для заведывания придворной охотой Придворная егермейстерская канцелярия с Конторою ее в Москве. Присутствие канцелярии состояло под председательством обер-егермейстера ранга генерал-аншефа, из егермейстера в чине генерал-поручика и унтер-егермейстера в ранге бригадира, при одном секретаре и потребном числе канцелярских чиновников. Затем при канцелярии состоял казначей. В Москве, в Конторе Обер-егермейстерской канцелярии состоял секретарь и 3 канцелярских чиновника. При денежной казне — комиссар поручичьяго чина и подканцелярист. Всего же по штату 26-го июня 1773 года³² на Обер-егермейстерскую канцелярию повелено было отпускать из Дворцовой канцелярии 68197 руб. 59 коп. Кроме того, на ремонт принадлежащих егермейстерскому корпусу зданий приказано отпускать ежегодно по 5 т. руб. из той же канцелярии. Того же 26 июня 1773 года утвержден был доклад³³ Канцелярии об учреждении при обер-егермейстерском корпусе 10 егерь-пажей из дворян. Мы уже говорили о школах, существовавших при различных частях придворного ведомства, и о введении в них общего порядка учения, установленного для училищ по всей империи. Такая же школа существовала и при Обер-егермейстерской канцелярии, а, следовательно, распоряжение по сему предмету, касавшиеся остальных школ придворного ведомства, изданное в 1773 году, распространялось и на школу придворного егермейстерского ведомства. При уничтожении в 1786 году³⁴ Дворцовой канцелярии взамен сумм, отпус-

кавшихся на Обер-егермейстерскую канцелярию и команду по 81286 руб. в год, повелено было отпускать такую же сумму из государственных доходов.

В 1765 году³⁵ Канцелярия от строения переименована была в Канцелярию от строений ее величества домов и садов и утвержден штат определенной при сей канцелярии военной команде для содержания дворцовых караулов в составе 2 батальонов из двух гренадерских и шести мушкетерских рот и двух мастеровых рот, всего в числе 1451 человека. В 1769 году президенту Ревизион-коллегии Маслову повелено было образовать Канцелярию от строений императорских домов и садов. Из представленного Масловым доклада оказалось, что денежные суммы ее выходят большей частью не на то употребление, на которое ассигнованы, и что некоторые в ведомстве сей канцелярии учреждения, конторы и чины излишни; причину этого государыня видела в том, что как канцелярия, так и подведомственные ей конторы не имеют ни штатов, ни положений. Поэтому именным указом³⁶, данным действительному тайному советнику Бецкому³⁷, повелено было Канцелярии от строения домов и садов, Гоф-интендантской конторе зимнего дома и Петергофской конторе, на том основании, как оные ныне состоят, не быть; взамен же их, под главным начальством Бецкого учреждается Контора строения домов и садов ее величества. На содержание Конторы и ее ведомства повелено отпускать из Штатс-конторы прежнюю сумму 133333 руб. и кроме этого на строение зимнего дома 60 т. руб. Контора состояла из трех советников и одного, ассесора при трех секретарях. Таким образом, ко времени вступления на престол императора Павла I-го, мы находим следующие учреждения придворного ведомства: 1) Придворную контору, заведовавшую расходами по высочайшему двору, как на содержание личного состава, так и на заготовление припасов. Придворная контора получала суммы, положенные на них по штатам, частью из государственных доходов, частью из доходов с дворовых крестьян и волостей, находящихся в заведывании казенных палат; 2) Придворную конюшенную контору, заведовавшую придворной конюшней и казенными конскими заводами, и получающую положенные на нее суммы частью из государственных доходов, частью же из доходов с конюшенных волостей, каковые доходы собираются также Казенными палатами, в заведывание которых поступили эти волости; 3) Обер-егермейстерскую контору с командой, и 4) Контору от строения домов и садов ее величества³⁸. Обе последние конторы получали суммы, на оные положенные, из государственных доходов.

Царствование императора Павла I

Мы видим, что императрица Екатерина II повелела Придворной конторе составить примерный штат придворных чинов и служителей для издания нового штата двора, долженствовавшего служить руководством Придворной конторе; но предположенное императрицей издание такого штата, она до кончины своей не успела сделать, и штат этот

появился лишь в декабре 1796 года³⁹ при императоре Павле I; штатом этим⁴⁰ учреждена была *Придворная канцелярия*⁴¹.

Придворная канцелярия состояла под начальством обер-гофмейстера, и была учреждена для приема и отпуска в разные места на содержание высочайшего двора денежных сумм. Предметы ее ведомства были следующие: 1) прием денег по расписанию Государственного казначея; 2) отпуск суммы на содержание высочайшего двора в те ведения, которым оные подлежат; 3) приготовление припасов, материалов и проч., что подрядами делаться должно и что по свойству вещей прочим ведениям не подлежит; 4) получение от всех ведений годовых счетов всех расходов, теми ведениями удержанных, *для одного только счета*, а не для освидетельствования, не для ревизии; 5) хранение сервизов и прочих придворных вещей, которые не находятся в употреблении. Из этого видно, что Придворная канцелярия являлась в некотором роде центральным учреждением придворного ведомства, по крайней мере в том отношении, что она одна принимала все суммы, назначенные на содержание высочайшего двора, распределяя их уже от себя по разным придворным ведениям. Кроме того, центральным управлением она являлась в том отношении, что в оную препровождались годовые счета всех ведомств, но не для ревизии их и проверки оных, а только для счета, принятия к сведению и для внесения в общий счет расходов по придворному ведомству. Получая суммы на содержание свое от Придворной канцелярии и будучи обязаны представлять ей отчеты о расходах своих, прочие придворные учреждения, тем не менее, оставались совершенно самостоятельными и получали повеления императора непосредственно сами, а не через центральное управление, как бы следовало. Понятно, что порядок, введенный императором Павлом I, составлял шаг вперед против прежнего многоначалия в придворном ведомстве, но шаг еще нерешительный. Это была только попытка к объединению придворного ведомства. Весь придворный штат 1796 года основывался, как это в нем и выражено, на *главных чинах*, ведению которых подчинены все прочие чины и принадлежности двора. Этот план проведен в нем и по отношению к учреждениям придворного ведомства. Главные чины, заведывавшие принадлежностями двора были следующие: обер-гофмейстер, обер-гофмаршал, обер-шталмейстер и обер-егермейстер; остальные главные чины не заведывали отдельными частями придворного ведомства. Мы видели уже, что Придворная канцелярия находилась в заведывании обер-гофмейстера; в заведывании обер-гофмаршала находилась Придворная контора; обер-шталмейстер ведал по прежнему Конюшенную контору, а обер-егермейстер — свою Егермейстерскую контору. Кроме того, в ведении гофмаршала состояли Гоф-интендантская и Камер-цалмейстерская⁴².

Рассмотрим теперь отдельные части придворного ведомства при Павле I, принимая за точку отправления штат 30 декабря 1796 года. Начнем при этом с *Придворной канцелярии*, в виду того централизующего значения, которое ей было дано и которое ей присваивало если не материальный, то нравственный перевес над прочими придворными уч-

реждениями. Мы только что перечислили предметы ее ведения, и упомянули, что она была под непосредственным начальством обер-гофмейстера, который был ее председателем. За сим в состав канцелярии входили два гофмейстера, 1 казначей и 2 секретаря при потребном числе канцелярских служителей. По штату 1796 года на Придворную канцелярию и ее ведомство положено 332570 руб. серебр.

Придворная контора — под начальством обер-гофмаршала заведывала, кроме приема денег от Придворной канцелярии: 1) отпуском жалованья всем чинам, 2) совершением контрактов с содержателями столов и производила за оные платежи, 3) всеми прочими расходами, как-то починкой дворцов, строений, ливрей и т.д. На конторе лежала также обязанность доставлять в Придворную канцелярию годовой о приходах и расходах своих счет. По поводу 2 пункта обязанностей Придворной конторы следует заметить, что при высочайшем дворе повелено было держать стол лишь для особы государевой и его детей; все же прочие столы отдавались подрядсодержателям. Эти столы были следующие: а) главные — 1) гофмаршальский, за которым обедали дежурные кавалеры; 2) обер-гофмейстерины с фрейлинами; 3) начальника кавалергардских рот; и б) второго класса — 1) в караульной караульным офицерам; 2) дежурным секретарям и адъютантам; 3) дежурному лекарю, священнику, конюшенному офицеру, дежурным пажам и всем прочим при канцелярии дежурным; в) столы третьего класса: 1) камер-юнкерам и камердинерам; 2) стол официантский и 3) стол ливрейный. Столы сдавались в подряде для того, чтобы освободить Придворную контору от излишних хлопот, оставив ей только один денежный счет и надзор за содержателями при исполнении контракта. При таком порядке вся масса мастеровых, существовавших прежде по придворному штату: кучеров, водочных мастеров, пивоваров и медоставов, и т.п. из нового штата была исключена и все предметы их приготовления велено приобретать готовыми или брать от подрядчиков. Состав Придворной конторы был следующий: обер-гофмаршал, 2 гофмаршала и 1 секретарь; кроме того при конторе состояли: гоф-штаб квартирмейстер, заведывавший зданиями, для помещения придворных служителей предназначенными; несколько канцеляристов и комиссар. Ни штат, ни круг ведомства Придворной конторы в царствование императора Павла I не изменялись. На Придворную контору и ее ведомство полагалось в год 587053 руб. сер.

Придворная конюшенная контора

По штату 1796 года предметы ведомства ее были: 1) прием от Придворной канцелярии потребных на конюшенную часть сумм; 2) выдача жалованья по штату; 3) содержание экипажей и уборов для экипажей и верховой езды; 4) покупка фуража и прочие расходы; 5) доставление в Придворную канцелярию отчета о приходе и расходе сумм. Порядок комплектования придворных конюшен предположено изменить с тем, чтобы лошади для них поставлялись не исключительно с казенных конских заводов, а покупались, для чего определена по штату особая ремонтная сумма. Присутствие конторы составляли: обер-шталмейстер,

шталмейстер и секретарь; при конторе же состоял комиссар для расхода денег.

По штату 1796 года на Конюшенную контору полагалось 147707 руб. 48 коп. С сентября месяца 1797 года эта сумма увеличена 6360 руб. на исправление полицейских обязанностей по содержанию в чистоте улиц перед конюшенными зданиями и т.п. В следующем же 1798 году потребовалось издание нового штата⁴³ Конюшенной конторы; причем сумма, определенная на содержание придворной конюшни государя и августейших детей, определена была уже в размере 471500 руб. сер. в год, которую и велено отпускать Придворной канцелярии из суммы 3600100 руб., определенной на содержание двора; в состав Конюшенной конторы по новому штату вошли 2 советника 5 класса. Затем состоялось распоряжение о назначении пяти казенных конских заводов на всегдашнее содержание придворной конюшни.

Егермейстерская контора

Она принимала от Придворной канцелярии потребные на содержание свое деньги, производила по своей части расходы и отдавала отчет Придворной канцелярии. В состав ее входил обер-егермейстер, егермейстер, унтер-егермейстер и казначей. По штату определено на егермейстерское ведомство 47358 руб. сер. 18 коп., включая сюда и содержание зверинцев. Излишнее против штата число зверей в зверинцах предписывалось продавать и вырученные деньги хранить до надобности, числя эту сумму экономической. В это царствование решилась судьба сокольных помытчиков: всех их кроме казанских определено обратить в дворовые крестьяне; казанские же помытчики, в числе 121 человека, оставлены на прежнем основании.

Обер-гофмаршал заведывал и Гоф-интендантской. Название конторы было отменено, и Контора строения домов и садов императорских была наименована просто «Гоф-интендантской»⁴⁴.

Состав Гоф-интендантской был следующий: гоф-интендант и 2 комиссара. Указом Придворной канцелярии 6 июня 1797 года⁴⁵ к обязанностям Гоф-интендантской отнесено наблюдение за чисткой печных труб в дворцах и домах придворного ведомства и сохранение чистоты в дворцах. В следующем году ведению Гоф-интендантской подчинены Тивдийские и Русковские мраморные ломки. Под ведением обер-гофмаршала состояла также Камер-цалмейстерская, состоявшая из 2-х комиссаров и 2-х их помощников. Обязанность Цалмейстерской состояла в сохранении и исправлении дворцовой мебели, причем, починку мебели велено производить через наемных людей⁴⁶.

Заключая историю учреждений придворного ведомства в это царствование, нельзя не упомянуть еще о том государственном акте высокой важности, который издан 5 апреля 1797 года под именем «Учреждения об императорской фамилии»⁴⁷. Этот акт составляет основной закон, в котором определяются права членов императорского дома. Этим самым учреждением определены и средства для содержания членов императорской фамилии. Назначенные для сего особые имения и денежные капи-

талы под названием удела поручены заведыванию особого Департамента уделов. Учреждение об императорской фамилии вошло в Свод действующих законов (т. I, ст. 82—203)⁴⁸, история Департамента уделов, ныне составляющего часть Министерства императорского двора, не может входить в настоящий очерк, так как учреждение это не имеет характера установления придворного⁴⁹.

ОР РНБ. Ф. 859. Оп. Т. 16. К. 19. № 5. Л. 2—15. Копия.

(Окончание следует)

Примечания

¹ Повытье — низшее структурное подразделение центральных государственных учреждений России XVIII — начала XIX вв.

² ПСЗ-1. Т. 16. № 11989. С. 462—468.

³ Там же. С. 463.

⁴ Там же. № 11854. С. 289.

⁵ Там же. № 11886. С. 320—321.

⁶ Т.е. Вотчинной канцелярии.

⁷ ПСЗ-1. Т. 17. № 12403. С. 139.

⁸ Там же. Т. 19. № 14003. С. 788; Т. 44. Ч. II. Отд. IV. К № 14003. С. 134—135.

⁹ Там же. № 14133. С. 926—929.

¹⁰ Там же. Т. 20. № 14497. С. 406—408.

¹¹ В соответствии с «Учреждением для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 года. ПСЗ-1. Т. 20. № 14392. С. 229—304.

¹² ПСЗ-1. Т. 22. № 16451. С. 702; № 16452. С. 702—706.

¹³ Там же. № 16452. С. 706; Т. 44. Ч. II. Отд. IV. К № 16452. С. 200—201.

¹⁴ Там же. № 16452. С. 704.

¹⁵ Там же. С. 706.

¹⁶ Самойлов Александр Николаевич (1744—1814) — граф, генерал-прокурор с 1792 по 1796 гг.

¹⁷ Т.е. Камер-цалмейстерская контора.

¹⁸ ПСЗ-1. Т. 17. № 12354. С. 86.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Т. 9. № 6350. С. 63; Т. 44. Ч. II. Отд. IV. К № 6350. С. 26—33.

²¹ Там же. Т. 17. № 12787. С. 1064; Т. 44. Ч. II. Отд. IV. К № 12787. С. 110—111; С. 215—221.

²² Там же. Т. 22. № 16348. С. 549—550.

²³ Там же. № 16349. С. 550—552.

²⁴ Там же. С. 551.

²⁵ Там же. Т. 23. № 17330. С. 696—697; Т. 44. Ч. II. Отд. IV. К № 17330. С. 215—221.

²⁶ Там же. Т. 22. № 16349. С. 549—550; Т. 44. Ч. II. Отд. IV. С. 193—196.

²⁷ Там же. Т. 23. № 17330. С. 697. П. 5.

²⁸ Там же. С. 696—697.

²⁹ Там же. С. 697.

³⁰ Там же. Т. 16. № 12231. С. 803; Т. 44. Ч. II. Отд. IV. К № 12231. С. 77—79.

³¹ Нарышкин Семен Кириллович (1710—1775) — генерал-аншеф, обер-егермейстер.

³² ПСЗ-1. Т. 19. № 14004. С. 788; Т. 44, Ч. II. Отд. IV. К № 14004. С. 136—146.

- ³³ Там же. № 14005. С. 788—790.
- ³⁴ Там же. Т. 22. № 16451. С. 702; № 16452. С. 702—706.
- ³⁵ Там же. Т. 17. № 12468. С. 520—521.
- ³⁶ Там же. Т. 18. № 13367. С. 998—1001.
- ³⁷ Бецкой Иван Иванович (1704—1795) — президент Академии Художеств в 1763—1794 гг., директор Канцелярии от строений (Канторы строения е.и.в. домов и садов), в 1782—1793 гг.
- ³⁸ К ним нужно добавить Кабинет е.и.в., Экспедицию кремлевского строения и Мастерскую и оружейную палату.
- ³⁹ ПСЗ-1. Т. 24. № 17700. С. 259; Т. 44. Ч. II. Отд. IV. С. 272—288.
- ⁴⁰ Имеется в виду весь «Придворный штат» 1796 г.
- ⁴¹ При этом Придворная контора продолжала действовать.
- ⁴² Указом 20 февраля 1797 г., ее обязанности были распределены между гофмаршалами (ПСЗ-1. Т. 24. № 17820. С. 347; Т. 44. Ч. II. Отд. IV. К № 17820. С. 291).
- ⁴³ Точное название — «Списки о чинах и всякого рода вещей, потребных для Придворной конюшни» (ПСЗ-1. Т. 25. № 18306. С. 7; Т. 44. Ч. II. Отд. IV. К № 18306. С. 306—312).
- ⁴⁴ ПСЗ-1. Т. 24. № 17873. С. 511.
- ⁴⁵ Там же. № 17991. С. 621—622.
- ⁴⁶ Там же. № 17820. С. 347; Т. 44. Ч. II. Отд. IV. К № 17820. С. 291.
- ⁴⁷ Там же. № 17906. С. 525—569.
- ⁴⁸ Свод законов Российской империи.
- ⁴⁹ Мы не можем согласиться с этим утверждением автора исследования, поскольку Департамент уделов был учреждением придворного управления.

«ПРОШУ ВАШЕГО ПРЕДПИСАНИЯ...»

Письмо М.И.Цветаевой в ЦЕКУБУ. 1922 г.

В 1921 г. при СНК РСФСР была создана Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ). Комиссия занималась учетом, регистрацией научных работников, привлечением ученых к общественной и исследовательской работе, оказывала им материальную помощь, проводила культурно-просветительскую работу, содействовала получению новинок отечественной и зарубежной научной литературы. На местах действовали 18 отделений, упраздненные в 1925 г. Постановлением СНК СССР от 3 мая 1931 г. ЦЕКУБУ была реорганизована в Комиссию содействия ученым (КСУ) при СНК СССР.

Одной из первых, о ком весной 1922 г. комиссия проявила заботу, была М.И.Цветаева. 16 марта она обратилась в ЦЕКУБУ с просьбой оказать ей содействие в получении от Московской комиссии по улучшению быта ученых удостоверения на льготы по жилью (док. № 1). 20 марта за подписями председателя и управляющего делами комиссии в МоскУБУ направляется предписание о немедленной выдаче удостоверения М.И.Цветаевой (док. № 2). На следующий день ЦЕКУБУ рассмотрела вопрос о порядке выдачи жилищных удостоверений научным работникам Москвы. Комиссия поручила Н.А.Семашко решить этот вопрос с президиумом Моссовета, в частности, дополнить и первый пункт постановления Моссовета от 8 февраля 1922 г. о порядке проведения в жизнь по Москве декрета СНК РСФСР от 16 января 1922 г. о мерах по улучшению жилищных условий научным работникам, указать на то, что «право на дополнительную комнату и прочие жилищные преимущества могут быть предоставлены не только лицам, имеющим на руках регистрационную карточку МоскУБУ, но также и научным работникам, включенным в списки ЦЕКУБУ и имеющим на руках соответствующее удостоверение от ЦЕКУБУ» (ГА РФ. Ф. № Р-4737. Оп. 1. Д. 6. Л. 29).

ЦЕКУБУ и в дальнейшем принимала меры по охране жилищных прав научных работников. Так, по этому вопросу комиссия направляла письма в Президиум ВЦИК 15 апреля (Д. 56. Л. 4) и председателю СНК РСФСР А.И.Рыкову 17 декабря 1924 г. (Д. 148. Л. 1). В том же году комиссия оказала содействие в охране жилищ, освобождении от уплотнения и изъятия комнат в квартирах профессора Московской консерватории им. П.И.Чайковского пианиста А.Б.Гольденвейзера, известных театральных деятелей А.Я.Таирова и А.А.Яблочкиной, дирижера Большого театра В.И.Сука, певицы К.Г.Держинской, других выдающихся мастеров искусств (Д. 148. Л. 19—24).

Публикацию подготовил Н.С.ЗЕЛОВ.

№ 1

Заявление М.И.Цветаевой¹ в ЦЕКУБУ*Москва**16 марта 1922 г.***В Ц[Е]КУБУ****Марины Ивановны Цветаевой-Эфрон****Заявление**

Состоя в списке первых 17 работников науки и искусства, которым был назначен в Москве 2 года назад академический паек, я полагала, что имею все основания к включению меня в списки научных работников согласно декрета СНК 6-го декабря 1921 г. и обратилась в МосКУБУ с просьбой меня зарегистрировать и выдать удостоверение, представляющее мне жилищные льготы.

МосКУБУ мне предложила представить за подписью П.С.Когана² и 2 других профессоров сведения, определяющие мою квалификацию как научной работницы в области литературы. Сведения эти были мною МосКУБУ доставлены. Однако вслед затем МосКУБУ в регистрации мне отказала и жилищное удостоверение не выдала.

В виду того, что состою в списках ЦЕКУБУ прошу Вашего предписания МосКУБУ о немедленной выдаче мне удостоверения не позже 17-го марта. В случае невыдачи мне вместе с моей 9-летней дочерью³ грозит выселение из квартиры.

*[М.И.Цветаева]***ГА РФ. Ф. № Р-4737. Оп. 1. Д. 6. Л. 30. Машинописная копия.**

№ 2

**Отношение ЦЕКУБУ в МосКУБУ о выдаче
М.И.Цветаевой-Эфрон удостоверения на жилищные льготы***20 марта 1922 г.***В МосКУБУ**

Препровождая копию заявления Марины Ивановны Цветаевой-Эфрон, Центральная комиссия по улучшению быта ученых предлагает Вам немедленно, не позже 21-го марта, выдать ей удостоверение, представляющее жилищные льготы (согласно постановления Моссовета от 8-го февраля), как научной работнице, состоящей в списках ЦЕКУБУ. О причинах невыдачи Вами такого удостоверения ранее сообщите в 3-х дневный срок.

Основание: постановление СНК РСФСР от 16 января 1922 г.

Председатель ЦЕКУБУ Халатов⁴**Управляющий делами Пятнов****ГА РФ. Ф. № Р-4737. Оп. 1. Д. 6. Л. 31. Отпуск.**

Примечания

¹ *Цветаева М.И.* (1892—1941) — поэтесса, автор эссе об А.С.Пушкине, В.Я.Брюсове, М.А.Волошине, Б.Л.Пастернаке и др. Дочь И.В.Цветаева (1847—1913), видного специалиста в области античной истории, создателя и первого директора (1911—1913) Музея изящных искусств в Москве. С 27 января 1912 г. была замужем за С.Я. Эфроном (1893—1941), журналистом, историком искусства, сотрудником Главразведупра РККА.

² *Коган П.С.* (1872—1932) — советский литературовед, театровед. Президент Государственной академии художественных наук (1921). Работал в театральном отделе Наркомпроса РСФСР, преподавал в вузах Петрограда и Москвы.

³ Имеется в виду *Эфрон А.С.* (1912—1975).

⁴ *Халатов А.Б.* (1896—1938) — советский государственный и партийный деятель. С 1918 г. на ответственной работе в Наркомпроде, Наркомате путей сообщения РСФСР. С 1922 г. председатель Правления ЦЕКУБУ при СНК РСФСР. В 1927—1932 гг. председатель Правления Госиздата и ОГИЗА РСФСР.

ИЗ МАЛЕНЬКОГО БОГЕМСКОГО ГОРОДКА

Письмо Л.Д.Троцкого Д.Ф.Сверчкову. 1907 г.

Ниже публикуется письмо Л.Д.Троцкого Д.Ф.Сверчкову из эпистолярной коллекции фонда Л.Д.Троцкого (Ф.325) Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Письмо датировано нами, исходя из содержания, началом второй декады августа 1907 г.

Адресат — известный социал-демократ Дмитрий Федорович Сверчков (1882—1938). С 1899 г. он участвовал в деятельности Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», был одним из организаторов социал-демократических студенческих организаций. После раскола РСДРП — большевик, однако осенью 1905 г. примкнул к меньшевикам¹. Троцкому пришлось вместе с ним пережить важные события революционного 1905 г. — о них автор напоминает в письме. В частности, Сверчков был заметным членом Петербургского Совета рабочих депутатов (13 октября — 3 декабря 1905 г.), в который его избрал профсоюз конторщиков. После ареста председателя Совета Г.С.Хрусталева-Носаря, он, наряду с Троцким и депутатом от Обуховского завода П.А.Злыдневым, вошел в состав временного президиума, образованного на общем собрании Совета 27 ноября. Однако 3 декабря члены Совета были арестованы, последовало продолжительное следствие. Осенью 1906 г. Сверчков, вместе с Троцким и 12 другими лицами, был приговорен к ссылке на поселение. Во время этапа Троцкий сумел бежать из уездного города Березово Тобольской губернии и в последующем оказался за границей; Сверчков отбывал ссылку в селе Обдорское (ныне г. Салехард). Заметим, что в августе 1907 г., когда писалось публикуемое письмо, Сверчков тоже совершил успешный побег². Поэтому с уверенностью можно утверждать: письмо в то время не было получено адресатом.

Настоящий документ публикуется, разумеется, не как свидетельство отношений социал-демократических корреспондентов, которые, несмотря на определенные идейные разногласия, отличались доброжелательностью и теплотой. Интерес представляют обобщения и оценки Троцкого. Прежде всего они касаются V съезда РСДРП, проходившего в Лондоне 30 апреля — 19 мая (13 мая — 1 июня) 1907 г. «Это был многолюдный, долгий, бурный и хаотичный съезд», — отмечал Троцкий в книге «Моя жизнь»³. На съезде он имел совещательный голос и выступал в качестве внефракционного делегата. Таковым он был и раньше, и позднее, причем, зачастую в силу своей натуры, желая занимать особую позицию, быть «над схваткой» между различными группами и течениями. В этом смысле Троцкий любил быть «внефракционным».

¹ См.: Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 653—654.

² Об этом и о последующих страницах своей революционной деятельности Д.Ф.Сверчков рассказал в книге «На заре революции» (М., 1921), которая неоднократно переиздавалась. В 1920 г. он вступил в партию большевиков, позднее участвовал в кампаниях по разоблачению троцкизма.

³ Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1990. Т. 1. С. 231.

В период, к которому относится письмо, Троцкий по своим взглядам был ближе к большевикам, он умел «радикализироваться», когда в России происходили революционные события. Как подтверждает публикуемый текст, Троцкий отдавал должное организованности, сплоченности большевиков, что, отметим, не помешало ему, как внефракционному делегату, оппонировать им на съезде по важнейшим вопросам. Вместе с тем Троцкий не скрывает перед своим адресатом-меньшевиком «удручающего впечатления», которое произвела на него меньшевистская делегация. Очевидно, что столь резкие оценки меньшевиков приведены не случайно — они, среди прочего, имели целью побудить Сверчкова задуматься о фракции, к которой тот примкнул. Весьма любопытны и обобщения, относящиеся к национальным социал-демократическим партиям, однако ясность их несколько размывает образность авторского стиля.

Читатель, несомненно, обратит внимание на впечатления Троцкого от первых встреч с «богами партийного немецкого Олимпа» — Карлом Каутским и Августом Бебелем⁴. Повышенный интерес не только Троцкого, но и других деятелей РСДРП к германской социал-демократии объяснялся прежде всего общим убеждением, что роль России в революционном прорыве к социализму не более чем вспомогательная; успех столь желанной европейской пролетарской революции зависит от событий в Германии и других странах Западной Европы, от силы и активности в них социал-демократов и рабочих масс. Из этого исходила и так называемая концепция «перманентной революции» Троцкого. В этой части она не противоречила и взглядам В.И.Ленина. Троцкий, однако, иногда терял чувство меры, проявляя себя «закоснелым немцефилом»⁵. Так, на Штуттартском конгрессе II Интернационала (август 1907 г.) он советовал товарищам по делегации «не высываться», равняться на немцев, что не всегда было оправданно.

В письме Троцкий также информирует адресата о своем активном участии в издательской деятельности, которая была направлена в первую очередь на разъяснение событий и опыта русской революции.

Публикуемый документ-автограф, написан черными чернилами. Сокращения восполнены в квадратных скобках. Отточия — автора письма.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук А.Н.СВАЛОВ.

Л.Д.Троцкий — Д.Ф.Сверчкову

[Вартенберг]

[Начало второй декады августа 1907 г.]

Милый дорогой дружище, только 10 авг[уста] (н. ст.) получил ваше письмо от 20 июня ст. ст. Когда-то вы получите эти мои строки? Даже скучно думать о том громадном расстоянии, которое разделяет нас сейчас...

Живу я сейчас в маленьком богемском городишке — с Н[аталией]Ив[ановной]¹ и Парвусом². Ваше письмо всех нас очень обрадовало. Как мы попали сюда? Это сложная история. Первое письмо я

⁴ Публикуемое письмо позволяет, кстати, уточнить время знакомства Л.Д.Троцкого с А.Бибелем. В книге «Моя жизнь» автор указывал, что оно произошло, когда отмечалось 60-летие Г.Ледебура (Т. I. С. 246), т.е. в 1910 г. Очевидно, однако, что первая встреча, возможно краткая, относится к 1907 г.

⁵ См.: В.И.Ленин и А.В.Луначарский. Переписка. Доклады. Документы: Литературное наследство. Т. 80. М., 1970. С. 619.

вам писал из Копенгагена, куда приехал через Гельсингфорс — Стокгольм. Из Копенгагена нас, как вы, конечно, знаете из газет, выгнали, и съезд происходил в Лондоне³. Из Лондона я направился в Берлин, куда вскоре прибыла Н[аталия] Ив[ановна]. Там мы прожили около трех недель и вместе с Парвусом отправились через Лейпциг и Дрезден в силезские горы («Исполиновы»). С сумками за спиной, с горными палками бродили мы пешком по горам больше недели. Хорошо!.. Взобрались на Schneekorpe^a (1608 метр[ов] над уровнем моря, — не бог знает как высоко, но это самая большая возвышенность среди силезских холмов). Деньги мы свои просвистали — пришлось возвращаться. Парвус отправился к своему лейпцигскому издателю, а я — с рефератом по немецким колониям. Читал реферат в Берлине, Лейпциге, Миттвейде, Фрайбурге, Дармштадте, Карлсруэ и Фрибурге, заработал около 300 марок. Решили разыскать дешевое место и там поселиться на месяц. Парвус отправился на розыски пешком и открыл Vartenberg^b. Это маленький вымирающий городишко — даже без ж[елезно]-д[орожной] станции — в немецкой части Богемии. Жизнь тут тихая и дешевая. Парвус пишет немецкую брошюру. Н[аталия] Ив[ановна] изучает немецкий язык, я перевожу на немецкий самого себя. Еще перед первым путешествием в горы я продал дрезденскому партийному издательству написанную брошюру, получил аванс и теперь работаю над ней⁴. (Аванс — увя! — похоронен в Исполиновых горах). Брошюра моя будет состоять из воспоминаний об октябрьск[о] — декабрьск[их] днях, главным обр[азом] о Совете депутатов, из описания нашего процесса с приложением речи и из описания путешествия «туда и обратно». В связи с этой книжкой, у меня к вам такого рода дело. Если у вас есть какие-либо снимки березовских и обдорских нравов (группа ссыльных, изба, нарты [...]», юрта, чум...) пришлите немедленно сюда. Я украшу этим свою книжку и заставлю издателя вам заплатить за это.

В Берлине мы с Н[аталией] Ив[ановной] через Парвуса познакомились со всеми партийными нотаблями. Были несколько раз у Каутских⁵, где я познакомился с Бебелем⁶ и с другими меньшими богами партийного немецкого Олимпа. Каутский производит удивительное впечатление своим ясным видом, застенчивостью своего взгляда и своих манер. Трудно представить себе, что пред тобою — один из самых влиятельных людей в Европе, который не может теперь не сознавать силы и размеров своего влияния. Бебель сделан из совершенно другого материала. Небольшая, но энергичная и властная фигура, беспощадный взгляд, который как будто взвешивает тебя. Старуха — мать Каутского праздновала недавно 70-летие своего рождения. Из Италии ей прислали поздравление под заголовком: *al mama del paro* — матери «папы» (социалистического). Был я раз в берлинской партийной школе, где 30 наиболее выдающихся партийных рабочих воспитываются для ролей агитаторов и редакторов провинциальных газет. Это предприятие воз-

^a Снежка — самая высокая вершина Судет в горах Крконоше.

^b Вартенберг.

^в Три слова в тексте не разборчивы.

никло в последнее время и обходится партии тысяч в 70 марок ежегодно. Меринга⁷ я еще не видел, так как он в июне был в Лондоне. Вскоре после съезда я обязался пред Каутским написать о съезде в *Neue Zeit*⁸ статью, да так и не выполнил этого обещания. Вы, вероятно, уже знаете в общих чертах, как прошел съезд и понимаете, что он не особенно мог вдохновить... Зато я написал для *Neue Zeit* статью «Дума о революции» (после разгона Думы), о которой Каутский отозвался слишком благосклонно. Моя статья «Совет и революция» из нашего общего сборника⁹ была кем-то переведена на немецк[ий] яз[ык] и напечатана еще до моего приезда сюда. Я имел удовольствие получить за нее 42 марки. Вообще гонорары здесь страшно ничтожны. 20 марок за передовую статью, 60—70 марок за печатный лист. Я сейчас прилагаю все усилия к тому, чтоб овладеть немецким языком. Пробую сразу писать по-немецки. Еще две-три недели настойчивой работы и я надеюсь совершенно овладеть техникой писания на немецком языке. Ничего не поделаешь! На ближайший период приходится искать приюта в немецкой журналистике. Но теперешний «переходный» момент дает себя очень и очень чувствовать в денежном отношении. А жизнь адски дорога (кроме Вартенберга, который, однако, не многим лучше Обдорска) — долго тут не проживешь.

Богдан¹⁰ теперь в Штутгарте вместе с Ел[еной] Вас[ильевной], — ждут там интернационального конгресса, который откроется дней через 5 (17 авг[уста] н.ст.). Я может быть тоже на днях отправлюсь в Штутгарт, если получу деньги на дорогу¹¹.

Вы пишете, дорогой друг, что человек, оказавший мне услугу, попал в непростое положение и нуждается. В чем дело? Почему так глухо и темно? К сожалению, я сейчас совершенно ничего не могу послать, так как мы с Н[аталией] И[вановной] проживаем последние двадцать крон, и пока что ничего в волнах не видно... При первой возможности вышлю, сколько смогу, — но сообщите, в чем, собственно, дело? Я совершенно забыл, что дал вам адрес Салтыкова, и только теперь написал в Петербург, чтоб навели у него справки насчет рукописи. Но кроме этой рукописи должны были остаться у вас и другие тетрадки с незавершенным «заключительным словом»¹². Отберите, голубчик, исписанные листы и перешлите мне по адресу: Н^m Dr Schitomirsky, Ziegelstr. 24. *Berlin*. По этому же адресу и фотограф[ические] снимки пришлите и письмо напишите. Подписывайте на конвертах «для Михенко». Евангелие на финском языке, о котором вы пишете, Вы, надеюсь, получите одновременно с этим письмом.

Два чувства борются во мне сейчас: с одной стороны, хочется сейчас отправить это письмо, с другой, хочется написать побольше и отложить отправку, так как сейчас мне нужно по хозяйственным делам съездить в соседний городок Лiera^a: здесь в Вартенберге ничего не достанешь. Попробую, однако, до отъезда еще приписать несколько слов.

^a Лайпа.

О съезде затрудняюсь вам писать сейчас, ибо не знаю, что вам уже известно и что для вас темно. Как меньшевику должен вам сказать, что наиболее удручающее впечатление производила на съезде меньшевистская делегация¹³. Скептицизм, разложение, презрение к партии, презрение ко всяким широким перспективам, презрение к самим себе, самоплевание под видом самокритики, беспредметное нытье, беспредельное зубоскальство — вот картина меньшевистской делегации. «От ваших воняет трупом», сказал я Мартову¹⁴, который как будто и сам наполовину это чувствовал. У большевиков гораздо более связи между собою, больше веры, больше нахальства, если не дерзновения, больше партийного патриотизма, имеющего, правда, ефрейторский характер. Поляки¹⁵ обещали вести примирительную политику, но, по незнанию русского языка и много другого, сбились с шагу и пошли в ногу с большевиками. Латышей¹⁶ было поистине жаль: они до последнего времени знали только одно разногласие: «правое» крыло говорило, что экспроприации можно устраивать не ниже одиннадцати рублей, а «левые» возражали: «и гривенник — маленькая польза». А тут их вдруг призвали решать мировые вопросы. Как в XVI в. в Голландии была страшная спекуляция на луковицы гиацинтов, так у нас развился ажиотаж по части латышских голов. Их буквально рвали на части. Наиболее зрелой была бундистская делегация¹⁷. Она поставила себе цель: компромисс во имя сохранения единой партии и твердо держалась этой политики. Нелепых, бессмысленных и безобразных сцен было множество. Но, в конце концов, съезд принял резолюции в духе большевиков, осудил экспроприации в духе меньшевиков и выбрал коалиционный ЦК. Это максимум того, что вообще можно было достигнуть на этом съезде, и потому я доволен.

Хотел еще поделиться с вами мыслями по поводу общего положения дел в России, но, во-первых, сейчас нужно уезжать, а, во-вторых, положение такое неопределенное, затяжное и подлое, что ничего умного не скажешь. Возможно, что революция на ближайшие год-два перейдет снова в «скрытое» состояние... Что революция не закончилась, что все социальные противоречия, ее породившие, не разрешены даже в самом минимальном размере, что победа реакции может иметь только временный характер, — это, надеюсь, для вас ясно, как и для меня.

Ну, довольно. Само собой разумеется, что это письмо в такой же мере относится к моему милому Петеньке¹⁸, как и к вам, Дм[итрий] Фед[орович]. Собственно говоря, следовало бы начать его так: «Отставной, но не менее любезный моему сердцу президиум!» Очень хорошо, что П[етр] Ал[ексеевич] занимается русским языком, в свое время будем вместе с ним вести рабочую газету. Крепко обнимаю и целую вас, мои дорогие друзья. Жму сердечно руку Ел[ене] Фед[оровне]¹⁹. Вышло ли тогда что-нибудь из снимков Влаевича?²⁰ Пришлите мне ваши две рожи для моей немецкой книжки: я снесу вас обоим немцу-парикмахеру, он вас обреет и причешет, а потом выведу вас пред немецкой публикой. Снимитесь во всех местах, какие найдете в Обдорске. Приветы и поцелуи всем товарищам.

Весь ваш Троцкий

Парвус хотел написать вам, да не успел я к нему сходить. В следующий раз...

Нат[алия] Ив[ановна] сердечно приветствует вас.

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 438. Л. 1—4об. Автограф.

Примечания

¹ Имеется в виду *Н.И.Седова* (1882—1962) — жена Л.Д.Троцкого.

² *Парвус (Гельфанд А.Л.)* (1869—1924) — уроженец России, с конца XIX в. участник социал-демократического движения в Германии, сохранял активные связи с российскими социал-демократами. Оказал большое влияние на Л.Д.Троцкого при разработке концепции «перманентной революции».

³ Имеется в виду V съезд РСДРП. Провести съезд в Копенгагене, как и в шведском Мальмё, не удалось, и делегаты переехали в Лондон. Съезд проходил 30 апреля — 19 мая (13 мая — 1 июня) 1907 г. Среди вопросов повестки дня: отчет ЦК; отношение к буржуазным партиям; отношение к Государственной думе; о рабочем съезде и др. По важнейшим вопросам съезд принял большевистские решения. Это стало возможным благодаря блоку большевиков с национальными социал-демократическими организациями. Троцкий на съезде (под фамилией Яновский) имел совещательный голос.

⁴ Речь идет о брошюре Троцкого «Туда и обратно». По просьбе немецкого партийного издательства Троцкий работал над предисловием, которое рассказало бы читателям о важнейших событиях и особенностях русской революции. Из этого предисловия выросла в течение нескольких месяцев отдельная книга «Россия в революции» (Trotsky L. Die Russische Revolution 1905. München, 1907). На русском языке она вышла в 1922 г. под названием «1905».

⁵ *Каутский К.* (1854—1938) — видный деятель германского и международного социал-демократического движения, был признанным теоретиком, «папой» II Интернационала. *Каутская Л.* — супруга К.Каутского, активная участница социал-демократического движения.

⁶ *Бebelъ А.* (1840—1913) — один из основателей (1869) и руководителей социал-демократической партии Германии.

⁷ *Меринг Ф.* (1846—1919) — один из руководителей левого крыла Социал-демократической партии Германии. Философ, историк.

⁸ «Die Neue Zeit» — журнал, теоретический орган СДПГ, основан в 1883 г. Троцкий активно сотрудничал в этом издании.

⁹ Речь идет о сборнике «История С.-Петербургского Совета рабочих депутатов» (М., 1906), статьи для которого писались бывшими депутатами в тюрьме. «Рукописи читывались нами совместно и по утверждению общей редакцией передавались через наших защитников для набора в печати» (Сверчков Д. На заре революции. С. 211).

¹⁰ Речь идет о *Кнуянце Б.М.* (1878—1911) (*псевд. — Богдан, Б.Радин, Рубен и др.*). Революционную деятельность начал в Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». После раскола РСДРП — большевик. В 1905 г. входил в состав исполкома Петербургского Совета рабочих депутатов. В декабре 1905 г. был арестован, приговорен к пожизненной ссылке в Сибирь. В мае 1907 г. бежал за границу. Был делегатом Штутгартского конгресса II Интернационала (18—24 августа 1907 г.). Работе конгресса и принятым решениям по вопросу о милитаризме и международных конфликтах была посвящена его статья: Радин Б. VII конгресс нового Интернационала // Радуга. 1907. № 3.

¹¹ Троцкий участвовал в работе Штутгартского конгресса II Интернационала, имея в делегации РСДРП совещательный голос. Социал-демократическая подсекция секции России насчитывала 37 делегатов. Троцкий принимал участие в комиссии конгресса по колониальному вопросу.

¹² Речь идет об отдельных рукописях, а также материалах к «заключительному слову» на судебном процессе. Троцкий, находясь в тюрьмах Петербурга после ареста в течение пятнадцати месяцев (до отправки в январе 1907 г. в Сибирь), активно занимался литературной работой. Сверчков впоследствии писал, что тюремная камера Троцкого «превратилась вскоре в какую-то библиотеку. Ему передавали решительно все сколько-нибудь заслуживающие внимания книги; он прочитывал их и весь день с утра до поздней ночи был занят литературной работой» (Сверчков Д.Ф. На заре революции. М., 1926. С. 221).

¹³ Большевики на V съезде РСДРП имели 88 делегатов с решающим голосом (для сравнения: меньшевики — 89 решающих голосов). Среди меньшевистских делегатов были Г.В.Плеханов, П.Б.Аксельрод, Ю.О.Мартов, А.С.Мартынов, А.Н.Потресов, Г.С.Хрусталева-Носарь, И.Г.Церетели и др.

¹⁴ *Мартов (Цедербаум) Ю.О.* (1873—1923) — видный деятель российской социал-демократии, с 1903 г. один из лидеров меньшевизма.

¹⁵ Социал-демократию Польши и Литвы на съезде представляли 45 делегатов. Среди них — Р.Люксембург, Ю.Мархлевский (Карский), Я.Тышка (Л.Иогихес) и др.

¹⁶ От Социал-демократии Латышского края было 26 делегатов, среди них — Ф.А.Розинь, К.Х.Данишевский, Я.Д.Ленцманис и др.

¹⁷ Бунд на V съезде РСДРП был представлен 55 делегатами. В связи с оценкой Троцкого надо иметь в виду, что по основным вопросам повестки дня бундовцы блокировались с меньшевиками.

¹⁸ Имеется в виду *П.А.Злыднев* (?—1913).

¹⁹ Имеется в виду Лаврова Е.Ф. — жена Д.Ф.Сверчкова.

²⁰ О ком идет речь не установлено.

«РАБОТА В РОССИИ — ЭТО ОСНОВНОЙ СМЫСЛ НАШЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ»

Письмо Бюро ЦК РСДРП Заграничной Делегации. 1925 г.

Началась работа над завершающим томом серии «Меньшевики в большевистской России. 1918—1924 гг.», готовящейся и публикуемой в рамках исследовательского проекта «Политическое наследие». Он охватывает один из наиболее сложных периодов деятельности РСДРП: с осени 1922 г. до конца января 1924 г. При определении хронологических рамок мы руководствовались тем, что, на наш взгляд, после арестов 1922—1923 гг. РСДРП как массовая общероссийская организация фактически перестала существовать, перейдя с августа 1922 г., согласно циркулярному письму Бюро ЦК, на нелегальное положение. Кроме того, смерть В.И.Ленина, обострившая внутривнутрипартийную борьбу в рядах РКП(б), привела к резкому ухудшению общеполитической ситуации в большевистской России и положила конец всяким надеждам на какую-либо демократизацию режима.

Б.М.Сапир утверждал, что «переходный период РСДРП от легальности к подполью, начало которого совпадает с провозглашением нэпа, закончился с появлением в Москве в начале августа 1922 г. Георгия Дмитриевича Кучина»¹. Решение о переходе на нелегальное положение было задним числом санкционировано совещанием местных партийных организаций в октябре того же года. В резолюции по организационному вопросу всем местным организациям было предложено «законспирировать главные отрасли работы и их активные силы, оставаясь в то же время на старой принципиальной позиции борьбы за право открытой оппозиции рабочего класса». Совещание высказалось против переноса руководящего партийного центра за границу и приняло решение в целях усиления работы в России «централизовать учет и распределение активных партийных сил, с максимальной целесообразностью используя всех способных к работе товарищей», пресечь «все попытки эмиграции отдельных членов партии, допуская ее лишь в исключительных случаях с ведома ЦК». Бюро ЦК поручалось наладить регулярную связь с местными организациями, организовав их постоянные объезды ответственными представителями, развернуть сеть партийной прессы, организацию пропагандистских рабочих кружков, усилить свое влияние среди профессиональных рабочих организаций, крепить партийную дисциплину. Центральным органом партии был признан «Социалистический вестник»².

«Появление Кучина у руля партийного корабля, — отмечал Б.М.Сапир, — прервало преемственность партийного центра, ведущего свою родословную от состава ЦК, избранного еще декабрьским съездом 1917 года. Ему на смену пришло Бюро ЦК, назначенное октябрьским совещанием 1922 года, подготовленным и проведенным Кучиным и ставшим отправным пунктом соц[иал]-дем[ократической]

¹ Columbia University Libraries. Bakhmeteff Archive (далее — BAR). Boris M. Sapir Collection. Series I. Box 16.

² Социалистический вестник. 1922. № 21(143). С. 13.

деятельности всех последующих лет, вплоть до полного исчезновения партии»³. В разное время в его состав входили: Г.Кучин, М.Рубин, М.Егоров, Б.Васильев, М.Либер, Б.Двинов, А.Девяткин, В. и М.Кононенко, Э.Канторович, киевлянин Я.Берштейн, И.Рашковский, И.Якубсон и др.

В одном из присланных из России в Заграничную Делегацию писем подчеркивалось: «Политическая ценность резолюций парт[ийного] сов[ещания], состоявшегося в окт[ябре] 1922 г., заключается именно в том, что из прямой оценки капиталистических отношений в Сов[етской] Р[оссии] и нового этапа эволюции самой власти она сделала новые политические выводы. Центр тяжести этих выводов и заключается в пересмотре прежней т[ак] наз[ываемой] тактики соглашения и в свертывании прежнего лозунга социалистич[еской] коалиции и единого фронта с переживающей перерождение властью. Вместо этого тезисы формулируют нашу позицию, как политически и классово-независимую... Вместе с тем лозунги политической свободы и демократического режима во всем его объеме ставятся в центре партийной политики»⁴.

Отказ от тактики единого фронта «с переживающей перерождение властью» и выдвижение в центр партийной политики борьбу за политические свободы и демократию означал прямую конфронтацию и глухое подполье. Отсюда — возрастание роли Заграничной Делегации РСДРП и почти полное отсутствие сведений о работе ЦК, Бюро ЦК и местных организаций. Большая часть документов этого периода, не только официальные, но и личного характера, — шифрованы.

Шифр менялся регулярно, и знание его за какой-либо определенный период не гарантировало возможности чтения материалов за предыдущий, либо последующий. Ситуация изменилась в самое последнее время. Во-первых, накоплен опыт выявления и обработки подобного рода документов не только в отечественных, но и в зарубежных архивах. Во-вторых, к их дешифровке подключились специалисты, и первые же шаги на этом пути дали великолепные результаты⁵. В итоге в научный оборот стали вводиться документы, которые либо перехватывались, либо конфисковывались ВЧК-ОГПУ при арестах и которые хранятся в следственных делах или рассылались в копиях для сведения в вышестоящие государственные и партийные инстанции. В свою очередь, в зарубежных архивах стали доступны документы, которые сдавались в конце 50-х — начале 60-х гг. эмигрантами — активистами РСДРП на хранение с условием допуска к ним только в случае появления гарантий защиты по отношению к лицам, чьи родные и близкие вели подпольную работу в большевистской России. И тут произошло неожиданное. Резко расширились как хронологические, так и географические рамки периода активного подполья. К примеру, только в одном архиве и только за один 1925 г. обнаружилось 47 писем с 8 января по конец декабря.

Ниже публикуется одно из узловых писем выявленной подборки, давшее ключ к расшифровке ряда других документов. Автором письма, вероятно, является Л.Н.Радченко, о деятельности которой в 1920-е гг. известно чрезвычайно мало. Шифрованные слова в тексте отмечены курсивом.

Публикацию подготовил доктор исторических наук А.П.НЕНАРОКОВ.

³ VAR. Boris M. Sapir Collection. Series I. Box 16.

^a Так в документе: отдельные слова подчеркнуты.

⁴ Там же. Сапир предполагал, что автором документа могли быть либо сам Кучин, либо Михаил Кононенко.

⁵ См.: «Мне хотелось бы ввести Вас в «интимную сторону» нашего партийного бытия». Письмо одного из руководителей Донской организации РСДРП Б.С.Васильева П.Б.Аксельроду / Публ. Д.Б.Павлов // Исторический архив. 2000. № 4. С. 147—165.

Письмо Бюро ЦК РСДРП № 3

4 декабря 1925 г.

Дорогие друзья!

Вы только с прошлой почтой получили письма с планом расширения и углубления работы, еще сегодняшняя почта принесет Вам письмо Пушки, в то время как самого Пушки среди нас уже нет. Трудно сказать, что с ним случилось. 90% за то, что он взят, но не исключена возможность и других предположений. Каких? — Судите сами. 30-го числа он вышел из дому в 9 час. утра и не вернулся. На другой день мы получили от него письмо, помеченное «30, XI, 4 часа дня», которое можно истолковать различно. Но самый простой вывод из всего, и так думает большинство товарищей, что он арестован. Крест пока сведений о нем не имеет. На квартиру к нему не приходили, но потому, б[ыть] м[ожет], что он успел уничтожить документы, как успел написать письмо.

Мы чувствуем себя растерянными и подавленными. Самое основное то, что *Пушка* — *последний из утвержденных вами*. Когда-то Вы давали ему открытый лист на составление *Бюро*. Он привлек к работе двух товарищей, из которых сейчас остался один. Федор Ильич, кажется, его знает: это *Якуб Глухой*. После того, как другой товарищ был вычеркнут из работников, еще более тесным образом, чем раньше, к *работе Бюро* была привлечена [я], но себя *полноправным членом Бюро* никогда не считала. Мы *своими силами*, безусловно, сумеем составить *технический аппарат, сохраним связи, будем по-прежнему распространять литературу[у] по местам, присылать вам информацию*. Но нам нужно *правомочное и жизнеспособное Бюро*, которое могло бы осуществить все планы, намечавшиеся в связи с оживлением в рабочей среде.

Возможности работы здесь не подлежат никакому сравнению. Вам уже писали, что в ближайшем будущем от нас потребуется быть на высоте положения. В конце концов, работа внутри России — это ж основной и единственный смысл нашего существования. Вы это и сами великолепно знаете. На этом подробно останавливаться не нужно.

Как это осуществить, Вы должны серьезно подумать. Было бы очень ценно, если бы *кто-либо из вас прибыл^a сюда для работы*. Мы в данный момент очень *бедны людьми*. Нас так основательно громили все эти годы, что здесь почти *никого не осталось из старых тов[арищей]*, которые могли бы *впряч[ь]ся в работу*. Можно, конечно, *вызвать тов[арищей] из ссылки*, они с радостью откликнутся на вызов, но для этого нужен ряд благоприятных условий и довольно большой период времени, возможно, даже до *шести месяцев*. Во всяком случае, мы ведем изыскания в этом направлении, переговоры с рядом товарищей и, когда *найдем достойных кандидатов и получим их согласие*, то *представим их на ваше утверждение*.

Мы твердо знаем (и просим Вас принять это близко к сердцу), что нам нужен *дееспособный* и максимально *авторитетны[й] орган*.

^a Так в тексте.

Вопрос о людях — вопрос центральный. Но не менее важна материальная сторона. Нам нужны деньги, и деньги немалые. Обещанные Вами *двести долл[аров] в мес[яц]*, при аккуратной их присылке, уже создали бы некоторую возможность работы. Но это минимум. Это при крайнем ограничении личных расходов тех трех-четырех товарищей, которых мы должны держать на партийном иждивении. Фактически нужно больше. И в этом случае имела бы большое значение присылка Вами за те месяцы, что мы не получали. А это — начиная с августа, да еще за июль 100 долл. (Видите, как нам приходится помнить, что и когда получено!). Это составило бы крупную сумму и дало бы возможность сразу поставить работу на рельсы.

Нам нужно оплачивать *документы, квартиры, разъезды*, нам нужно снабдить деньгами людей, которых мы хотим *вызвать из ссылки*. Ведь каждый *паспорт* стоит по меньшей мере 30 руб. Товарищам нужно иметь, куда заехать, необходимо *место для встречи, для техники, для архи[в]а*, но это же азбука. Не забывайте, товарищи, что Вы и понятия не имеете, в каких условиях нам приходится работать. Вы в них никогда не были. Горько говорить, что эти *элементарные нужды* — для нас *недосягаемая мечта* из-за *отсутствия денег*. Для работы, хоть в узких рамках, деньги нужны. Нужна уверенность в том, что они будут получаться регулярно и, в случае задержки, высылаться за пропущенное время. Тогда можно и заниматься.

Совершенно недопустимо положение, когда *в районы нельзя послать литературу, нет денег на билет*.

Я уже не говорю о том, что мы *месяцами не даем денег* товарищам, не имеющим возможности *зарабатывать, занят[ых] нашей работой*, предоставляя им *изворачиваться, как сами знают*.

Надо что-то придумать, чтоб не зависеть от *состояния одного только пути*. Вы когда-то писали о *других путях*, о возможности их *восстановления*. Пишите подробно, как с этим обстоит дело.

Необходимо вновь установить *экспрессы от нас к вам и обратно*.

Помимо *получения денег*, исправная *работа путей* важна для всей нашей деятельности.

Каждый *перерыв в доставке литературы ослабляет связ[ь] качественно*.

Еще если бы был хоть *проектировавшийся* в последнее время *местный орган*, мы могли бы — худо ли, хорошо ли — *заполнять долгие перерывы в получении «13»^а*. Мы не бросаем это дело и будем стремиться к его разрешению одновременно с *организацией Бюро*. Но и для этого *нужны деньги*.

Мы, м[ожет] б[ыть], получим возможность послать к Вам нашего товарища, *только что приехавшего из ссылки*. Он еще не вошел в курс дела, но достаточно хорошо нами информирован, чтобы разговор с ним дал Вам больше, чем самые подробные письма. Если эта поездка состоится, он будет у Вас не позднее 1 1/2 — 2-х месяцев.

^а Судя по смыслу, речь идет о «Социалистическом вестнике».

В ряде писем за последнее время Вам сообщалось о *Грибкове*. Теперь выяснились новые обстоятельства, дающие право полагать, что он совершенно очищен от возведенных на него обвинений. Абсолютной уверенности у нас нет, т.к., Вы понимаете, мы лишены возможности произвести свое следствие и должны довольствоваться расследованиями коммунистов. Но если мы не можем поручиться за его невиновность, то и для освобождения его у нас нет никаких данных. На днях он будет освобожден и реабилитирован коммунистами. Что делать с ним нам, конечно, окончательно решаем не мы, но мы пришли к решению, что в возможно более мягкой форме мы его от *партийной работы отстраним*.

В дальнейшем же обстоятельства покажут, удастся ли нам самим разобраться в этой истории.

Пока же коммунисты пришли к заключению, что [утечка] является [результатом] не «*агентурных сведений*», а *перлюстрированного письма*, которое, по их словам, найдено в деле, а *агентурных записок* в нем никаких нет.

Т[оварищи], знающие его по дореволюционной работе, сомневаются в том, чтобы он действительно мог быть *агентом охраны*.

В дополнение к посланному Вам списку, т.т., находящиеся в ссылке: в Нижнем: (с[оциал]-демократы) Смагин, Морозова Н.О. и получившие «- б» Кимбер Л.Л., Дейч С.Л., Иоффе Ар., Миркин, Лебединский, а из молодежи (тоже «б») Фукс, Иоффе Борис, Гендельман (сын эс-эра).

В Кирреспублике — Валя Бердичевская (из Союза молодежи, дочь С.И.Бердичевского), недавно получившая 3 года. Фамилии товарищей, получивших «- б», лучше не опубликовывать в *Вестнике*.

Сообщите, можно ли пользоваться для *экспрессов адресом*, переданным Симой. Одно письмо мы по нему послали, получено ли?

Сообщите, какие наши экспрессы Вами получены за последние месяцы.

Нумерацию начинаю снова, считая это письмо третьим (третья почта после перерыва).

К своему письму прилагаю написанное неделю назад и неотправленное письмо Пушки.

Шлем привет всем.

P. S. Да, не забывайте, что на нашем попечении находится семья Евсея, которая буквально голодает.

Columbia University Libraries. Bakhmeteff Archive. Boris Sapir Collection, Series VIII, Box 66, Folder «Письма из России». Рукописный оригинал. Чернила.

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИВ ВОЖДЕЙ

- «Честно служить партии».** Постановление Президиума ЦК КПСС об образовании КГБ при Совете Министров СССР. 1954 г. (В.Ю.Афиани, А.Л.Панина, А.И.Пожаров)..... 3

РОССИЯ В КОСМОСЕ

- «... Наш экипаж — сложился!»** К 20-летию со дня запуска КК «Союз-Т6» с международным экипажем на борту (Е.Ю.Башилова)..... 29

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ

- «Вся его работа проникнута крайней враждой по отношению к России».** Документы, письма, свидетельства современников об униатском митрополите Галицком Андрее Шептицком. 1914—1917 гг. (М.И.Одинцов) (Окончание)..... 41

ФОТОЛЕТОПИСЬ

- Мастера русской историографии: Валерий Иванович Бовыкин (1927—1998)** (О.А.Кубицкая, А.А.Чернобаев) 93

РОССИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ

- «Мало-помалу я втягивалась в новую жизнь».** Воспоминания графини Е.Л.Камаровской о 1910—1913 гг. (А.М.Маслов, М.А.Маслов, Н.М.Маслова)..... 109
- Князь Г.Е.Львов в Екатеринбургской тюрьме.** Обстоятельства ареста и освобождения. Март — июнь 1918 г. (И.Ф.Плотников) 140

НАРОДЫ И СУДЬБЫ

- Материалы к родословной В.М.Чернова** (А.И.Аврус, З.Е.Гусакова, А.П.Новиков) 171

ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

- «Всякой министр привозил дела с собою».** Записка Ф.Ф.Гежелинского о деятельности Комитета министров. 1826 г. (Н.И.Зув)..... 186

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

- Из истории учреждений придворного ведомства.** Вторая половина XVIII в. (М.А.Приходько) 192

АРХИВНАЯ РОССЫПЬ

- «Прошу Вашего предписания...»** Письмо М.И.Цветаевой в ЦЕКУБУ. 1922 г. (Н.С.Зелов) 207
- Из маленького богемского городка.** Письмо Л.Д.Троцкого Д.Ф.Сверчкову. 1907 г. (А.Н.Свалов)..... 210
- «Работа в России — это основной смысл нашего существования».** Письмо Бюро ЦК РСДРП Заграничной Делегации. 1925 г. (А.П.Ненароков) .. 217

CONTENTS

LEADERS' ARCHIVES

- «Honestly serve the Party».** Decision of the C.P.S.U. Central Committee's Presidium on formation of the KGB under the Council of Ministers of the USSR. 1954. (V.Iu.Afiani, A.L.Panina, A.I.Pozharov) 3

RUSSIANS IN OUTER SPACE

- «... Our crew has already formed!».** On the 20th anniversary of the launching of the spaceship «Soyuz-T6» with the international crew on board (E.Iu.Bashilova)..... 29

STATE AND CHURCH

- «Extreme hostility towards Russia was the most characteristic feature of all his activities».** Documents, letters, testimonies of contemporaries describing the life of the Uniat Metropolitan of Galicia Andrei Sheptitsky. 1914—1917. (M.I.Odintsov) (*The End*)..... 41

PICTORIAL REVIEW

- Pillars of Russian historiography: Valery Ivanovich Bovykin (1927—1998).** (O.A.Kubitskaya, A.A.Chernobaev) 93

RUSSIA AT A TURNING POINT

- «Little by little I was getting used to the new life».** Countess E.L.Kamarovskaya's reminiscences on the events of 1910—1913. (A.M.Maslov, M.A.Maslov, N.M.Maslova) 109
- Prince G.E.Lyov's imprisonment in Ekaterinburg.** Circumstances of arrest and jail release. March — June of 1918. (I.F.Plotnikov) 140

PEOPLES AND DESTINES

- Materials pertaining to V.M.Chernov's genealogy.** (A.I.Avrus, Z.E.Cusakova, A.P.Novikov) 171

THE NINETEENTH CENTURY

- «All ministers usually brought files with them».** F.F.Gezhelinsky's memorandum on the activities of the Committee of Ministers. 1826. (I.N.Zuev)..... 186

FROM ANCIENT TIMES

- From the history of the Department of Court institutions.** 2nd half of XVIII century. (M.A.Prikhodko) 192

MISCELLANEA FROM THE ARCHIVES

- «I beg of you to issue an order...».** M.I.Tsvetaeva's letter to the Central Commission for Improving Scholars' Life. 1922. (N.S.Zelov)..... 207
- From a small Bohemian township.** L.D.Trotsky's letter to D.F.Sverchkov. 1907. (N.A.Svalov) 210
- «Work in Russia is a major point of our existence».** Russian Social Democratic Workers' Party's Central Committee Bureau's letter to the Foreign Delegation. 1925. (A.P.Nenarokov)..... 217

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АВРУС** Анатолий Ильич — доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного университета
- АФИАНИ** Виталий Юрьевич — кандидат исторических наук, заместитель директора РГАНИ
- БАШИЛОВА** Елена Юрьевна — ведущий специалист РГАНТД
- ГУСАКОВА** Зоя Емельяновна — научный сотрудник Саратовского областного государственного архива
- ЗЕЛОВ** Николай Степанович — главный специалист ГА РФ
- ЗУЕВ** Николай Иванович — старший преподаватель Магаданского филиала Московской государственной юридической академии
- КУБИЦКАЯ** Ольга Александровна — кандидат исторических наук, заведующая редакционным отделом издательства РОССПЭН
- МАСЛОВ** Александр Михайлович — кандидат экономических наук
- МАСЛОВ** Михаил Александрович — кандидат политических наук
- МАСЛОВА** Наталья Михайловна — кандидат филологических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета
- НЕНАРОКОВ** Альберт Павлович — доктор исторических наук, профессор, главный специалист РГАСПИ
- НОВИКОВ** Александр Павлович — кандидат исторических наук, доцент Саратовского государственного технического университета
- ОДИНЦОВ** Михаил Иванович — доктор исторических наук, начальник отдела аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ
- ПАНИНА** Алла Леонидовна — кандидат филологических наук
- ПЛОТНИКОВ** Иван Федорович — доктор исторических наук, профессор Уральского государственного университета
- ПОЖАРОВ** Алексей Иванович — кандидат юридических наук, старший преподаватель Академии ФСБ РФ
- ПРИХОДЬКО** Михаил Анатольевич — аспирант Московской государственной юридической академии
- СВАЛОВ** Александр Николаевич — кандидат исторических наук, доцент

От редакции

В № 1 журнала «Исторический архив» за 2002 г. на с. 167 в подписи под фотографией следует читать: «Н.И.Кареев». Письмо Н.И.Кареева о встрече с И.С.Тургеневым (№1 за 2002 г.) впервые было опубликовано В.Г.Бухертом в журнале «Источник» (№ 5 за 2000 г.)

Издатель: АНО Издательство

«Российская политическая энциклопедия»

Компьютерная верстка А.Ю.Егоркина, О.И.Поток.

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 18.04.2002.

Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18,06. Тираж 800 экз. Заказ № 6366

125256, Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция);

Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации).

ППП типография «Наука»

121009, Москва, Шубинский пер., 6.

**Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)**

Выпускает научную литературу по истории, философии, политологии, культурологии, экономике, энциклопедические издания, мемуристику и т.п.

**Наши книги вы можете приобрести без торговых наценок
в фирменных магазинах Издательства в г. Москве:**

«**Книжный салон РОССПЭН**» (в офисе Издательства): В. Пика ул., д. 4,
корп. 2. Тел. 181-34-57, с 10⁰⁰ до 18⁰⁰ (метро «Ботанический сад»).

«**Книжная лавка историка**»: Б. Дмитровка ул., д. 15. Тел. 200-50-07, с 10⁰⁰ до 18⁰⁰
(метро «Охотный ряд», «Театральная», «Пушкинская», «Чеховская»).

«**Книжный киоск РОССПЭН**»: Дм. Ульянова ул., д. 19. Тел. 126-94-18, с 11⁰⁰ до 17⁰⁰
(метро «Академическая»).

«**Книжная лавка обществоведа**»: Нахимовский пр-т, д. 51/21, с 10⁰⁰ до 18⁰⁰
(метро «Профсоюзная»).

Наши книги постоянно продаются в книжных магазинах:

Академкнига (Екатеринбург)
Мамина-Сибиряка ул., д. 137

Библио Глобус (Москва)
Мясницкая ул., 6

Академкнига (Красноярск)
Сурикова ул., д. 45

Дом книги (Санкт-Петербург)
Невский пр., 28

Академкнига (Новосибирск)
Красный пр., д. 51

Московский Дом Книги (Москва)
Новый Арбат ул., 8

Академкнига (Санкт-Петербург)
Литейный пр., д. 57

Дом книги (Ярославль)
Кирова ул., д. 18

Академкнига (Уфа)
Зорге ул., 10

Светоч (Краснодар)
Красная ул., д. 145/1

Деком (Н. Новгород)
Б.Покровская, 46 (магазин «Дирижабль»)

Топ-книга (Новосибирск)
Арбузова ул., 1/1

Справки по тел./факсу: (095) 181-34-57
E-mail: rosspen-market@mail.ru
URL: <http://www.rosspen.com>

Издательство
«Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

проводит подписку на журнал «ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ»
на I полугодие 2002 г.

Периодичность издания 3 номера в полугодие
Стоимость полугодовой подписки **300 руб.** с учетом почтовых
услуг в пределах Российской Федерации

Для оформления подписки переведите 300 руб.
на расчетный счет издательства через любое отделение Сбербанка

Образец заполнения квитанции в Сбербанке:
АНО «Издательство Российская политическая энциклопедия»
ИНН 7717098296

Р/сч 40703810638090103673 в Мещанском отделении 7811
Сбербанка России г. Москва

К/сч 30101810400000000225 БИК 044525225

Просьба в квитанции точно указывать свой почтовый адрес с
индексом, фамилию, имя и отчество.

В графе «вид платежа» укажите: «Исторический архив»
и подписной период

Для сотрудников Федеральной архивной службы и для
подведомственных Росархиву учреждений при подписке в
издательстве на I полугодие 2002 г. (а также при покупке в
издательстве ранее вышедших полугодовых комплектов журнала)
устанавливается специальная цена — 240 руб.

Подписаться на журнал «Исторический архив» или приобрести его
в розницу можно также в офисе издательства:

129256, г. Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2

Тел./факс: (095) 181-34-57

E-mail: rosspen-market@mail.ru

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!

ВЫ МОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ НА ДАННОЕ ИЗДАНИЕ
ПО КАТАЛОГУ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»

«RUSSIAN NEWSPAPERS & MAGAZINES-2000».

Тел.: /007 095/ 195 6677, 195 6418

Факс: /007 095/ 195 1431, 785 14 70

E-mail: ovs@rosp.ru

Web site at <http://www.rosp.ru>

ATTENTION OF FOREIGN SUBSCRIBERS!

YOU CAN SUBSCRIBE TO THIS EDITION
THROUGH THE «ROSPECHAT» AGENCY CATALOGUE

«RUSSIAN NEWSPAPERS & MAGAZINES-2000».

Phone: /007 095/ 195 6677, 195 6418

Fax: /007 095/ 195 1431, 785 14 70

E-mail: ovs@rosp.ru

Web site at <http://www.rosp.ru>